
Федеральное агентство по образованию

Научный журнал
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 3 (108). Май, 2010

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йюенсуу, Финляндия)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)
Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)	Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)
И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)	МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)	В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)	В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)	З. К. ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Federal Educational Agency

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 3 (108). May, 2010

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)	L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series
«Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYÜNTAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	Z. TARLANOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ФИЛОЛОГИЯ

К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне

Веригин С. Г.

Политическая и социально-экономическая жизнь Карелии в начальный период Великой Отечественной войны 8

Чумаков Г. В.

Подготовка разведывательно-диверсионных кадров органами НКВД-НКГБ КФСР в годы Великой Отечественной войны 18

Tuomainen Pasi

Elimination of Pockets in Western Lemetti during January-February 1940: Use of German Experience with Storm Troops by the Finnish IV Army Corps 26

Дюжнев Ю. И.

Военная тема в прозе Народного писателя Карелии Яакко Ругоева 33

Спирidonova И. А.

«Очерки о подвигах» Руд. Бершадского: несостоявшаяся публикация в журнале «Знамя» 1941 года 47

Михайлюченко О. С.

Мотивы смерти и воскрешения в рассказе А. Платонова «Оборона Семидворья» в свете текстологии 51

ИСТОРИЯ

Никулина Т. В., Харебова Л. С., Тере В. А.

О записях в старопечатных кириллических книгах XVII века 60

Побежимов А. И.

К вопросу об определении колонизационных путей в Поонежье 63

ПЕДАГОГИКА

Пилипенко Е. К., Бурдюгова Н. А.

Аргументация собственного мнения как один из критериев оценивания сочинения в формате ЕГЭ 72

ФИЛОЛОГИЯ

Львова И. В.

Ф. М. Достоевский и Ф. Рот: тема преступления и наказания в романе Ф. Рота «Случай Портного» 77

Кунильский Д. А.

О литературной холодности (Пушкин в восприятии А. Хомякова и И. Киреевского) 80

ЭКОНОМИКА

Козырев В. В., Савельев Ю. В.

Сущность современной конкуренции территорий: маркетинговый подход 86

Ругачева А. В.

Финансовый механизм как часть институционального механизма функционирования фирмы 91

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пальцева Е. С.

Допустимость применения принципа презумпции невиновности для ограничения свободы слова журналиста 97

РЕЦЕНЗИИ

Илюха О. П.

Рец. на кн.: Калинина Е. А. Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX века 102

Паиков А. М.

Рец. на кн.: Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.) 105

ДИСКУССИИ

Пивовев В. М.

Отклик на публикацию 108

ПАМЯТЬ

Соколов А. С.

Как возможна философия истории? (Памяти профессора Ю. В. Перова) 110

ЮБИЛЕЙ

К 70-летию со дня рождения С. И. Кочуркиной 114

Информация для авторов 115

Contents 116

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель: ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 19.05.2010. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100 экз.) Изд. № 119.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ЖУРНАЛА**

Профессор,
доктор технических наук
А. В. Воронин

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ – АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 февраля 2010 года № 6/6 научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» (серии «Естественные и технические науки» и «Общественные и гуманитарные науки») включен в новую редакцию Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Все научные периодические издания, включенные в новую редакцию Перечня, будут рекомендованы для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени как доктора, так и кандидата наук по профилю научного периодического издания.

Поздравляю всех авторов, рецензентов, редакционный совет, редколлегии обеих серий, редакционный отдел журнала с официальным признанием «Ученых записок ПетрГУ» как авторитетного научного издания. Это успех, к которому мы целенаправленно шли. Популярность журнала растет не только среди ученых нашего вуза, но и среди коллег из вузов и научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Марий Эл и др. Расширяется география авторов журнала и благодаря ученым из Финляндии, США, Канады. Это способствует популярности журнала не только у авторов, публикующих свои исследования, но и у читателей, число подписчиков которых увеличивается.

Серия «Общественные и гуманитарные науки» включает следующие рубрики:

- История
- Культурология
- Педагогика
- Политология
- Социология
- Филология
- Философия
- Экономика
- Юридические науки.

С 2010 года на платформе Научной электронной библиотеки (Москва) будет размещена электронная версия обеих серий журнала (включая архивные выпуски за 2008–2009 годы), что поспособствует повышению импакт-фактора журнала и индекса цитирования ученых, который сегодня является одним из важных критериев международного университетского рейтинга.

Мы еще более активно будем сотрудничать и с крупнейшими учеными, и с талантливой молодежью – докторантами, аспирантами, соискателями и студентами. Будем совершенствоваться! Успехов и удачи на новом витке развития нашего журнала, а значит, и университета!

УДК 94(47)“1917–1991”

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России, декан исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
verigin@psu.karelia.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КАРЕЛИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу перестройки политической и социально-экономической жизни Карелии в начальный период Великой Отечественной войны. Она подготовлена на основе широкого круга источников, основу которого составили архивные документы из центральных и карельских государственных и ведомственных архивов, многие из них впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Карелия, политическая и социально-экономическая жизнь

С первых часов Великой Отечественной войны вся политическая и социально-экономическая жизнь Карелии стала перестраиваться на военный лад. Уже в 7 часов утра 22 июня 1941 года открылось заседание бюро ЦК КП(б) КФССР, на котором была зачитана поступившая из ЦК ВКП(б) шифрограмма с сообщением о внезапном нападении Германии на Советский Союз и предложением немедленно развернуть работу согласно заранее заготовленному мобилизационному плану. После заседания бюро состоялось совещание наркомов, начальников управлений и их заместителей. Около 10 часов утра во все районы выехали работники ЦК КП(б) и СНК КФССР для оказания практической помощи местным партийно-советским организациям в проведении военно-организационных мероприятий [2; 35], [14; 17–18], [24; 22].

Сразу после выступления В. М. Молотова по радио на территории республики прошли массовые митинги и собрания, на которых жители Карелии заявляли о своей готовности встать на защиту родины. 22 июня состоялся многотысячный ми-

тинг в Петрозаводске, на котором выступили председатель горсовета Ф. В. Балагуров, первый секретарь ЦК ЛКСМ республики Ю. В. Андропов, студент университета С. Е. Криворучко и др. На следующий день митинги состоялись на всех предприятиях и в учреждениях города. Так, на Онежском заводе секретарь горкома партии Н. А. Дильденкин обратился с призывом к рабочим отстоять Родину. Его поддержали старый большевик Х. Г. Дорошин, сталевар мартеновского цеха Н. И. Колчин. «Нам навязали войну, – заявил Н. И. Колчин, – и мы будем вести ее до полной победы. Мы, сталевары, обещаем давать больше высококачественной стали, чтобы разбить фашистских разбойников» [25], [20; 17, 20–22], [18; 593].

Движимые патриотическим чувством, тысячи граждан Карелии выразили желание вступить в ряды действующей Красной армии. Многие прямо на митингах и собраниях подавали заявления с просьбой направить их на фронт. По сообщению военного комиссара КФССР И. М. Макарова, 22 июня к концу дня на призывные пункты яви-

лось 60 % подлежащих призыву в армию, а поздно вечером 23 июня мобилизация военнообязанных первой очереди в основном завершилась [18; 594].

Только в первый месяц войны свыше 10 тыс. жителей республики подали заявления о добровольном вступлении в Красную армию. Вместе с мужчинами в армию добровольно уходили и многие девушки-комсомолки. Первый секретарь ЦК ЛКСМ КФССР Ю. В. Андропов писал в 1942 году в журнале «Смена»: «Нередко уходили сразу целыми организациями (так сделали комсомольцы больницы города Беломорска), иногда по очереди. Один за другим, но в результате оказывалось – все ушли на фронт» [16; 21]. Всего за 1941–1945 годы Вооруженные силы страны добровольно и по мобилизации получили из Карелии около 100 тыс. человек, которые сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны.

Одновременно с проведением мобилизации военнообязанных развернулась большая работа по формированию истребительных батальонов, частей народного ополчения и партизанских отрядов. Истребительные батальоны в республике, как и в стране в целом, стали формироваться согласно принятому СНК СССР специальному постановлению от 24 июня 1941 года «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» для организации необходимой охраны в прифронтовой полосе военных и народно-хозяйственных объектов, а также борьбы с вражескими диверсантами. Создание истребительных батальонов в республике в основном завершилось в начале июля 1941 года. По данным на 7 июля 1941 года, всего насчитывалось 38 батальонов с общей численностью состава 4 325 человек. К осени 1941 года общая численность бойцов-истребителей увеличилась до 5 641 человека. Общее руководство истребительными батальонами возлагалось на секретаря ЦК КП(б) КФССР А. С. Варламова, заместителя председателя СНК В. В. Стефанихина и наркома госбезопасности М. И. Баскакова. Истребительные батальоны несли охрану населенных пунктов, мостов и особо важных объектов, поднимались по боевой тревоге и выходили на преследование и ликвидацию обнаруженных вражеских десантов и диверсионных групп [18; 595].

26 июля 1941 года приказом наркома НКВД КФССР М. И. Баскакова была организована учеба бойцов сформированных истребительных батальонов. В нерабочее время они изучали материальную часть оружия, обучались стрельбе, тактике и т. д. Была разработана и утверждена программа боевой и политической подготовки личного состава истребительных батальонов. Первоначально бойцы обучались и использовались без отрыва от производства. Они трудились на своих предприятиях и только в случае необходимости выходили на боевые операции. Но уже с августа 1941 года каждый месяц стали проводить 3-дневные сборы с отрывом от производства и учебно-боевые тревоги с выходом

в поле для решения тактических и специальных задач. Постановлением СНК и ЦК КП(б) КФССР от 27 июля 1941 г. весь личный состав истребительных батальонов был переведен на казарменное положение, что позволило лучше организовать боевую и политическую учебу, повысить мобилизационную готовность батальонов [33; 34–35].

Создаваемые истребительные батальоны намечалось использовать для охраны населенных пунктов и промышленных объектов, для борьбы с вражескими диверсиями и воздушными десантами противника. Однако летом и осенью 1941 года в силу сложившейся тяжелой обстановки на фронте истребительные батальоны сражались вместе с частями Красной армии под Колатсельгой, Ведлозером, Крошнозером, Медвежьегорском и в других местах [21; 152]. Как правило, истребительные батальоны действовали против превосходящих сил противника, несли тяжелые потери, но они с честью выполнили свой долг перед Родиной.

Еще одной формой патриотического подъема населения Карелии в период войны стало создание частей народного ополчения. Инициатива формирования ополченческих подразделений родилась в конце июня 1941 года у жителей Ленинграда. В начале июля к организации народного ополчения приступили трудящиеся Москвы. Председатель ГКО И. В. Сталин в речи по радио 3 июля призвал к созданию народного ополчения в каждом городе, которому угрожало нашествие врага. 5 июля 1941 года ЦК КП(б) и СНК КФССР приняли постановление «О создании отрядов народного ополчения». Руководство ополчением возлагалось на секретаря ЦК Компартии А. С. Варламова, заведующего военным отделом ЦК Н. Ф. Карахаева и военного комиссара республики И. М. Макарова. Народное ополчение состояло из добровольцев, желавших с оружием в руках защищать свою родину. К началу августа 1941 года в республике уже действовало 3 полка, 32 батальона и 5 отдельных рот ополчения, в которых состояло свыше 22 тыс. бойцов. Ополченцы несли охрану важных объектов, дорог, мостов и т. п., а в первые месяцы войны использовались и в качестве резерва для пополнения войск на фронте [18; 597], [27; 6–7], [26; 39].

В городах и районах республики организацией отрядов народного ополчения занимались первые секретари горкомов и райкомов партии, председатели исполкомов Советов депутатов трудящихся и военные комиссары. Так, в Тунгудском районе этим делом занимались первый секретарь райкома партии М. И. Климушков, председатель райисполкома П. С. Акимов и военком Е. И. Хахаев; в Пудожском районе – первый секретарь райкома партии А. З. Алешин, председатель райисполкома П. К. Бугнина и военком А. А. Нифантов. Для оказания практической помощи на местах республиканские руководящие органы напра-

вили своих представителей в районы. Например, первый секретарь ЦК ЛКСМ Ю. В. Андропов принял активное участие в создании ополчения в Пряжинском, Ведлозерском, Петровском и Олонецком районах [26; 40].

В начале войны, когда ситуация на Карельском фронте была крайне тяжелой и ощущался явный недостаток в личном составе воинских подразделений Красной армии, народное ополчение стало важным источником пополнения действующих советских войск на севере страны. К концу 1941 года наступление немецких и финских войск на Карельском фронте было остановлено, обстановка окончательно стабилизировалась и отряды народного ополчения влились в военно-учебные пункты, созданные согласно постановлению ГКО «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» от 17 сентября 1941 года. Принятие этого постановления в начале Великой Отечественной войны было вызвано необходимостью непрерывного пополнения Красной армии боевыми резервами. Все население, способное носить оружие, следовало обучить военному делу.

20 сентября 1941 года бюро ЦК Компартии республики разработало практические мероприятия по выполнению постановления по организации всеобщего. Районные комитеты партии утвердили командиров и политруков учебных подразделений и на всех предприятиях и в учреждениях организовали регулярное проведение воинских занятий. Всего за первые два года войны на пунктах всеобщего и в массовых оборонных организациях прошли обучение 14 365 автоматчиков, снайперов и минеров. Часть из них получили направление в действующую армию [18; 597].

Трудящиеся Карелии с первых дней Великой Отечественной войны включились в патриотические движения в помощь фронту. Они подхватили инициативу рабочих Москвы и других крупных промышленных центров страны по добровольному сбору личных средств в Фонд обороны. Рабочие и служащие ежемесячно вносили в него часть заработка, сбережения, драгоценности, облигации государственных займов. Они внесли в Фонд обороны Родины, по далеко не полным данным, свыше 20 млн руб. деньгами и около 1 млн руб. облигациями [18; 630].

Наряду с изменениями в политической и социальной сферах республики с первых дней Великой Отечественной войны стала перестраиваться на военный лад и экономика Карелии. Начавшаяся война коренным образом изменила содержание и направление деятельности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций по руководству промышленностью, строительством, транспортом и сельским хозяйством. Главное внимание в их работе было нацелено на перестройку всех отраслей народного хозяйства на военный лад для удовлетворения нужд фронта.

Ядром административно-командной системы управления экономикой, созданной в 1930-е годы, являлась Коммунистическая партия, под руководством которой работали все государственные и общественные организации. Условия военного времени требовали централизации руководства, утверждения железной дисциплины во всех звеньях государственного аппарата. В этой связи значительно повышалась роль партийных организаций республики, и прежде всего бюро ЦК КП(б) КФССР, в решении сложных экономических задач. Коммунисты выносили на партсобрания наиболее важные вопросы перестройки хозяйственной жизни, стремились активнее влиять на этот процесс. Так, 15 июля 1941 года состоялось собрание актива Петрозаводской городской партийной организации. На нем были определены конкретные меры по строительству оборонительных рубежей на подступах к Петрозаводску. Руководство этими работами было возложено на секретаря ЦК КП(б) КФССР А. С. Варламова, заместителя председателя СНК республики В. В. Стефанихина и секретаря Петрозаводского горкома партии Н. А. Дильденкина [6; 1].

Перестройка экономики на военный лад потребовала от партийных организаций республики изменить формы и методы работы, сделать упор на применение административного ресурса. Как и по всей стране, в Карелии создаются чрезвычайные органы – политотделы МТС и совхозов. В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) принимаются меры по улучшению деятельности политорганов на транспорте, учреждается институт партийных организаторов (парторгов) ЦК КП(б) в леспромпхозах, на лесопунктах и лесобиржах. В целях повышения оперативного влияния на работу промышленных предприятий республики по выполнению планов и обеспечению нужд фронта партийные организации усилили контроль за деятельностью администрации предприятий.

В перестройке экономики в начальный период Великой Отечественной войны огромную роль сыграло то обстоятельство, что в довоенный период была создана мощная промышленная и военная база, утверждена плановая система хозяйствования. Основная часть средств производства находилась в руках государства, что позволяло сконцентрировать все материальные и финансовые ресурсы и направить их на удовлетворение потребностей фронта.

Руководство республики уже в первые дни войны перераспределило материальные и финансовые средства с учетом складывающейся обстановки. 5 июля 1941 года было принято постановление СНК КФССР «О выделении средств Управлению делами СНК на особые нужды», согласно которому из республиканского бюджета за счет уменьшения ассигнований на другие, менее важные статьи, Управлению делами СНК КФССР было выделено 110 тыс. руб. для проведения оборонных мероприятий [9; 37].

Военная обстановка потребовала внести изменения и в систему планирования. 11 июля 1941 года было принято постановление СНК КФССР «Об уточнении плана производства на III квартал и июль-месяц 1941 г.», утвердившее новый план производства валовой продукции по наркоматам, районам и кооперативной промышленности республики в целях лучшего обеспечения нужд фронта [9; 55–56]. Правительство Карелии, учитывая сложную обстановку на фронте и отступление советских войск от границы вглубь территории республики, приняло решение о проведении структурной перестройки экономики. В частности, был ликвидирован трест «Сердобольлес», а его предприятия и леспромпхозы включены в состав треста «Южкареллес». Заместителям председателя СНК КФССР М. Я. Исакову и М. Ф. Иванову и председателю Госплана республики Б. С. Альперовичу было поручено проверить наличие и потребность в рабочей силе в каждой отрасли промышленности, произвести перераспределение высвобождающихся кадров между отраслями, обеспечив в первую очередь те отрасли и предприятия, которые работали на удовлетворение нужд фронта [9; 58]. Кроме того, в целях успешного выполнения заданий для фронта правительство республики предложило наркоматам и ведомствам ввести с 12 июля 1941 года удлинённый рабочий день продолжительностью 11 часов.

Чрезвычайные военные условия заставили руководство республики принять решение о сокращении управленческого аппарата. По постановлению СНК КФССР «О сокращении управленческого аппарата центральных учреждений Карело-Финской ССР» от 22 августа 1941 года аппарат наркоматов был сокращён на 361 человека [9; 92]. Значительно повышались требования к кадрам. Одними из главных методов работы с кадрами становились административные: снятие с работы, выговоры и отдача под суд. Все эти решения позволяли начать перестройку экономики Карелии на военный лад с учётом складывающейся обстановки на фронте.

С первых дней Великой Отечественной войны Карелия становится прифронтовой республикой, первоочередная задача которой – создание оборонительных сооружений, способных помочь частям Красной армии в отражении агрессии на Северо-Западе страны. Большую помощь фронту оказало население Карелии летом и осенью 1941 года на строительстве оборонительных сооружений, военных аэродромов и других объектов. Люди почти круглосуточно работали в лесах, жили в палатках и землянках, испытывали острый недостаток в одежде, обуви и пище. В сентябре – октябре 1941 года на оборонительном строительстве трудилось свыше 20 тыс. жителей Карелии [3; 55]. Возведение оборонительных рубежей развернулось вдоль всей линии фронта и включало 7 полевых строителей. Рабочие объединялись в отделения, взводы, батальоны. Каждое полевое строительство и

каждый батальон имели штаб. Во главе подразделений стояли командиры и политработники.

Большую политическую работу среди строителей оборонительных рубежей проводили партийные организации республики. ЦК КП(б) КФССР создал политотдел Оборонстроя, начальником которого был назначен секретарь Кондопожского райкома партии А. Я. Ястребов. 80 партийных работников, в том числе 11 секретарей райкомов партии, были утверждены заместителями начальников строительных участков по политической части.

В своих воспоминаниях первый секретарь ЦК КП(б) республики Г. Н. Куприянов называет особо отличившихся на оборонном строительстве: работницу артели «Кустпромшвей» Анну Григорьевну Ерофееву, домашнюю хозяйку Марию Федоровну Артюшину, помощника машиниста депо станции Петрозаводск Егора Алексеевича Платонова, работницу треста кафе-столовых Марию Петровну Родину, рабочих Онежского завода Алексея Николаевича Кузнецова и Григория Васильевича Захарова, работницу музея Наталью Михайловну Сарафанову и многих других. Все они перевыполняли нормы на земляных работах в 1,5–2 раза [23; 52]. При этом необходимо сказать, что большая часть гражданского населения, занятого на строительстве оборонительных сооружений, была мобилизована в порядке трудовой повинности и невыполнение норм выработки грозило им принятием административных мер.

Надо отметить и довольно высокий процент заключённых среди работавших на строительстве оборонительных сооружений для Карельского фронта. Так, в ноябре 1941 года в составе 6-го управления Оборонстроя насчитывалось 10 450 человек, из которых заключённые составляли больше половины – 6 438 человек [29; 35].

Итогом самоотверженного труда жителей республики стало то, что в кратчайшие сроки были построены тысячи блиндажей и дзотов, вырыты сотни окопов и противотанковых рвов на огромном протяжении фронта от Баренцева моря до Ладоги. Опираясь на оборонительные рубежи, советские войска смогли оказать более упорное сопротивление противнику, сдержать его продвижение вглубь страны. Трудящиеся республики также оказали большую помощь войскам Карельского фронта в строительстве аэродромов и шоссейных дорог. В короткие сроки были сооружены несколько аэродромов, причем некоторые из них – на топких, болотистых местах. На строительстве аэродромов летом 1941 года трудились свыше 2 тыс. жителей Карелии, в основном это были женщины и молодежь [19; 97].

В первые месяцы войны перед Карелией стояла и другая ответственная задача – в короткий срок закончить строительство железнодорожной линии Сорокская – Обозерская протяженностью 357 км, которая проходила по малообжитому западному побережью Белого моря и соединяла Кировскую и Северную железные

дороги. В декабре 1941 года немецкие и финские войска захватили участок Кировской железной дороги от станции Масельгская до станции Лодейное Поле. С этого момента и до конца войны на Севере железнодорожная ветка Сорокская – Обозерская была единственным звеном, связывавшим г. Мурманск и северный участок Кировской железной дороги с остальной железнодорожной сетью страны.

Строительство этой железнодорожной линии начали еще в период Зимней войны. 30 декабря 1939 года нарком НКВД СССР Л. П. Берия подписал приказ № 001546 «О строительстве ж. д. линии Сорокская – Обозерская», по которому на строительство направлялось 50 тыс. заключенных вместе с рабочим инструментом, инвентарем и предметами лагерного обихода [1; 288–289]. К развернутому строительству этой линии приступили только в феврале 1940 года, поэтому к началу Великой Отечественной войны сквозное движение не было открыто. Лишь на отдельных участках ходили рабочие поезда и балластные вертушки со скоростью 5–10 км в час. Рабочих рук и механизмов явно не хватало. Ввиду того что в военный период дорога приобрела стратегическое значение и промедление ее достройки грозило тяжелыми последствиями, ЦК КП(б) КФССР и СНК республики приняли срочные меры по оказанию помощи строителям. На этот участок были направлены несколько тысяч рабочих, необходимые материалы, тракторы, автомашины и другая техника. На сооружении дороги трудились лучшие кадры железнодорожников-строителей, использовались заключенные Беломорско-Балтийского комбината (ББК), привлекалось и население республики. В сентябре 1941 года железнодорожная линия Сорокская – Обозерская вступила в строй. В течение всей войны она обеспечивала снабжение Карельского фронта и Северного флота военным снаряжением и подкреплениями из центральных областей страны. Через Мурманский порт, северный участок Кировской железной дороги, а затем Сорокскую – Обозерскую линию в центральные районы СССР шли военные грузы союзников по антигитлеровской коалиции.

С началом Великой Отечественной войны были предприняты попытки организовать собственное производство отдельных видов оружия и боеприпасов для нужд фронта. В ноябре 1941 года было учреждено специальное совещание для рассмотрения данных вопросов в составе председателя Президиума Верховного Совета республики О. В. Куусинена, председателя СНК КФССР П. С. Прокконена, секретаря ЦК КП(б) КФССР П. С. Солякова. Постановлением ЦК КП(б) и СНК КФССР в декабре 1941 года создается Управление военной промышленности республики во главе с заместителем председателя СНК М. Ф. Ивановым. Однако в условиях прифронтовой полосы в неграмотных мастерских развернуть производство вооружения в

достаточном количестве и должного качества не удалось. В начале 1942 года предприятия военной промышленности прекратили выпуск вооружения [18; 599], [7; 127].

На производство продукции для фронта переходили многие предприятия республики. Одним из первых перестроил свою работу Онежский машиностроительный и металлургический завод. Наряду с увеличением выпуска снарядов – основного вида своей оборонной продукции – завод стал выполнять и более сложные военные заказы: в короткие сроки коллектив предприятия освоил выплавку высококачественной стали, идущей на нужды авиационной промышленности. В мастерских Сегежского ЦБК и Кировской железной дороги, на Повенецком судоремонтном заводе начался выпуск пистолетов-автоматов, минометов, мин, гранат.

Производство нескольких десятков видов оборонной продукции освоили лесозаводы. Промкомбинаты и артели промкооперации выпускали саперный инструмент, армейские котелки и т. п., ремонтировали оборудование и чинили обувь для бойцов фронта. Работники Кировской железной дороги начали оборудовать бронепоезда и бронеплощадки.

Помимо изготовления вооружения и ремонта боевой техники, гражданские предприятия республики поставляли Карельскому фронту целый ряд другой продукции, и прежде всего лыжи, которые в условиях Севера играли большую роль в выполнении боевых задач. Вновь начала выпускать армейские лыжи Петрозаводская лыжная фабрика, уже имевшая опыт выполнения военных заказов в период Советско-финляндской войны 1939–1940 годов. В октябре – ноябре 1941 года Кемский и Шальский лесозаводы, быстро освоив новое производство, дали фронту 50 тыс. пар лыж, еще 10 тыс. пар лыж были изготовлены в это же время на предприятиях Медвежьегорского и Беломорского районов Карелии.

Экономика прифронтовой республики своевременно реагировала на все потребности и запросы Красной армии. Когда в начале зимы 1941–1942 годов на Карельском фронте возникла острая нужда в маскхалатах, на их изготовление были мобилизованы все пошивочные мастерские Карелии. В дело пошли наличные хлопчатобумажные ткани, а также простыни, которые добровольно собирало население. В течение зимы 1941–1942 годов первоочередные задачи снабжения войск фронта маскхалатами были в основном разрешены.

С начала войны стала осуществляться перестройка сельского хозяйства республики. Несмотря на все трудности и проблемы этой отрасли экономики, бойцы действующей армии получали необходимые продукты питания, которые могли дать в тот период труженики села Карелии.

Перестройка народного хозяйства Карелии на военный лад шла полным ходом, однако за-

вершить ее полностью не удалось. Отступление Красной армии летом и осенью 1941 года потребовало провести эвакуацию населения республики и перебазировать на восток промышленные предприятия, имущество колхозов и совхозов тех районов, которые оказались под угрозой оккупации противником.

Конкретные задачи по проведению в СССР эвакуации населения, оборудования промышленных предприятий, имущества колхозов и совхозов были определены в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 года «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» и в директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 года «Партийным и советским организациям прифронтовых областей». Основные положения директивы были изложены в выступлении по радио председателя ГКО и СНК СССР, секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина [22; 37–40], [30; 9–17].

В Карелии непосредственное руководство эвакуацией было возложено на Республиканскую комиссию по эвакуации, созданную по решению ЦК КП(б) КФССР и приступившую к работе в начале июля 1941 года в составе секретаря ЦК Компартии республики П. В. Солякова, заместителя председателя СНК М. Ф. Иванова и секретаря Президиума Верховного Совета КФССР Т. Ф. Вакулькина. Комиссия принимала решения об эвакуации, определяла ее сроки для населения и промышленных предприятий, утверждала планы и графики эвакуации, распределяла транспорт и т. д. [18; 602], [5]. На местах эвакуацией занимались районные и городские комитеты партии и исполкомы местных Советов. Для лучшей организации эвакуации Республиканская комиссия рассматривала и утверждала планы по каждому крупному и среднему предприятию в отдельности, затем план в целом по району или городу и, наконец, по группе прифронтовых районов.

С самого начала войны объективно возникла потребность повышения роли местных советских и хозяйственных органов в управлении и планировании работы промышленных предприятий. И хотя существовавшая административно-командная система требовала безусловного подчинения приказам и указаниям центра, обстоятельства заставляли проявлять больше инициативы, брать на себя ответственность, самостоятельно принимать решения, иногда вступающие в противоречие с указаниями центральных хозяйственных органов. Уже в первые месяцы войны, в ходе работы по эвакуации оборудования и имущества промышленных предприятий, колхозов и совхозов Карелии в тыловые районы страны, Республиканской комиссии по эвакуации пришлось вставать на путь прямых нарушений некоторых приказов и распоряжений общесоюзных наркоматов. Так, в начале войны НКВД СССР отдал приказ по ГУЛАГу эвакуировать вглубь страны все лесные предприятия ББК, а затем и весь комбинат. Однако Республи-

канская комиссия по эвакуации 19 июля 1941 года приняла решение запретить Управлению ББК демонтировать и вывозить телефонные линии, так как они были нужны в то время и фронту, и республике.

В июле 1941 года комиссия запретила также демонтаж и эвакуацию оборудования электростанций из Медвежьегорска и Кемь, вывоз оборудования типографии, деревоотделочного комбината и механических мастерских из Медвежьегорска [12; 57–58], считая, что эти предприятия должны продолжать работу.

Наркомлес СССР в начале августа 1941 года издал приказ об эвакуации всех деревообрабатывающих предприятий республики, за исключением Шальского лесопильного завода (Пудожский район), из прифронтовой полосы. Учитывая, что эти предприятия должны были давать значительную продукцию для фронта в зимних условиях (лыжи, теплушки, бани и др.), правительство республики и Республиканская комиссия по эвакуации задержали эвакуацию оборудования Кемского и Беломорского лесопильного заводов, их транспортного парка и рабочих [12; 58–59]. Как показали дальнейшие события, это было правильное решение, хотя оно и нелегко далось руководителям Карелии. После стабилизации Карельского фронта в конце декабря 1941 года все эти предприятия активно работали в условиях прифронтовой полосы в течение всего периода войны.

Эвакуация населения из приграничных районов Карелии началась уже с первых дней войны. По решению Республиканской комиссии эвакуации подлежали, прежде всего, детские учреждения и дети до 16 лет вместе с родителями. Трудоспособное население оставалось на уборке урожая и оборонных работах. Однако позже, в связи с продвижением противника вглубь советской территории, началась эвакуация и взрослого населения, проходившая в очень сложных условиях. Вражеские самолеты обстреливали поезда на железных дорогах, бомбили пароходы и баржи на Онежском, Ладожском и других озерах, шоссе, по которым в тыл эвакуировалось мирное гражданское население. В результате бомбежек погибло много женщин и детей [18; 602].

С 1 июля 1941 года, на основании указания НКВД СССР, началась эвакуация заключенных, работавших в системе ББК. В числе первых подлежали эвакуации «наиболее опасные элементы»: осужденные за контрреволюционную деятельность, иностранные подданные, а также лица «определенных национальностей» (немцы, финны, венгры, румыны и др., то есть представители национальностей тех стран, которые выступили против СССР на стороне фашистской Германии). Водным и железнодорожным транспортом в Архангельскую, Вологодскую, Кировскую, Ярославскую и другие области было вывезено 24 880 заключенных [11; 58].

Там, где противник успел перерезать дороги, население уходило в советский тыл самостоятельно – окружными путями, по лесным дорогам и тропам. Так, организованно ушло в тыл немало колхозников Сегозерского, Ведлозерского, Кестеньгского и некоторых других районов республики. Многие жители Калевальского, Ребольского и ряда других приграничных районов, где отсутствовали железнодорожные и водные пути, уходили в тыл пешком, оставляя свои дома и бросая имущество [28; 50].

В соответствии с положением об эвакуации рабочих и их семей, следующих вместе с предприятием, каждый рабочий имел право взять 160 кг груза на себя и по 40 кг на каждого члена семьи. На время эвакуации сохранялась средняя заработная плата за три месяца [31; 99]. На новых местах большинство эвакуированных предприятий при помощи местных органов власти восстанавливались и начинали выпуск оборонной продукции.

Так, первые эшелоны с оборудованием Онежского завода прибыли в Красноярск в августе 1941 года. Люди неделями не покидали строительную площадку, сутками не спали: рыли котлованы под фундаменты, воздвигали корпуса, строили котельную, проводили железнодорожную ветку. Уже в октябре 1941 года онежцы отправили на фронт первую партию снарядов, а в декабре 1941 года объем продукции завода в 1,5 раза превысил максимальный уровень производства мирного времени.

Значительную роль в эвакуации промышленного оборудования предприятий и населения сыграли железнодорожники Кировской железной дороги и водники Карелии. В течение июля – ноября 1941 года железнодорожники вывезли свыше 8 тыс. вагонов с промышленным оборудованием. Одновременно с этим они переправили на другие дороги страны более сотни вагонов и 127 паровозов. Остальные паровозы в течение всей войны эксплуатировались на северном, не захваченном противником, участке Кировской магистрали. Водники республики в летний период 1941 года перевезли в тыловые районы страны более 200 тыс. т ценных грузов и около 250 тыс. жителей.

Однако полностью транспортные проблемы при проведении эвакуации не были решены. На это неоднократно указывалось в решениях, отчетах и докладных записках Республиканской комиссии по эвакуации. Так, в ноябре 1941 года в отчете комиссии в Президиум Верховного Совета КФССР отмечалось, что главные трудности при эвакуации состояли в недостатке, а иногда и отсутствии необходимого количества железнодорожных вагонов и судов флота, средств автотранспорта. Все автохозяйства работали на нужды фронта, флот был отоброшен в военные флотилии, а железнодорожный транспорт с перегрузкой работал для армии [12; 57–58].

Особую трудность представляла эвакуация в тыловые районы страны скота и сельхозмашин

колхозов, совхозов и МТС. Животных приходилось гнать сотни километров, обеспечивая их в пути кормами и оказывая ветеринарную помощь. Тем не менее работники сельского хозяйства республики смогли переправить около 150 тыс. голов скота в Архангельскую, Вологодскую области и Коми АССР.

Эвакуация в Карелии в целом прошла успешно и в сжатые сроки. Всего, по неполным данным, из республики эвакуировалось свыше 530 тыс. человек. Трудящиеся Карелии выехали в Вологодскую, Архангельскую, Свердловскую, Горьковскую, Новосибирскую, Челябинскую и другие области, Коми, Башкирскую, Чувашскую, Удмуртскую, Татарскую республики. На новых местах они включились в трудовую деятельность по оказанию помощи фронту.

Вместе с тем не удалось выполнить план по эвакуации населения Карелии в полном объеме. Так, в Заонежском районе остались тысячи людей, которые не смогли из-за налетов авиации противника и ранних морозов декабря 1941 года, сковавших льдом западное побережье Онежского озера, вовремя эвакуироваться на восточный берег озера. Кроме того, бездеятельность проявили республиканские и местные органы власти, которые в течение лета и осени 1941 года не эвакуировали жителей Заонежского полуострова с западного берега Онежского озера на восточный. В дальнейшем население Заонежья испытало на себе все тяготы и лишения финской оккупации.

В советской и российской историографии Карелии периода Великой Отечественной войны до последнего времени отсутствовали точные данные о численности населения, которое осталось на территории оккупированного финнами Заонежского полуострова. Дело заключалось в том, что ученые не смогли обнаружить эти данные в архивах РК. И только знакомство с материалами финляндских архивов позволило закрыть еще одно белое пятно в истории Карелии военного периода. По данным одной из первых переписей населения Карелии, проведенной финскими оккупационными властями в марте 1942 года, на территории Заонежского полуострова проживало 18 295 человек [15].

Результаты работы по эвакуации были подведены 9 декабря 1941 года на заседании Президиума Верховного Совета КФССР, где отмечалось, что наряду с успехами в процессе эвакуации были и серьезные недостатки, вызванные не только объективными трудностями, но и субъективными причинами [10; 18].

Во время эвакуации удалось своевременно вывезти оборудование и имущество 291 промышленного предприятия Карелии, в том числе Онежского завода, Петрозаводской лыжной и слюдяной фабрик, Кондопожского и Сегежского ЦБК, Кондопожской ТЭЦ, Сунского, Соломенского, Ильинского, часть оборудования Кемского и Беломорского лесозаводов, целлюлозно-бумажных предприятий

Карельского перешейка и предприятий г. Выборга, эвакуировать рабочих и их семьи.

Как правило, предприятия до самого последнего момента продолжали работать и эвакуировались лишь в том случае, когда иного выхода не было и оборудование могло попасть в руки противника. Характерен в этой связи пример с Онежским заводом. Главный энергетик предприятия А. Н. Брызгалов в своих воспоминаниях писал: «Эвакуация основной части кадров и оборудования не приостановила напряженной работы на заводе. Оставшиеся станки были сосредоточены в механическом цехе и использованы для обработки авиационных деталей. Металлургии и прокатчики делали обшивку для бронепоездов, которые оснащали рабочие паровозных и вагонных депо Кировской железной дороги. Завод до последних дней продолжал отгружать металл авиационным и танковым предприятиям нашей страны. Таким образом, после эвакуации остался работать технологически комплексно оснащенный “малый” завод с группой металло-режущих и заготовительных цехов со всеми вспомогательными службами» [17; 60].

Основные промышленные предприятия Карелии вывозились в тыл страны комплексно. Вместе с ними к концу 1941 года было эвакуировано 23 300 квалифицированных рабочих, инженеров и техников. Все это давало возможность быстро восстановить и развернуть производство на новых местах базирования.

В соответствии с планом эвакуации оставшееся оборудование выводилось из строя. К примеру, при эвакуации Онежского завода с оборудования были сняты все приборы и арматура, после чего они были закопаны в разных местах на территории завода и в случае необходимости могли в дальнейшем использоваться по назначению. Печи, здания и другие сооружения подлежали повреждению подрывниками по специально разработанному плану.

Оборудование 36 предприятий Карелии, которые до последнего момента работали по обслуживанию фронта, пришлось уничтожить. В городах и селах республики оставались специальные группы для проведения работ по уничтожению недвижимого имущества, что делалось в самый последний момент по указанию командования [12; 63–64]. Таким путем в прифронтовых районах республики были уничтожены 7 электростанций, газовый завод в Выборге, мыловаренный, маргариновый заводы и хлебокомбинат в Петрозаводске, хлебокомбинаты в Сортавале, Олонце и другие предприятия.

Однако полностью уничтожить на месте все оборудование и имущество предприятий и организаций республики, которое не успели эвакуировать, не удалось. Главный энергетик Онежского завода А. Н. Брызгалов по этому поводу замечает: «В Петрозаводске “малому заводу” (то оборудование, которое осталось работать после эвакуации. – С. В.) пришлось работать недолго, потому

что город окружали вражеские войска. Железная дорога между Петрозаводском и Ленинградом была перерезана. Пришло распоряжение – завод закрыть, принять меры к эвакуации оставшегося персонала. Много ценного оборудования – прокатный стан, самоходные электрифицированные металлургические ковши, молоты, паровые котлы, прессы, грузоподъемные устройства, множество станков механических цехов – онежцы вынуждены были оставить на месте, так как другого выхода уже не было» [17; 60].

Часть оборудования предприятий и организаций республики, главным образом то, которое транспортировалось пароходами БОПа и Оборонстроя, попала в руки финнов. Так, около Мегострова (северная часть Онежского озера) финские войска захватили 19 судов: пароходы «Восток», «Металлист», «Свияжск», им. Розы Люксембург, моторный катер «Дзержинец» и речной трамвай № 2, принадлежавшие БОПу, а также пароходы «Шолопасть», «Волгарь», «Астраханка», «Рыбница» и моторный катер «Водник», принадлежавшие Оборонстрою [8; 19].

Многие недостатки в процессе эвакуации были вызваны тем, что в сложной обстановке начального периода войны руководители ряда наркоматов, городов и районов растерялись, а некоторые поддались панике. Руководство Калевальского (Ухтинского), Сегозерского, Ведлозерского, Прионежского и Заонежского районов не смогло четко и вовремя организовать эвакуацию людей, вывоз скота, зерна и различных товаров. Руководителей Калевальского района, после того как финны в начальный период военных действий на Севере Карелии заняли три населенных пункта, охватила паника, и они начали отъезд раньше, чем последовал приказ, не организовав работу по вывозу в тыл населения и отводу скота. Эта паника перекинулась затем и на жителей района [12; 64].

Неорганизованно прошла эвакуация в июле 1941 года из г. Сортавалы. В специальном сообщении НКВД КФССР в ЦК Компартии республики «О недостатках в проведении эвакуации г. Сортавала» отмечалось, что «в результате созданной, не вызывавшейся сложившейся обстановкой, поспешности в городе возникла паника, приведшая к причинению государству крупного материального ущерба. Руководящие работники городских учреждений в служебных столах и шкафах побросали много служебных документов. Председатель горсовета тов. Лезин забыл в столе штамп и печать горсовета, а работники горсовета и ГК КП(б) бросили пишущие машинки. После выезда из города руководителей и аппаратов торгующих организаций Военторга, Карелторга, Леспромторга, Карелпотребсоюза и других хозяйственных организаций оказались брошенными сотни тонн муки, десятки тонн крупы, кондитерские изделия, в большом количестве жиры, сахар, консервы, табак, папиросы, промтовары, вино, водка и т. д.» [29; 17].

Ряд наркоматов плохо заботились о сохранности подлежащего эвакуации имущества и его своевременном вывозе. 200 саней, изготовленных предприятиями Наркомместпрома в Заонежском и Шелтозерском районах, остались невывезенными и достались финнам. Отдельные наркоматы (стройматериалов, местной промышленности и др.) в середине декабря 1941 года не знали, где и в каком состоянии находится эвакуированное с их предприятий оборудование [8; 65].

Руководство республики отмечало недостатки и в работе центральных хозяйственных органов. Так, почти полную безучастность к делу эвакуации своих предприятий проявил Наркомат бумажной промышленности СССР. Эвакуация ЦБК из прифронтовых районов Карелии проходила без его работников, только по инициативе республиканских и местных органов управления. Представители этого наркомата и его главков ни разу не появились в республике [8; 59].

Однако, несмотря на все трудности и проблемы в проведении эвакуации в Карелии, учитывая постоянно меняющуюся обстановку на северо-западном участке фронта летом и осенью 1941 года и быстрое продвижение финских войск вглубь советской территории, ее итоги можно считать вполне удовлетворительными. К концу 1941 года из 328 эвакуированных предприятий (без ББК и Кировской железной дороги) 139 уже работали в тыловых районах страны. Остальные находились в стадии монтажа.

Оставшееся на оккупированной финскими войсками территории Карелии оборудование промышленных предприятий было незначительным. Несмотря на все попытки, финским властям так и не удалось организовать промышленное производство в сколько-нибудь значительных масштабах.

К концу 1941 года экономика Карелии, как и всей страны, была перестроена на военный лад. Этот процесс имел следующие особенности.

Во-первых, перестройка осуществлялась в условиях отступления советских войск во второй половине 1941 года от государственной границы вглубь территории страны. В результате многим предприятиям Карелии процесс перестройки завершить не удалось, и они эвакуировались в восточные районы СССР. Часть предприятий пришлось уничтожить.

Во-вторых, в первые месяцы войны немецким (на севере республики) и финским войскам удалось оккупировать две трети территории Советской Карелии, в экономическом отношении более развитой по сравнению с районами, оставшимися вне зоны оккупации. В незанятых противником районах республики до войны производилось менее одной пятой промышленной продукции, в 1942 году здесь проживало примерно 75 тыс. человек, или 11 % населения Карелии довоенного периода.

В связи с временной оккупацией финскими войсками столицы КФССР г. Петрозаводска (финские войска вошли в город 1 октября 1941 года) государственные и партийные органы республики переехали сначала в г. Медвежьегорск, а затем в г. Беломорск, ни на один день не прекращая своей деятельности, направленной на руководство экономикой Карелии, на мобилизацию всех ее ресурсов для оказания всемерной помощи фронту.

В-третьих, промышленные предприятия, учреждения и организации, колхозы и совхозы Карелии, оставшиеся на неоккупированной территории, длительное время (с декабря 1941 года до середины 1944 года) находились в непосредственной близости к фронту. Им часто приходилось работать в условиях вражеских бомбежек, под угрозой нападений диверсионных отрядов противника. Все это создавало дополнительные сложности для проведения необходимых работ во всех отраслях экономики и представляло опасность для жизни советских тружеников.

Таким образом, с первых дней Великой Отечественной войны население Карело-Финской ССР, оказавшееся в сложных прифронтовых условиях, в той или иной форме активно участвовало в защите своего края, демонстрируя стойкость, мужество и патриотизм. В конечном итоге это стало важным фактором, обеспечившим перелом в войне Советского Союза против войск Германии и Финляндии на северо-западном участке фронта.

Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ 2010 г. по проекту «Народ, разделенный границей» № 10-01-0631 а/ф Совместного конкурса научных проектов 2010–2012 гг. по совместной научно-исследовательской программе «История России и Финляндии (1809–2009 гг.)».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 37.
2. Карельский государственный архив новейшей истории (далее – КГАНИ). Ф. 5425. Оп. 1. Д. 185.
3. КГАНИ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 19.
4. КГАНИ. Ф. 8. Оп. 4. Д. 17.
5. КГАНИ. Ф. 8. Оп. 11. Д. 648.
6. КГАНИ. Ф. 8. Оп. 11. Д. 748.
7. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 1394. Оп. 3. Д. 306.
8. НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 13.
9. НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 46.
10. НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 51.
11. НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 69.

12. НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 71.
13. НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 73.
14. НА РК. Ф. 3435. Оп. 3. Д. 3.
15. Vaestotoimisto / ItakarSE, Т 2970/12, SA.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

16. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. 320 с.
17. Брызгалов А. Н. Онежский завод. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957. 255 с.
18. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
19. История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). / Л. И. Вавулинская, С. Г. Веригин, О. П. Илюха, С. Н. Филимончик. Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. 246 с.
20. Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Док. и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1975. 447 с.
21. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1984. 369 с.
22. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1970. 494 с.
23. Куприянов Г. Н. Во имя великой Победы: Воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1985. 270 с.
24. Ленинское знамя. 1941. 22 и 23 июня.
25. Макуров В. Г. Народное ополчение и всеобщее военное обучение населения Карелии в годы Великой Отечественной войны // Подвигу жить в веках: Материалы военно-ист. конф., посвящ. 60-летию освобождения Карелии от фашистских захватчиков. Петрозаводск: Verso, 2004. С. 39–42.
26. Макуров В. Г. Формирование народного ополчения Карелии в годы Великой Отечественной войны // Война и память народа: Материалы науч. конф. преподавателей и студентов КГПУ, посвящ. 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21–23 апреля 2004 г.). Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2004. С. 6–7.
27. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск: Карелия, 1983. 239 с.
28. Неизвестная Карелия: Док. спецорганов о жизни республики, 1941–1956 гг. / Сост. С. С. Авдеев, А. В. Климова, В. Г. Макуров; науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1999. 306 с.
29. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1950. 208 с.
30. Улитин С. Д. Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. 288 с.
31. Харитонов С. Ф., Звягин Ю. К. Мурманская. Кировская. Октябрьская. Петрозаводск: Карелия, 1996. 157 с.
32. Чумаков Г. В. Истребительные батальоны Карелии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Подвигу жить в веках: Материалы военно-ист. конф., посвящ. 60-летию освобождения Карелии от фашистских захватчиков. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2004. С. 34–35.

УДК 94(470.22)

ГЕРМАН ВЛАДИМИРОВИЧ ЧУМАКОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Карельская государственная педагогическая академия

tschumakov@bk.ru

**ПОДГОТОВКА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ КАДРОВ ОРГАНАМИ НКВД–НКГБ КФССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В статье рассматриваются особенности подготовки разведчиков и диверсантов территориальными органами НКВД–НКГБ КФССР в годы Великой Отечественной войны. Показаны как достижения, так и неудачи в решении этой непростой задачи. В научный оборот впервые введен ряд документов из архива ФСБ РФ по РК.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, разведывательно-диверсионные кадры, НКВД–НКГБ Карело-Финской ССР

В связи с началом Великой Отечественной войны органы государственной безопасности СССР были вынуждены в срочном порядке начать перестройку своей деятельности, чтобы не только противостоять спецслужбам противника, но и в кратчайшие сроки развернуть широкую разведывательно-диверсионную борьбу против захватчиков в тылу наступающих на восток вражеских войск. Еще 5 июля 1941 года была создана Особая группа при наркомате внутренних дел СССР, которую возглавил старший майор госбезопасности П. А. Судоплатов [15; 254–256, 343–348]. 3 сентября 1941 года в связи с расширением объема работ Особая группа была реорганизована во 2-й отдел НКВД СССР, который 18 января 1942 года был преобразован в 4-е управление НКВД СССР [13; 53–60]. Вместе с тем еще в августе 1941 года в НКВД–УНКВД союзных республик, краев и областей были созданы местные 4-е отделы, которые подчинялись 4-му управлению в Москве [14; 77–78].

Анализ задач, возложенных на 4-е отделы, показывает, что они в основном сводились к организации в тылу противника агентурно-

войсковой разведки, проведению диверсий силами и средствами партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп. Также ставилась задача подбора, подготовки и внедрения квалифицированных агентов во все органы оккупационных структур для проведения разведывательной и диверсионной деятельности.

Уже в конце июня 1941 года НКГБ Карело-Финской ССР приступил к активной организации агентурной и диверсионной работы за линией фронта и в оккупированных районах республики. Эта работа велась по следующим направлениям:

1. Комплектование и руководство боевой деятельностью партизанских отрядов;
2. Подготовка и устройство резидентских звеньев и агентов-одиночек в захваченных районах для контрразведывательной работы;
3. Переброска агентурных групп и агентов-одиночек через линию фронта для организации агентурной работы в оккупированных районах;
4. Засылка в ближайшие тылы войск противника разведывательных групп для сбора сведений о нем;

5. Засылка боевых диверсионных групп на коммуникации врага для уничтожения живой силы и дезорганизации тыла финской армии [2; 44].

Еще 23 июня начальникам Выборгского, Сортавальского, Яскинского, Суоярвского, Ребольского, Калевальского, Кестеньгского, а 27 июня – Кексгольмского и Ухтинского районных отделов НКГБ были даны указания об оставлении агентуры для разведывательной и диверсионной работы на территории, захваченной войсками противника. Всего при отходе частей Красной армии в оккупированных районах (в том числе и в Петрозаводске) был оставлен 61 агент [10; 122]. Но, как показали дальнейшие события (быстрое наступление противника, эвакуационные мероприятия, недостатки в подготовке агентуры и отработке способов связи с ней, предательство отдельных агентов, переселенческие мероприятия оккупационных властей), свою деятельность эта агентура практически прекратила и существенной роли в разведывательной работе не сыграла.

Организатором разведывательно-диверсионной работы органов государственной безопасности Карелии в тылу врага в первые месяцы войны стал нарком госбезопасности (с июля 1941 года – нарком внутренних дел республики) Михаил Иванович Баскаков. Подготовкой разведгрупп и их переправкой в тыл занимались Виктор Петрович Пышкин, Александр Андреевич Волов, Алексей Степанович Ведешкин, Дмитрий Сергеевич Медников [12; 178].

Уже первый опыт проведения боевых операций в тылу противника показал настоятельную необходимость более тщательной подготовки разведчиков и диверсантов. Разведывательно-диверсионная борьба потребовала высокого профессионального уровня, политической зрелости и высокой нравственности всех сотрудников НКВД. Контрразведчики Финляндии имели серьезную подготовку и высокую квалификацию, проходили специальное обучение, и скрыться от них было сложно. На первый план выдвигалась задача вооружить всех, кто привлекался к служебной и боевой деятельности, знанием необходимой документации, нормативно-правовой базы, умением ориентироваться в незнакомой местности и т. д. Важность этой работы была обусловлена тем, что чекисты-разведчики действовали не только в прифронтовой полосе, но и в более глубоком тылу (до 100 км). Противостоять контрразведчикам Финляндии было достаточно трудно. Это были люди, получившую подготовку или прошедшие длительное специальное обучение в школах абвера и имевшие высокую квалификацию.

Решение этой задачи осложнялось тем, что в личном составе войск и органов НКВД в первые недели войны произошли серьезные изменения в возрастном и профессиональном составе. Кадровый личный состав уже в первые месяцы войны значительно обновился. Те, кто составляли его основу в довоенное время, ушли в действующую

армию, в партизанские отряды, погибли в боях, прикрывая отходы Красной армии. Только Олонечский пограничный отряд Карельского фронта с 19 июля по декабрь 1941 года потерял 254 убитыми и 475 ранеными бойцов и командиров, или более половины своего состава. Оставшийся личный состав был распределен по вновь созданным структурам: оперативной и войсковой разведки, особых отделов и военных трибуналов, отрядов особого назначения для действия в тылу врага и т. д. [9; 226]. Поскольку на разведчиков и диверсантов были возложены задачи исключительной важности, было необходимо в первую очередь провести обучение чекистских кадров.

Одной из серьезных проблем для граждан, проявивших желание участвовать в походах в тыл противника, являлось то, что в большинстве своем они не имели боевого опыта. Следовательно, наряду с боевой требовалась и серьезная морально-психологическая подготовка, связанная с воспитанием смелости, мужества, инициативы и выдержки.

С этой целью уже в начале июля 1941 года в НКГБ (далее НКВД) КФССР была организована специальная (особая) диверсионная школа. Совнарком республики 8 июля утвердил подготовленную разведотделом (РО) «Ориентировочную смету расходов по подготовке лиц специального назначения», в которой указывалось, что курсы рассчитаны на 7 дней (по 40-часовой программе), количество курсантов – 27 человек, преподавателей – 2 человека [11; 279]. В дальнейшем численность курсантов росла. Общее руководство школой было возложено на начальника 4-го отдела НКВД КФССР комбрига С. Я. Вершинина.

Учеба в школе велась как по военной, так и по специальной подготовке. Большое внимание уделялось подбору и обучению командиров разведывательно-диверсионных групп. Очень важно, что некоторые бойцы спецшколы были по национальности карелами, вепсами, финнами и хорошо владели финским языком.

15 октября 1941 года наркомом внутренних дел КФССР майором госбезопасности Баскаковым и начальником 4-го отдела НКВД комбригом Вершининым был подписан «Временный организационный расчет школы Особого назначения НКВД КФССР». В этом документе говорилось, что в школе утверждаются следующие должности и устанавливается следующий порядок: 1 начальник школы, 1 политрук, 1 старшина, 3 человека обслуживающего персонала, 4 начальника отрядов, 12 начальников групп, 132 курсанта, всего 154 человека. В школе было 4 отряда. В каждом отряде – 3 группы, всего 12 групп. Численность отряда вместе с начальником составляла 37 человек. Численность группы вместе с начальником группы – 12 человек [3; 12]. Школа имела две грузовые машины «ГАЗ» 1,5 т и «ЗИС» 3 т, катер с мотором «ГАЗ» и моторную лодку с мотором «ГАЗ» [3; 30].

В тот же день, 15 октября 1941 года, приказом № 184 нарком внутренних дел КФССР назначил

начальником школы В. М. Федорова, политруком школы (по совместительству) – старшего оперуполномоченного, сержанта госбезопасности В. В. Голубева, старшиной школы – М. Булганина. В этом же приказе говорилось о том, что с 16 октября 1941 года вводятся ежедневные военные и специальные занятия по программе со всем свободным от оперативных заданий личным составом. Баскаков обязывает начальника 4-го отдела НКВД комбрига Вершинина лично руководить работой школы и систематически проверять военную и специальную подготовку бойцов [3; 11].

Обучение в школе проводилось с 10 до 22 часов по специальной программе, включавшей в себя изучение устава пехоты, боевого оружия, подрывного дела, топографии, самбо, основ медпомощи, организации разведки, основ партизанской тактики, методов работы финской контрразведки.

Большое внимание уделялось политической подготовке слушателей. За основу брались публикации в газетах. Приглашали для выступлений лекторов партийных органов. Политработники доводили до всех военнослужащих требования правительства о необходимости всемерного повышения бдительности [9; 234].

Подготовка по парашютному делу (теория и прыжки) осуществлялась с выездом в г. Онегу Архангельской области, при этом часть бойцов из-за страха поначалу отказывались прыгать с самолета. Радистов в первое время готовили на полугодовых курсах в Москве, но уже в 1942 году 8 девушек-радисток окончили курсы, организованные при 4-м отделе НКВД КФССР. В 1943 году было подготовлено 10 радистов, а в 1944-м – еще 13 [8; 12].

К концу 1941 года подготовку в школе закончили 196 человек, из которых было сформировано 15 диверсионных групп. Одновременно, помимо спецшколы, в районных отделах НКВД республики было скомплектовано еще 58 групп общей численностью 399 человек [11; 279].

В октябре 1941 года после организации 4-го отдела все диверсионные кадры, за исключением находившихся в ведении РО, были сведены в спецотряд школы особого назначения НКВД. Отряд имел свой номер и дислоцировался до конца войны в с. Шижня Беломорского района. Бойцов в спецотряд на добровольной основе отбирали районные отделы НКВД, преимущественно из числа молодежи. Особым распоряжением СНК КФССР эти лица считались «временно призванными для выполнения особых заданий, связанных с обороной страны». За ними даже официально сохранялись занимаемые должности и зарплаты. Помимо жителей Карелии в спецотряд набирались и жители соседних регионов – Архангельской и Вологодской областей, Коми АССР. К ноябрю 1942 года численность спецотряда составляла 87 человек. Однако на протяжении войны состав этого подразделения постоянно менялся. Например, только с мая по ноябрь 1942 года по различным причинам из отряда выбыли 77 человек [10; 123–124].

На начальном этапе войны 4-й отдел НКВД КФССР и подчиненная ему спецшкола были нацелены преимущественно на подготовку диверсионных кадров. Но уже к середине 1942 года перед ними ставятся задачи активизации и расширения агентурно-разведывательной деятельности в тылу противника.

Еще в марте 1942 года спецшкола особого назначения НКВД КФССР была реорганизована. Наиболее подготовленные бойцы были оставлены в составе спецотряда НКВД, предназначенного в первую очередь для обеспечения рейдов разведгрупп через линию фронта. Остальные бойцы были переведены в партизанские отряды.

Подготовка же разведгрупп стала проводиться индивидуально по специальным планам, утверждавшимся, как правило, в центральном аппарате НКВД–НКГБ СССР. За месяц до выхода на задание отобранные в группу разведчики переводились в прифронтовые населенные пункты (Сегежа, Руйга, Летний) на конспиративные квартиры, где под руководством оперативных работников проходили совместную подготовку. Отрабатывались задание и легенда каждого разведчика на случай захвата противником. Изготавливались необходимые документы на вымышленные фамилии. Изучалась обстановка в районе действия (маршруты движения, схемы расположения домов, списки жителей, рекомендательные письма, пароли для связи). Совершались тренировочные походы и сеансы радиосвязи [8; 16].

В связи с проведением массовой заброски разведгрупп в тыл противника в 1942 году появилась необходимость организовать подготовку разведчиков-радистов. В конце 1942 года нарком внутренних дел республики поручил создать школу разведчиков-радистов, в которую решили привлечь девушек-комсомолок. В декабре 1942 года школа начала работу. Первыми в ее состав вошли Ольга Захарова из деревни Колвасозеро, учительница Евдокия Сергеева из деревни Миккелицы Пряжинского района и другие. Опыта подготовки радистов никто не имел. Преподавать стал А. Н. Анисимов, который незадолго до войны закончил радиотехническое отделение Ленинградского морского техникума. Много времени уделялось практике работы с рацией. Занятия проводились не только в классе, но и на местности. Через некоторое время будущие радистки уже могли свободно принимать и передавать, расшифровывать и зашифровывать радиogramмы с пятизначным цифровым текстом. Одновременно велась их подготовка как разведчиков [12; 184–186].

В подготовке разведчиков и диверсантов активно участвовали сотрудники 4-го отдела НКВД КФССР. Так, старший оперуполномоченный А. И. Батраков лично проводил подбор и подготовку агентуры для переправы в Кондопожский, Медвежьегорский и Заонежские районы с целью внедрения ее в разведывательные органы противника; старший оперуполномоченный В. Н. Кожин проводил подготовку агентуры по шифровальной

работе. Система обучения строилась на принципе личного показа и повторения действий обучаемым. Подготовка была приближена к реальной боевой обстановке. Половина учебных занятий проходила в ночные часы. За короткий срок обучения курсанты должны были освоить топографию, спецподготовку, политическую, огневую, физическую и санитарную подготовку, инженерное дело. Также учились маскировке, переправляться через озеро с помощью плащ-палатки и охапки сухого мха, стрелять из винтовок, автоматов и пистолетов разных систем, приемам рукопашного боя. Важное место занимала лыжная подготовка. Организовывались тренировочные походы в лес длительностью 5 суток с целью физического укрепления бойцов и приобретения навыков хождения с компасом и картой, маскировки своих следов, умения вести разведку и уходить от преследования. Проводились лыжные соревнования бойцов. Изучали работу со снежоступами, учились, как правильно зимой разжечь костер, как уберечься от обморожения, оказать первую помощь при обморожении. Обучали подрывному делу (10 часов): способам взрывания, подрывным средствам (взрыватели с часовыми механизмами и английские магниты), использованию взрывчатой техники в тылу противника с помощью местного населения [5; 43–44об.].

Проводились и тактические занятия. По рапорту начальнику 4-го отдела НКГБ КФССР подполковнику госбезопасности В. И. Райманникову можно представить особенности таких практических занятий: 12 января 1944 года в 8 утра отряд в количестве 19 человек вышел с места расположения отряда в п. Шижня в район Шуварака Тунгудского района по маршруту Беломорск – Сосновец – Шуварака. Отряд находился в зоне, где было возможно нападение противника, поэтому были выделены главный дозор и тыловое охранение. В Шувараку прибыли в 19 часов. За время тактических занятий с 12 по 16 января 1944 года были отработаны следующие вопросы: связь разведывательных групп через тайник, организация засад и захват разведывательных групп противника; разгром гарнизона, подход и разведка гарнизона, захват языка; переход контрольной лыжни противника и запутывание следов; меры охранения на марше и привале; хождение по азимуту с использованием компаса и карты. Во время занятий личный состав группы действовал быстро и умело. Занятия проходили живо и интересно [5; 39–39об.].

Осуществлялась и подготовка к парашютному делу (теория и прыжки). Совершались выезды в г. Онегу Архангельской области. Часть бойцов из страха отказывались прыгать. Нередко происходили и несчастные случаи в связи с тем, что парашют не раскрывался. Об этом, например, свидетельствует акт от 15 июля 1942 года, в котором содержатся сведения о смерти Д. М. Быкова при ознакомительном прыжке с парашютом [5; 36].

Велась ежедневная тренировка по радиосвязи, так как наличие устойчивой системы связи было необходимым условием успешной организации разведывательных операций, в ходе которых обеспечивалась быстрая и полная доставка полученной и обработанной информации. Но если проанализировать отчеты различных разведывательно-диверсионных групп, то можно заметить, что радиосвязь могла и не сработать в самый ответственный момент. Так, когда группа «Эфир» находилась на выполнении задания 23 мая 1943 года в Заонежском районе, связь оборвалась из-за отсутствия питания рации [6; 7]. Группа «Кама» находилась в Ведлозерском районе, связь оборвалась, и восстановить ее не удалось. Дальнейшая судьба группы неизвестна.

Изучению боевого оружия уделялось 18 часов: основные правила обращения с оружием, как метко поразить врага лопатой, окапываться и использовать местные предметы [5; 102].

В ноябре 1942 года на совещании оперативных работников 4-го отдела НКВД КФССР начальник 1-го отделения 4-го отдела младший лейтенант госбезопасности В. П. Пышкин прочел обстоятельный аналитический доклад на тему «Подготовка разведывательных кадров для работы в тылу противника» [1; 128]. В 1-м разделе – «Причина постановки вопроса» – В. П. Пышкин отмечал, что порученная 4-му отделу НКВД ответственная и важная работа по ведению разведки на временно оккупированной противником территории республики вовлекла часть оперативных работников в новую для них сферу деятельности. Большинству из них ранее не приходилось сталкиваться с разведывательной работой, и они знали о ней только по отрывочным сведениям, приходившим из самых разных источников. Многие из оперативного состава вначале даже не понимали основных принципов разведывательной работы. А некоторые, несмотря на проводившуюся инструктивную работу, допускали ошибки, имевшие роковые последствия для результатов работы и благополучия разведчиков. Это объяснялось главным образом тем, что опыт разведывательной работы не всегда был доступен сотрудникам, поставленным на это направление деятельности.

Также на совещании обсуждалась проблема «О системе в разведывательной работе». Этот вопрос рассматривался потому, что в среде оперативного состава, связанного с агентурно-разведывательной работой, обсуждался вопрос о том, может ли быть систематизирована работа по разведке на территории противника. Некоторые сотрудники заявляли, что никакой системы в агентурно-разведывательной работе нет и быть не может, так как это ведет к возникновению трафаретности. Другие, наоборот, работали по трафарету, обучая разведчиков по готовому, хотя и не продуманному, штампу. Эти вопросы занимали тогда умы многих оперработников. Был сделан вывод, что трафаретность в худшем смысле этого

слова может привести к провалу разведывательной операции и ненужной трате средств и времени. Однако на стадии подготовки разведчика нужных результатов можно добиться только в случае, если подготовка будет проведена по определенной, заранее разработанной схеме, так как разведчики должны одинаково хорошо знать все элементы трудной и многогранной работы разведчика. При рассмотрении вопроса «Система подготовки разведывательных кадров» отмечалось, что проверка знаний разведчиков на исходном для переброски в тыл противника положении и беседы с оперативными работниками свидетельствуют о том, что подготовка разведывательных кадров в то время (осень 1942 года) велась кустарным и непродуманным способом. Очень часто разведчики были поверхностно подготовлены к выполнению заданий. Поэтому был остро поставлен вопрос о необходимости повышения качества подготовки разведывательных кадров, организации подготовительной работы по определенной продуманной программе. Указывалось, что в зависимости от времени, индивидуальных качеств объекта подготовки, особенностей задания учеба может проводиться в разных формах и объемах. Но во всех случаях обязательно, чтобы в период подготовки были тщательно проработаны следующие элементы: работа над личными качествами объекта подготовки; основные принципы поведения на территории противника; военнотопографические знания; политико-экономические положения на территории противника; основные методы контрразведывательной работы противника; методы выполнения задания; способ переправы и возвращения; способы связи с агентурой; политическая подготовка; инструктаж по заданию и линии поведения; экипировка и снабжение; работа с агентом по освещению контрразведывательного элемента по месту работы и связям [1; 129].

Подготовка разведчика – это весьма трудоемкий процесс, который требует от оперативного работника рационального использования имеющегося в его распоряжении времени. Из этого следует, что каждая явка (место встречи с будущим разведчиком) в период с момента вербовки до момента выброски должна быть тщательно продумана и подготовлена. Если оперативный работник усвоит, чему он должен научить разведчика, то подготовительная работа будет эффективной. Прекратятся пустые, ничего не дающие встречи, на которых не затрагивается ни одного конкретного и действительно важного вопроса.

Перед разведчиком еще в период подготовки должны ставиться задачи на применение находчивости, наблюдательности, памяти, общительности и т. д. Объект подготовки должен уметь по заданию оперативного работника очень подробно описать любой объект, собрать данные о каком-либо учреждении и т. д. Все это должно делаться так, будто разведчик находится в тылу врага, без сторонней помощи. Это приучит его быть само-

стоятельным, пользоваться своими личными данными в интересах выполнения задания, избавит его от излишней скромности и застенчивости.

Например, в период подготовки разведчицы «Ш» было установлено, что она – человек застенчивый. Тогда после нескольких бесед ей было дано задание – собрать подробные данные о пожарной команде населенного пункта, где она проживала. Сначала девушка растерялась и стала просить дать ей совет, как это сделать. Ей было предложено действовать так, как она сама найдет нужным, поскольку она была предупреждена, что пожарная команда является оборонительным объектом. Через три дня будущая разведчица пришла на явку и подробно доложила о численном составе, руководстве и порядках пожарной команды, а также о питании и быте пожарников. На вопрос, как она получила эти данные, девушка сообщила, что после некоторого раздумья пошла в столовую пожарной команды, разговорилась с поваром и, проявив интерес к ее работе, узнала о количестве приготовленных обедов, количестве членов семей, питающихся в столовой, и т. д. Разговорившись с пришедшим в столовую бойцом пожарной команды, она уточнила и дополнила полученные сведения. Следующие учебные практические задания «Ш» смелее принимала к исполнению и хорошо их выполняла. Таким образом, разведчица стала более решительной, общительной, находчивой, научилась практически добывать данные в беседе, быть наблюдательной и запоминать нужную информацию [1; 129об.].

Вопрос о принципах поведения на территории противника часто совершенно выпадал из программ подготовки разведчиков. Оперативный работник ограничивался только напутственным пожеланием: «Иди, только смотри осторожнее, не засыпся». Каким образом действовать осторожнее, как избежать разоблачения, предоставлялось решать самим разведчикам, многие из которых ни разу не ходили в тыл и не имели практического опыта.

Участники ноябрьского совещания 1942 года пришли к выводу, что в период подготовки разведчик должен усвоить определенный порядок своих действий и поступков во вражеском тылу. К важнейшим вопросам, требовавшим особого внимания в процессе обучения разведчика, отнесли следующие:

1. Как и в какой период следует передвигаться по территории противника?

Факты из разведывательной практики свидетельствовали о том, что незнание этих правил приводило к трагическим результатам. Нередко разведывательные группы благополучно пересекали линию фронта, а затем должны были скрытно выдвигаться к объектам разведки. Однако они не всегда соблюдали это правило. Выходили днем на дороги и шли открыто. Это приводило к случайным встречам с военными и полицейскими патрулями, заканчивавшимися перестрелками.

Разведывательные группы были вынуждены уходить от преследования. Итог – невыполнение боевого задания.

2. Как и в какое время нужно подходить к объекту разведки?

Например, в начале 1942 года одна из наших разведгрупп преодолела большое расстояние по льду Онежского озера, благополучно прошла систему контрольных лыжниц и вышла к назначенной заданием деревне. У деревни разведчики закрепились в засаду. Они видели, что по деревне ходят солдаты противника и местное население. Однако из-за морозной погоды у них не хватило терпения дождаться темноты. Один из разведчиков пошел в деревню днем и был схвачен финнами. Задание было провалено из-за того, что разведчики нарушили данное им указание – входить в деревню после тщательной проверки и подготовки. Если же разведчики действовали правильно и точно выполняли инструкции, то и результаты были гораздо лучше. У хорошо подготовленных агентов в трудную минуту самообладание не пропадает, а наоборот, возникает инициатива, помогающая найти верное решение.

3. Как вести себя при встрече с местным населением, с представителями военной и территориальной администрации?

Практика показывала, что без встречи с местными жителями часто было практически невозможно собрать нужные разведывательные данные. Но встреча с населением, если она плохо организована, могла привести к провалу, так как среди местного населения на оккупированной противником территории имелось определенное количество пособников оккупантов. Встретившийся с разведчиками местный житель по возможности не должен был понять, кто находится перед ним. А сам разведчик должен был постараться сойти за местного жителя, а также приучить себя к невозмутимому поведению при встрече с представителями финской администрации или военными. Если разведчик при встрече с этими лицами стесняется или будет вести себя неуравновешенно и нервничать, то обязательно обратит на себя внимание и вызовет проверку документов. Так, одна из разведывательных групп, возвращаясь зимним днем в маскировочных халатах из тыла противника, на подходе к линии охранения на берегу Онежского озера внезапно наскочила на финский пост. Положение было критическим. Тогда командир группы принял смелое решение выдать себя за финских солдат. Разведчики продолжили движение. Финны, видя, что к ним идут люди, не обнаруживающие враждебных выпадов, пропустили их на лед озера [1; 130–130об.].

Все это говорит о том, что при надлежащей тренировке разведчика еще в период подготовки он может приучить себя к тому, что встреча с людьми на территории противника не будет препятствием для выполнения разведывательного задания.

4. Где и как останавливаться на отдых, на ночлег, как его организовать?

Вопрос организации отдыха и ночлега должен занимать важное место в подготовке разведчика. На практике имели место случаи, когда непродуманный отдых приводил к провалу. Нельзя, например, останавливаться на отдых в районе линии охранения, как правило, хорошо изученной противником. Нужно стремиться оторваться от этого места и уйти вглубь неприятельского тыла. Останавливаться на ночлег в населенных пунктах можно было только у лиц, надежность которых не вызывает сомнений.

5. Как пользоваться пищей, как разводить костры?

Разведчик должен был знать, что, неосторожно употребляя пищу, он дает противнику улики и следы своего пребывания. Поэтому необходимо тщательно уничтожать путем закапывания в землю, утопления или сжигания остатков упаковки еды, так как даже по этим следам противник может получить характеризующие данные о разведчике. Умение разводить костры также имеет существенное значение для операции. Следовало иметь в виду, что в ряде районов, где действовали наши партизаны, противник устанавливал наблюдательные вышки с постами. Их задача состояла в обнаружении зарева или дыма костров. Даже курить на территории противника нужно было осторожно, так как ночью огонь папиросы виден очень далеко [1; 132].

Помимо вышеназванных проблем, требовавших особого внимания в процессе подготовки разведчиков, имелся еще ряд важных вопросов: как переходить дороги и форсировать водные препятствия? как скрывать или запутывать свои следы? как вести себя в зимнее время на контрольной лыжне? как добывать средства питания на территории противника? и другие. Для каждого конкретного случая вырабатывались точные правила поведения в тылу противника. Проработка их с разведчиками помогала не «засыпать» и постоянно быть начеку.

Оперативный работник должен был научить разведчика обращению с личным оружием, гранатами. А если он давал карту и компас, то должен был объяснить, как ими пользоваться.

Часто разведчику поручалось установить наличие воинских частей и вооружения противника. Но на практике он не всегда мог отличить танкетку от танка, аэросани от автомобиля, пулемет от противотанкового орудия, полевое орудие от зенитного и т. д. Поэтому в период подготовки оперативный работник был обязан преподавать разведчику краткие данные о строении армии противника, о знаках отличия и различия, о типах вооружения, имеющегося у противника.

Разведчик должен был также обладать знаниями о политико-экономическом положении на оккупированной противником территории. Оперативные работники были обязаны знакомить разведчиков с системой регистрации населения, документами, являющимися видами на жителей

ство, правилами передвижения по населенным пунктам, между населенными пунктами, с контролем на коммуникациях, системой пропусков и их регистрацией. Разведчик должен был иметь представление об основных методах контрразведывательной работы противника.

В период подготовки разведчик должен был получить исчерпывающий инструктаж о способах и методах выполнения своего разведывательного задания. Тем не менее это не всегда учитывалось оперативными работниками.

Большое значение имел вопрос тренировки по наиболее трудным моментам задания. Так, при подготовке в мае 1942 года разведчика Сожинского большая часть занятий была посвящена специальным вопросам: отработка всех возможных вариантов и деталей его проникновения в стан врага, разработка линии поведения при первом и последующих допросах в финской контрразведке, особенно в ходе возможного склонения его к сотрудничеству. Обращалось внимание на то, что к нему будут подсылать осведомителей и провокаторов. Поэтому надо отвечать обдуманно, не меняя своих показаний. Большое внимание уделялось тренировке зрительной памяти, умению сконцентрировать внимание на характерных приметах человека и запомнить их так, чтобы впоследствии можно было точно их восстановить. Особенно тщательно отрабатывались инициативные действия разведчика по изысканию способа передачи на нашу сторону информации о себе, линия поведения по изучению однокурсников в шпионско-диверсионной школе с целью склонения их в случае выброски на нашу территорию к явке с повинной [16; 183–191].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что подготовка разведывательно-диверсионных сил в период стабилизации Карельского фронта претерпела серьезные качественные изменения. При подготовке разведчиков оперативные работники стали уделять внимание многим факторам, которых раньше не касались. Усвоив весь материал, преподаваемый оперативными работниками, разведчики могли уже с большей уверенностью идти в тыл врага.

Наиболее сложным видом разведки являлась агентурная, так как приходилось работать на контролируемой противником территории, часто под личиной изменников родины, от которых нередко отворачивались все честные люди. Поэтому большое внимание уделялось конспирации. В инструкции разведчика говорилось: «Вопросы конспирации должны быть в центре внимания, так как от них зависит успех выполнения задания. Вы должны быть осторожны на каждом шагу, но осторожность не должна переходить в трусость, ибо трусость, паникерство несовместимы со званием советского разведчика. Всякая попытка на сделку с врагом является предательством интересов Родины, советского народа и покроеет имя труса величайшим позором. Ору-

жие применяйте в крайнем случае, защищаясь, или чтобы покончить с собой».

Для усиления конспирации рекомендовалось придерживаться следующих правил: всю сеть агентуры должны знать только лица, допущенные к работе с ней; вербующий должен знать только тех агентов, которых завербовал лично; агенты не должны знать друг друга; личный состав не должен знать задач агента; связь с агентурой осуществляется строго конспиративно; материалы, касающиеся работы с агентурой, хранить в тайне, а при необходимости – сжигать [14; 151].

Разведчик должен быть надежным, поэтому вводился строгий учет агентуры, все данные тщательно проверялись. Перед операцией разрабатывалась легенда агента, она должна была выглядеть правдоподобно для противника, иначе провал был неминуем. Например: Тарасова Людмила Петровна, 1942 года рождения, уроженка деревни Шеломки Заонежского района, из крестьян-бедняков, русская, гражданка СССР, беспартийная, грамотная. Была направлена в тыл противника 28 августа 1942 года с разведывательным заданием из деревни Римское Медвежьегорского района. Задачи: перейти линию фронта и добровольно сдать в плен. Легенда: бежала с советской стороны к родителям, проживающим по месту рождения. Должна заставить финнов поверить ей, добиться освобождения, получить возможность официально проживать у своих родителей, а затем приступить к сбору сведений о противнике (сбор данных военного характера, финских документов и прессы, выявление изменников и лиц из числа местных жителей, лояльно настроенных по отношению к Советскому Союзу). Разведчица действовала согласно легенде, но финны ей не поверили, так как это было распространенной версией советских разведчиков. Тарасову долго допрашивали (2 недели по 3 часа каждый день) и избивали, поэтому она созналась. Военно-полевой суд приговорил ее к расстрелу. В результате кассации получила пожизненное заключение в тюрьме Киндасвара, где собрала целый ряд сведений. Вернулась с территории противника 23 октября 1944 года. Таким образом, из-за неудачной легенда ход операции был нарушен [7; 41].

На курсах обучались не только мужчины, но и женщины в возрасте от 20 до 40 лет. В 1942 году курсы, организованные при 4-м отделе НКВД, окончили 8 девушек, в 1943-м – 10, в 1944-м – еще 13 [8; 12]. Большинство обучающихся были коммунистами и комсомольцами.

К разведработе привлекались и отдельные заключенные, осужденные за незначительные преступления, а также чекисты, арестованные в годы репрессий и подавшие заявления о направлении на фронт. Через отдел исправительно-трудовых колоний оформлялось освобождение, и они поступали в распоряжение НКВД КФССР.

Возможность использования этого контингента для диверсионной работы в тылу врага в июле 1941 года обосновал в рапорте на имя нар-

кома госбезопасности КФССР М. И. Баскакова начальник контрразведывательного отделения НКГБ республики Я. Х. Каган. Он провел личные беседы с заключенными, подавшими заявления, и передал список заключенных ОИТК НКВД КФССР. Лица из списка были судимы первый раз, администрация лагеря не имела к ним замечаний и характеризовала их положительно. Например:

«Домашин Иннокентий Иннокентьевич, 1917 года рождения. До ареста литейщик Онегзавода, осужден за появление на работе в нетрезвом виде к 5 с половиной месяцам заключения. Конец срока заключения – 23 августа 1941 года. В РККА служил с 1937 по 1940 год. Знает в совершенстве винтовку, пулемет и все виды гранат. Командовал отделением. Умеет хорошо ориентироваться в лесу и в поле, пользоваться компасом. Считает свое заключение позорным пятном.

Тимошенко Михаил Трофимович, 1914 года рождения. До ареста работал стрелком ВОХР ББК, служил в РККА с 1936 по 1940 год с небольшим перерывом. Участник боев с финнами в 1939–1940 годах. По специальности – пулеметчик-связист. Метает гранату на рекордное расстояние.

Оскаров Акрам Самилович, 1911 года рождения. Башкир. Работал на Соломенском кирпичном заводе. Осужден на 4 месяца заключения за прогул. Участник боев с финнами в 1939–1940 годах, был в окружении с 18-й дивизией. За проявленную доблесть был представлен к награде, но награды не получил. Имеет специальность – пулеметчик 1-й номер. Был 3 раза ранен в боях».

Заключенные подавали заявления о добровольном вступлении в армию. Во время бесед с

лейтенантом госбезопасности Каганом они категорически заявляли, что хотят искупить свою вину и не пожалеют жизни для Родины [4; 38–39].

Таким образом, подготовка разведчиков и диверсантов органами НКВД–НКГБ КФССР к 1943 году стала более продуманной и организованной. Однако результативность разведывательно-диверсионной деятельности, особенно в 1941–1942 годах, оставляла желать лучшего. С одной стороны, это объяснялось установлением финскими военными властями жесткого оккупационного режима на захваченной территории Карелии, поголовного контроля над всем местным населением. С другой стороны – отсутствием необходимого опыта и просчетами в организации обучения разведывательно-диверсионных кадров.

Итоги деятельности спецгрупп и отдельных разведчиков НКВД КФССР были подведены в справке «О деятельности разведывательно-диверсионных групп органов госбезопасности КФССР в тылу противника в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Диверсионными группами было осуществлено 89 боевых выходов в тыл финских войск. В результате ими было разгромлено 7 гарнизонов противника, убито 467 солдат, офицеров и чиновников оккупационных властей; уничтожено 28 автомашин, 2 самолета, 10 складов; повреждено 62 моста. Кроме разведывательно-диверсионных групп в тыл финских войск для агентурной работы были направлены 233 человека. За эти результаты была заплачена высокая цена: при переправах погибли 22 разведчика, пропали без вести – 36, попали в плен – 109, вернулись обратно – лишь 45 человек [10; 133].

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее – АФСБ РК.) Ф. 2. Оп. 1. Д. 92.
2. АФСБ РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 120.
3. АФСБ РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9.
4. АФСБ РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Т. 1.
5. АФСБ РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Т. 1.
6. АФСБ РК. КРО. Оп. 1. Д. 95.
7. АФСБ РК. ФСДП КРО. Оп. 1. Д. 92.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. Авдеев С. С. Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941–1944 гг.) // Карелия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Петрозаводск, 2001. С. 9–22.
9. Белозеров Б. П. Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб.: Агентство «РДК-принт», 2001. 320 с.
10. Веригин С. Г. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД–НКГБ Карело-Финской ССР в тылу финских войск (1941–1944 гг.) // Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии / Авт.-сост.: К. Ф. Белоусов, А. М. Беляев, С. Г. Веригин. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. С. 121–133.
11. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
12. Голубев В. Незримый фронт // Чекисты Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1986. С. 176–193.
13. Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 383 с.
14. Попов А. Ю. Диверсанты Сталина. М.: Яуза: Эксмо, 2004. 512 с.
15. Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 382 с.
16. Чижевский Т. А. Разведчик «Полярная звезда» // Чекисты Карельского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документальные очерки и воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 183–191.

УДК 94(47)“1917/1991”

PASI TUUNAINEN

Ph. D., Docent, University of Eastern Finland, Joensuu Campus
pasi.tuunainen@nef.fi**ELIMINATION OF POCKETS IN WESTERN LEMETTI DURING JANUARY-FEBRUARY 1940:
USE OF GERMAN EXPERIENCE WITH STORM TROOPS BY THE FINNISH IV ARMY CORPS**

The article covers the military tactic used by the Finnish IV Corps during the Soviet-Finnish (Winter) War of 1939–1940 for elimination of Soviet units encircled in pockets. It concentrates on the adaptation of the German WWI experience with storm troops to specific conditions of the winter weather and wooded terrain, as well as on the role of special training and personality factor.

Ключевые слова: Finnish military tactics, pockets, motti, Soviet-Finnish (Winter) war, Matti Aarnio

In December 1939, in Ladoga Karelia along the road to Käsänäselkä, units of the 18th Rifle Division and 34th Light Tank Brigade of the Red Army quickly dug in and took up a stubborn defence. With only woods and snow around and quite severe weather conditions, they were tied down to the road and its nearby vicinity. After a Finnish counter-offensive to Kitilä in early January 1940, the Soviet 168th Rifle Division was isolated and caught in a large pocket, while a number of smaller pockets also formed westward to the Soviet border. Only the large pocket was formed intentionally, others emerged seemingly by accident. One of these smaller pockets was situated in the area of Western Lemetti (also called Northern Lemetti in the Russian sources) [15].

Jaeger Major-General Woldemar Hägglund, the commander of the Finnish IV Army Corps, wrote that his aim was to find a quick solution for the larger pocket. Multiple pockets were unwanted because they tied up too many forces for their maintenance. Hägglund mentioned that deep snow, the fire-power of the encircled Soviet troops and the necessity to avoid losses prevented quick elimina-

tion of the pockets. Insufficient forces also dictated that pockets could not be destroyed right away. Hägglund summarised the main essence of the tactics to eliminate pockets: “Taking into account our weak offensive abilities and our desire to avoid any military defeats, this [elimination of pockets] was achieved by the application of methods of positional warfare and a skilful use of local conditions.” During the nights storm troops destroyed peripheral resistance zones, and thus, gradually tightened the ring around the Soviet troops. It was a slow process. The main idea was to keep biting off small pieces of the pocket until its complete destruction and to hope that hunger and lack of ammunition would help facilitate it [14; 146], [15; 206], [13; 186].

This paper addresses the Finnish military art of the Winter War (1939–1940). It focuses on the offensive operations which led to the elimination of the pocket in Western Lemetti.¹ The object of the research is analysed, first of all, through the tactics and the methods of military operations used in that case. The operations in Western Lemetti were chosen because they provide the most characteristic example of the actions of so-called storm troops

(also known as shock or assault troops).² Their use was a typical tactic for the elimination of pockets – a tactic by which the Finnish command hoped to negate the unequal balance of forces. The same tactics to eliminate pockets were used all over Ladoga Karelia (most actively in Impilahti), as well as in Kuhmo. The paper will primarily concentrate on the details of these offensive operations.

During the Winter War, the Finnish troops which fought to the North East of Lake Ladoga adapted for the elimination of pockets certain offensive methods which involved storm troops – a military innovation which was used by the Germans on the Western Front during the First World War. Finnish Jaegers, who were trained in Germany during the Great War, were familiar with the German methods of offensive operations as early as 1917. The tactics of storm troops involved small, lightly-equipped infantry forces which were to cross the enemy front line at weak points, penetrating deep into enemy's rear areas. By that they bypassed and sealed off enemy strong points which were left behind – those were to be attacked and destroyed by heavily equipped second-echelon units that followed the storm troops. Fast advance was a key element of success, therefore leading units disregarded their own flank defence which was to be taken care of by the follow-up forces. Another advantage of the tactic was a prudent use of human resources. German offensive methods were described in regulations and manuals of the Finnish Army and Civil Guard (*Suojeluskunta*) during the inter-war period. Besides, Finnish officers often visited Germany, while German officers taught in the Finnish military schools. By the Winter War, storm troops became an integral part of the Finnish military doctrine. The Finns, however, adapted this tactic, initially developed for open spaces, to the forest terrain and winter conditions [12], [29], [30], [9].

The Finnish IV Army Corps staked its success on the mobility of its forces. Its operations employed the methods of active manoeuvre warfare, since its units had enough space to encircle the enemy from the flanks and the rear. A special emphasis was placed on freedom of action. Counter-offensives were not organized regularly, but were rather aimed to achieve specific purposes, especially if they were carried out by specially trained units. Aggressive offensive actions allowed Finns to seize the initiative, while the encircled forces could do nothing but react passively to the attackers' moves. Activeness was strongly emphasized in Finnish tactical thinking during the 1930s. Defence was only considered an initial stage for an offence. Finns preferred envelopments and flanking attacks [31].

Heavy equipment was arbitrarily caught inside the pockets. In Western Lemetti, the defence was supported by twenty-five BT-5 tanks (a Walter Christie's design) with their guns, three more artillery pieces, as well as a four-barrelled anti-aircraft machine gun. Additionally, automatic weapons of the defenders provided a high volume of fire. The defenders dug their tanks into the ground to use

them as artillery and also constructed deep dugouts. The Finns were unwilling to take the pocket by a frontal assault, as this would have led to high losses. During the preparatory stage of the battle, it was discovered that if thrown upwind, smoke grenades could blind the defenders. A lack of cover and concealment and a desire to save forces rendered attack activities during the daytime – as earlier in January 1940 – impossible. Attempted frontal assaults were confronted by heavy return fire. As a result, some new methods had to be invented. Reconnaissance missions reported that the fire-power of the defenders was mainly directed outside of the pocket. Finnish units, thus, had to infiltrate into the inner area of the defended perimeter, behind and aside of the tanks. If successful, this would have greatly expanded their operational possibilities [10; 282–283].

The Finns made serious efforts against the pockets beginning in late January. On 22 January, the IV Army Corps gave an order to stop all offensive operations against a stronger pocket in Eastern Lemetti (or Southern Lemetti in Russian sources), also known as the General's Pocket (*Kenraalimotti*) and to transfer all released units for the elimination of the pocket in Western Lemetti. It was, thus, an attempt to create and exploit the concentration of forces to get an edge over the enemy. Earlier attempts to eliminate the pocket had been ineffective, but they nevertheless proved valuable as an armed reconnaissance. Besides, in their course the forest hill of Tenhamo was captured from the enemy, and from this hill and the hill of Nuutinen it was possible to provide fire support for storm squads with light arms or to dominate the pocket with machine-gun fire. On 27 January, a joint council of senior and junior Finnish military commanders was held in the headquarters of the 13th Division, in which the action against pockets was discussed, and after it Major-General Hägglund decided that the pockets in Pien-Kelivaara and Western Lemetti had to be eliminated first [15; 179–181], [25; 201], [8].

The first day of the offensive in Western Lemetti did not bring results, but after offensive operations in the last days of January, the enemy-controlled area was narrowed, and on 31 January it was split into two parts. The first stronghold – dubbed the *Panzer taxi stand*,³ as the Soviet tanks lined up there as if at a taxicab stand – was located on the western side of the village of Lemetti. It was two kilometres wide and had from four to five hundred Soviet soldiers trapped inside. A more easterly located stronghold in Mylly was approximately of the same size, but it was defended by just seven tanks. The shrinking of the enemy controlled area meant in practice that the living space of the defenders decreased and the supplies delivered by air were mostly captured by the Finns. Thus, the situation of the encircled Soviet troops became more and more complicated. In order to break their spirit and promote a feeling of uncertainty, means of psychological warfare were also exploited: leaflets were dropped above the pockets and loudspeakers were

used from the Finnish positions. This, however, did not have the desired effect. Finns noticed that the most disastrous effect on the enemy's defences were made by time, hunger and frost. Flares and assault cries, which could also influence the morale of the Soviet troops, were often used to the defenders' surprise [28; 95], [21; 55].

The military regulations adopted by the Finnish Army during that time stated that an offensive against entrenched enemy positions had to exploit methods of positional warfare. At the initial stage, a careful reconnaissance was to be carried out. After that, storm squads were to approach enemy positions unnoticed under concealment of smoke or darkness and to launch a surprise attack, aiming to penetrate deep into the enemy position through weak points, and thus achieving a deep breakthrough. This breakthrough was to be followed by resolute efforts to split the enemy position. Successful elimination of a pocket required that the initial success was to be secured and exploited without delay [4], [6].

The failure of the initial attempts at attack also led to more careful planning of future operations. The plans were suggested by Major Matti Aarnio, commander of the 4th Jaeger Battalion. Before the decisive attack, a detailed reconnaissance of the terrain was carried out, which allowed them to quite easily identify the location of the surrounded positions. Knowledge of the situation and current conditions allowed a correct evaluation of both Finnish and Soviet positions. Accurate information formed the basis for a plan of how most effectively to penetrate into the enemy's lines [10; 277–279].

The defenders were not granted a respite during the preparation of the offensive, as they were kept under pressure all day and night. Direct artillery and mortar fire destroyed all tanks, fortified points and dugouts, and was also used to support night infantry raids on the pocket edges which aimed to destroy the enemy's fortified positions and to narrow the pocket area. There was no shortage of shells for the mortars, but the amount of artillery shells was limited. Moreover, shells did not always explode because fuses did not detonate in the cold weather. In addition, the effect of small-calibre ammunition which was used in the indirect artillery fire was relatively weak, since the shells hit in thick snow. At that time, Finnish artillery was concentrated in the direction of Pitkäranta. As a result, the operation against the pocket in Western Lemetti was supported by three artillery batteries, only one of which was heavy. This was necessary because some of the field works in the pocket were quite strong. Most of the operation against the pocket was to be carried out without artillery support [10; 276–307], [19; 203].

The launch of the attack was scheduled for 30 January at 2:00 A.M., to maximize the benefit of lighting conditions. Before that, Major Aarnio discussed with his subordinates what methods should be used to eliminate the pocket. The plan relied on a diversionary manoeuvre of the 2nd Company of the

4th Jaeger Battalion. This company had to attract the enemy's attention and draw fire to cover the operations of two other companies which would split into storm squads of ten people each. Some squads were also made up from soldiers from the 18th Special Battalion. To assist them, two field engineer companies were also allocated. Storm squads were specially trained for the forthcoming mission. Use of sledges allowed a flexible delivery of replenishments. The aim of the operation was to attack the *Panzer taxi stand* area with minimal losses under concealment of darkness from different directions. During the first night, the Finns advanced through special paths dug out in the deep snow. During the advance, the storm squads had to refrain from opening fire until the very last moment. It was the essence of the so-called *creeping tactic* (4th Battalion's nick name was *Creeper*). The storm squads reached initial success in the pitch darkness: by 7:00 A.M., twenty dugouts had been destroyed, however, it did not bring the desired result. With the dawn, the storm squads were withdrawn. The offensive continued in the evening starting at 7:45 P.M., and another dugout was destroyed. Yet, the fire of the defenders was still intense, and on 1 February at 3:00 A.M., attempts to eliminate the pocket were temporarily suspended. The same day, in continuation of the planned, the Finns delivered a howitzer to a position located on open ground and suitable for laying of direct fire. To protect it, fortified emplacements were constructed from logs and snow at a mere 100 meter distance from the pocket's edge. This howitzer and an anti-tank gun destroyed several tanks and neutralised several enemy defensive posts. Soviet tanks on the western flank of the pocket were thus rendered useless for the battle. Molotov cocktails also proved effective in the action against tanks [21; 57–58], [20; 521, 533–534], [10; 283–284, 290–293], [3].

During the offensive, the 3rd Battalion of the 37th Infantry Regiment engaged in the fighting against the enemy stronghold in Mylly and supported the advancing Finnish squads with fire from light arms. Fire support and a smokescreen were organised from the hill of Nuutinen. Two companies of the 4th Jaeger Battalion launched a surprise attack against the *Panzer taxi stand* from the south eastern slope of Repomäki. The 2nd Company once again launched a diversionary manoeuvre and was able to attract, at least partly, the enemy's attention. It was a part of the plan to provoke Soviet soldiers for preliminary countermeasures and to force them to waste scarce ammunition. For the same purpose, models of soldiers were also installed to visible places. At approximately 9:00 A.M., the 1st and 3rd Companies reached the front line of the fortified enemy position and engaged in close-in fighting. A breakthrough was secured within half an hour. At the same time, storm squads of the 2nd Company, which operated along the road, neutralised more distant defensive posts. At approximately midnight, after many dugouts had already been destroyed, the

encircled Soviet forces tried to assemble in the centre of the *Panzer taxi stand* to launch a counter-strike. However, vigilance of the attackers prevented this. When it became clear that the battle was turning in favour of the Finnish forces, the surviving Soviet soldiers tried to break through to their second stronghold in Mylly, but the attempt was frustrated by machine gun fire. The Finns captured the *Panzer taxi stand* by 3:15 A.M., and two hours later the entire area was mopped up [1], [10; 293–299], [20; 530, 534–535].

The next evening, on 3 February, it was the turn of the Soviet stronghold in Mylly. A low place where a cowshed belonging to the Kuikkas family stood was estimated as the weak point in the enemy's defence, so it was chosen for the point of attack. The latter was preceded by artillery fire which started at 8:15 P.M. and lasted for half an hour. Then the pocket was traversed by machine gun fire. After the defenders hid in their dugouts, the frontal storm squads of the 4th Jaeger Battalion slipped unnoticed through the low place near the Kuikka's house into the inner area of the pocket. To support the 18th Special Battalion, three storm squads of the 37th Rifle Division advanced from the south in the direction of the riverbed of the river Koirinoja, two storm squads attacked the pocket from the north, while two more storm squads of the 4th Jaeger Battalion advanced upon the southern part of the road from the south-east along the brook. The 2nd Company was in reserve, ready to be thrown into the battle to exploit the initial success and secure the advance. When the explosion of satchel charges was suddenly heard inside the pocket, a surprise was sprung upon the defenders. In the north and south, the 37th Infantry Regiment reached the front line of the pocket and also diverted Soviet efforts. Dugouts were destroyed from the flanks and the rear. Satchel charges were thrown into open dugout entrances, while sub-machine gunners were waiting outside for those who tried to escape. The advance was slow because the defenders fired back fiercely and organised counter-strikes. By the early morning of 4 February, the situation became more complicated for the Finns, as the Soviet troops attempted to break through to the west and south-east. This attempt to escape from the pocket failed however, since the Finnish forces did not weaken their vigilance and could quickly adapt their activities to unpredictable changes. The outcome of the battle was long inconclusive, but eventually the Finnish troops were successful in preventing all attempts of a breakthrough from the pocket. The pocket had been mostly captured by 4:30 A.M., and the Soviet stronghold in Mylly finally fell by the noon [5], [10; 300–306], [21; 58–63], [19; 133].

The Red Army defenders of the pockets sustained heavy casualties. Unrecoverable losses of the Soviet forces were approximately 1,000 people, of whom 400 perished in the *Panzer taxi stand* and 600 in Mylly. Additionally, in the former, another hundred Soviet prisoners were captured. Although

the Finns were on the offensive side, their losses were much lower: in particular, during the elimination of the *Panzer taxi stand* they lost a total of eleven men killed in action and several wounded. In addition, the Finns also captured rich spoils of war. They included, for example, thirty two tanks, six guns, forty two trucks, as well as a field bakery. The materiel arrived in a very timely fashion, as the Finnish field army had a shortage of practically everything [10; 299, 306].⁴

In Western Lemetti one officer, the so-called *pocket-commander*,⁵ commanded all Finnish troops. Military rank or long service did not determine who would be appointed for this position. It was prowess that was the decisive factor. The man was Major Matti "Motti-Matti" Aarnio who was in charge of the cooperation between different combat arms. His plans were also coordinated with the general plans of the Commander of the IV Army Corps. Aarnio led by giving directions and building up morale. He took calculated risks and made bold decisions, but despite this, he tried to minimise losses in units under his command. In addition to that, he gave his orders and instructions long in advance, so that the troops would have enough time to prepare for combat. Aarnio also delegated power and responsibility to his subordinates and granted them freedom of action. They could also exhibit initiative and act according to situational changes. This was facilitated by the tradition of so-called mission-type tactics borrowed by Finland from Germany. Although the main problem of the Finnish commanding officers during the Winter War was their lack of experience in commanding large formations, Aarnio's decisions in the role of the military commander were largely successful. He tried to avoid stereotyped decisions and to maximize the use of the terrain, weather, snow and lighting conditions. Soldiers who fought under his command were known for their high spirit. Their fighting fortitude was also of a superior nature, and their motivation did not require coercion or any other means. Detachments that participated in the battles in Western Lemetti were mostly experienced: they had already participated in the fighting on the Karelian Isthmus and in Ladoga Karelia during the early stages of the war, in particular in the December counter-offensives. Troops involved in the elimination of pockets knew how to operate in the conditions of the winter forest [27].

Tauno Räisänen, who participated in the pocket battles as a young reserve officer, writes that Matti Aarnio was "extraordinarily inventive and daring tactician," who was valued and trusted by his subordinates. According to Räisänen, Aarnio always invented improvised means and protective equipment. Räisänen describes the activities of Aarnio's Jaeger detachments as:

Where a direct attack would fail, the tactic of 'slow advance' would be employed which included such methods as satchel charges, Molotov cocktails, armoured sledges, and 'Trojan horses', i.e. log shields which were transported on sledges and had a

thick layer of snow between two log walls. Under the protection of these log walls, field and anti-tank guns were dragged from the southern part of the forest to the open space, from which they could destroy nearby dugouts and annoying tanks [26; 155].

We can easily assume that Aarnio, who was a general staff officer and an experienced teacher of tactics in the National Defence College of Finland, had to scrutinise the subtleties of the storm troops' tactics. There is reason to suggest that his tactical thinking was more advanced than that of other battalion commanders. Aarnio had also passed individual qualification courses organised by the General Staffs of Germany, Poland and Hungary. In his own graduate treatise he had analysed operational possibilities of the Red Army in Ladoga Karelia and, thus, knew the military geographical features of this area fairly well [22; 52–53].

Communication was instrumental for effective command. At one point, telephone lines of the 13th Division completely encircled both trapped (18th and 168th) Soviet divisions. In the case of the military base in Mylly, signal officers of the 4th Jaeger Battalion installed telephone wires so that every platoon commander would have a direct connection with Major Aarnio and vice versa. It meant that all units participating in the operations could be informed in real time of the advance of storm squads. However, on the morning of 2 February, the telephone connection with Major Aarnio was cut for half an hour. Messenger dogs were also used – the best of them was shot the same night [24; 128], [11; 15–16].

The command of the Finnish forces clearly demonstrated coherence, cooperation and mutual support. Relations between commanding officers were functional and the command staff which supervised the operation to eliminate the pockets was situated close to the battlefield. No serious delays were experienced. The reserves which followed the attack echelon could immediately secure control over the captured terrain. Aarnio personally explained the tactics and technical details of the upcoming battle to storm squads under his command. Storm squads were formed from units which operated in the same area on a voluntary basis. Initial attacks relied not on large forces, but rather on smaller storm squads of ten men, which were to serve as spearheads and pathfinders. Each company had two front line storm squads. The offensive was directed at the most vulnerable points and was concentrated on a narrow area. Storm squads approached the pocket from different directions, but once inside the pocket they united their striking power. Although people who were selected for storm squads had been well trained in the army or the Civil Guard, their training was significantly improved before the operation. Generally, people who would be selected as members of storm squads had to be effective individual fighters, because the leaders of small tactical units were only able to inspire and instruct their immediate companions. An emphasis was placed on the restoration of fighting ca-

capacity of members of storm squads: in particular, they could rest during the daytime. They were better supplied and equipped, and supplies could be delivered even during the fighting. Fighting capacity was maintained on a high level with the help of morale building measures [23; 110], [10; 283–284], [20; 520–521, 528–535].

The standard issue arms of the Finnish forces – rifles – were far from optimal for storm squads. Having stripped their heavily armed detachments, the Finns managed to arm storm squads with 9 mm Suomi sub-machine guns and Mauser pistols. Their power and range were enough for close-range engagements. Although initially each group had only two sub-machine guns, two additional ones were later added. Second-echelon storm squads were also equipped with light machine guns. The equipment of storm squads also included knives, hand grenades, 1–3 kilogram satchel charges and Molotov cocktails. In addition, they carried smoke boxes and flares. Because of the short distances, storm squads could not be supported by fire from behind – they were to advance following the principle of mutual fire support. Although speed was regarded as a key factor to achieve victory, storm squads were granted freedom in choosing the rate and direction of advance [10; 283–284].

The German military philosophy is particularly evident in the manner of how the pockets were eliminated under the command of Aarnio. Since the trapped forces mostly concentrated on the perimeter of the encircled zone, the Finns were able to destroy the organised defences at once if they managed to break through the perimeter of the pocket. In these cases the defence was blown up from inside the pocket. Storm squads crept unnoticed and broke through to the inside area of the pocket. Attackers tried to keep their pace and moved from one defensive position to another, without giving the defenders an opportunity to concentrate their forces. The advance was well organised. Storm squads were followed by support units which provided security so that the advancing forces would not be attacked from behind. At the same time, supporting fire from automatic weapons did not let defenders raise their heads from their dugouts. Storm squads acted independently and agreed beforehand with each other about communication and fire support during the battle. Satchel charges proved effective for destruction of dugouts. Less fortified dugouts were destroyed with these charges almost completely [15; 174, 181], [7].

The terrain on which the fighting took place was only partly covered with vegetation, which did not facilitate a covert approach, but in darkness the sentries of the defenders usually did not notice the quiet advance of storm squads. The Finnish command decided to use the features of the terrain for their own benefit and take possession of the no-man's land in order to facilitate the upcoming offensive. Storm squads were to crawl quietly in deep snow, unless they were prematurely noticed by the

defenders. Members of the storm squads were instructed to open fire only in case defenders were about to walk over their heads or blocked the way for throwing a satchel charge into a dugout. The Finnish command relied on surprise which was achieved not only in terms of time and place, but also in direction of attack, as well as involved units and fire-power, and involved the active use of hand grenades and satchel charges. The basic rule for the forward storm squads was to surprise the enemy by breaking through his weak points into the inner area of his defensive positions. Second-wave storm squads followed them closely allowing effective visual and audio contact. Their aim was to support the initial breakthrough. They also acted as reserves, so that at any time they could be used to widen the breakthrough point, to establish control over captured positions, to secure the achieved progress, to help annihilate enemy units, to secure freedom of action and to provide necessary support in case of any sudden and unexpected changes [10; 284].

The offensive methods which were used in the elimination of pockets in Western Lemetti were, in

general, borrowed from Germany. The operations to eliminate pockets described above were characterised by the use of common sense – or resourcefulness – as well as by simple yet accurate plans which were far from being routine. Another characteristic feature of the operations which were carefully elaborated by the Finnish command was freedom of action which was achieved by taking initiative, as well as by adopting the course of operation to current conditions and changing situations. Concentration of forces and use of reserves were also important. Members of storm squads knew their functions and were ready to implement their tasks. During the inter-war period, the Finnish military placed a special emphasis on offensive operations which facilitated the use of storm squads. Finnish military operations also relied on diversionary manoeuvres and surprise which were achieved by flexibility in their mode of action. All of these took freedom of action from the Soviet commanders, who lacked the ability to react quickly and take effective countermeasures. Yet another noteworthy feature of fighting in Western Lemetti was the boldness of the attackers.

(Translation from the Finnish language by Alexey Golubev. Proofreading by William L. Hancock, Jr.)

NOTES

- ¹ The pocket in Western Lemetti was divided into two sub-pockets, one of which was the so-called 'Panzer taxi stand' and another was a stronghold in Mylly.
- ² The Finnish terms are iskuosastot or syöksyjoukot. – Translator's note.
- ³ The Finnish term is Panssaripirssi (variant Taxipirssi). – Translator's note.
- ⁴ Spoils of war were often used almost immediately, and equipment from one captured pocket helped to eliminate the next one. Weapons were captured in very large numbers. For example, after the Soviet 18th Division and 34th Tank Brigade were destroyed, Finns captured 55 field guns, 47 anti-tank guns, 132 tanks, 12 armoured cars, 17 mortars and 184 light and ordinary machine-guns. In additions, Finnish spoils of war included hundreds of horse-driven and motor vehicles, as well as huge numbers of submachine-guns and rifles [2], [19; 161].
- ⁵ Mottikomentaja in Finnish. – Translator's note.

ARCHIVAL AND PRINTED SOURCES

1. War Diary of the III Battalion, 37th Infantry Regiment, 2 February, 1940. Spk. 1463, Kansallisarkiston Sörnäisten toimipiste (the Sörnäinen Branch of the Finnish National Archive i.e. the former Finnish War Archive. Hereafter KA, S).
2. After-action Report of Detachment Elsinen, 3 February-15 March, 1940. P 3813, KA, S.
3. Erkki Komonen's treatise Jääkäripataljoona 4:n tehtävät ja vaiheet sodassa 1939–1940. Records of the III Battalion, 9th Infantry Brigade. T 4295/19, KA, S and War Diary of the 4th Jaeger Battalion, 30 January-1 February, 1940. Spk. 1806, KA, S.
4. Jalkaväen ohjesääntö II.2: Yksikköjen taistelu. Helsinki 1932.
5. War Diary of the 4th Jaeger Battalion, 3–4 February, 1940. Spk. 1806, KA, S.
6. Kenttäohjesääntö II. Helsinki 1929.
7. After-action Report of the 13th Artillery Regiment, 1939–40. Records of the HQ, 13th Artillery Regiment. P 1200/10, KA, S.
8. Minutes of the meeting between officers of the IV Army Corps, 27 January, 1940, as Appendix n:o 580 to the War Diary of the IV Army Corps Staff, 16 January-31 January, 1940. Spk. 124, KA, S.
9. Syöksyjoukko-opas. Helsinki 1939.

LITERATURE

10. Aarnio, Matti A., Talvisodan ihme: itärintaman venäläiskeskitykset ja suomalaisten torjuntavoitot. Jyväskylä 1966.
11. Aarnio, Matti, "Laatokan-Karjala: Mottitaistelujen tanner". Peitsi n:o 3/1960.
12. Gudmundsson, Bruce I., Stormtroop Tactics: Innovation in the German Army, 1914–1918. Binghampton 1989.
13. Halsti, Wolf H., Suomen sota 1939–1945. 1: Talvisota 1939–1940. Keuruu 1955.
14. Hägglund, J. W., "Sotatoimet Laatokan koillispuolella". In: Kunnia – Isänmaa: Suomen ja Neuvostoliiton sota 1939–1940. Helsinki 1942.
15. Juutilainen, Antti, Mottien maa: IV Armeijakunnan sotatoimet talvisodassa. Juva 2009.
16. Järvinen, Y. A., Suomalainen ja venäläinen taktiikka talvisodassa. Porvoo 1948.
17. Karjalainen, Alpo, Lemetin mottitaistelut talvisodassa, tykistön ja kranaatinheittämistön osuus toiminnoissa. Treatise at the Finnish Artillery School 1951.
18. Käkälä, Erkki, Marskin panssarintuhoojat. Porvoo 2000.
19. Lappalainen, Niilo, Sotiemme suurmotit. Juva 1990.

20. Latvala, Niilo, *Isoisä tarinoi talvisodasta ja ajasta ennen sitäkin*. Imatra 1989.
21. Lehti, T. Olavi & Pihko, Esko, *Jääkärit eteen: Jääkäripataljoona 4:n (Hämeen Jääkäripataljoona) taistelut vapaussodasta Lapin sotaan*. Raabe 2002.
22. Myllyniemi, Urho, "Aarnio Matti (1901–1984)". In: *Kansallisbiografia*. Osa 1. Hämeenlinna 2003, 52–53.
23. Nuoramo, Olli, "Pataljoona talvisodassa". In: *Hämeen jääkäripataljoona*. Hämeenlinna 1974.
24. Nurm, H., "Divisioonan viestitoiminnan vertailu Karjalan kannaksella ja itärajalla talvisodassa". *Viestimies* n:o 3/1964.
25. Raunio, Ari & Juri Kilin, *Sodan taisteluita 1: Talvisota*. Porvoo 2005.
26. Räisänen, Tauno, *Kenraalimotti: Laatokan koillispuolen talvisotaa 1939–40*. Jyväskylä 1959.
27. Särkiö, Hannu, *Yleisesikuntaeversti Matti A. Aarnio: 'Motti-Matti' 1901–1984*. Saarijärvi 2006.
28. *Talvisodan historia 3: Sotatoimet Laatokan ja Jäämeren välillä*. Porvoo 1978.
29. Tuunainen, Pasi, "Preface". In: Juutilainen, Antti, *Mottien maa: IV Armeijakunnan sotatoimet talvisodassa*. Juva 2009, V–XIII.

УДК 821(47).09

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДЮЖЕВ

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
сектора литературы Института языка, литературы и исто-
рии, Карельский научный центр РАН
emarkova@krc.karelia.ru

ВОЕННАЯ ТЕМА В ПРОЗЕ НАРОДНОГО ПИСАТЕЛЯ КАРЕЛИИ ЯАККО РУГОВА

В статье анализируется социальная и художественная эволюция темы Великой Отечественной войны в прозе Народного писателя Карелии Я. Ругоева.

Ключевые слова: карельская литература, писательские персоналии, военная проза Я. Ругоева

Для Яакко Ругоева (1918–1993) жизненный, нравственный опыт был главной опорой в творчестве. «В последние десятилетия, – писал он в “Материалах для биографии”, – я отбираю свои словесные и смысловые заготовки, откладываю их в тетрадях, которые так и называются – “хаавуксия” (буквально – столярные заготовки) и выдерживаю, испытываю. Со временем изредка перелистываю свои “хаавуксия” и иногда какая-либо запись вдруг “заговорит”, зазвенит в душе, да так, что никакого покоя. Придется взяться за работу, иного выхода нет. И начинается рождение изделия, которое, как мне тогда кажется, совершенно необходимо в жизни и мне самому, и моим читателям» [4; 41].

Как и для других представителей фронтового поколения, Великая Отечественная война была вехой в биографии Я. Ругоева, самым значительным событием в жизни. Военная тема, с которой начинал он путь в литературу, решалась молодым партизаном как почти документальное свидетельство активного участника событий. Верности правде жизни, правде войны был предан Я. Ругоев и в последующие десятилетия, когда, обретя известность повествованием «Сказание о каре-

лах», решил вновь поднять пласт партизанской и фронтовой жизни. «Моя задача – добиться истины» [18; 20–22], – говорил он в своем выступлении по карельскому радио в очередной день Победы. Для постижения истины Я. Ругоев работал в архивах, собирал воспоминания ветеранов боевых действий, документы, фотоснимки.

Мимо внимания писателя не проходили публикации о партизанской войне в Карелии, в которых допускались явные неточности. В личном фонде писателя есть дело под заглавием «Материалы, собранные Я. Ругоевым по истории Великой Отечественной войны». На одном из материалов – замечаниях бывшего политрука первого взвода партизанского отряда «Большевик» П. Спиридонова – рукой Я. Ругоева написано: «Об искажении действительности в книге М. Королева» [5; 77]. Речь в присланном на имя Я. Ругоева письме П. Спиридонова шла о книге М. Королева «В лесах Калевалы» (Вологда, 1960). П. Спиридонов приводил такой пример. По архивным данным, во время разгрома штаба второго финского егерского батальона в деревне Ринойярви 8 декабря 1941 года было истреблено 38 финских солдат и офицеров, а по утверждению М. Королева –

67 солдат. «Тут, как говорится, комментарии излишни», – замечал П. Спиридонов, с чем Я. Ругоев не мог не согласиться.

Не выдержали проверку опытом фронтовиков и ряд материалов из книги воспоминаний о Великой Отечественной войне «Незабываемое» (Петрозаводск, 1967). В письме Я. Ругоеву от 22 августа 1967 года участник событий на Карельском фронте В. Валли указывал на фактические неточности в воспоминаниях К. Воронцова, В. Шарова, З. Алексеева и особенно – в партизанских записках Д. С. Александрова: «На страницах 179–184 ведет свою летопись Александров Д. С. То, что пишет Александров, пожалуй, является рекордом фантазии. Это даже на один процент не похоже на правду. Так вот, в книге написано, что партизанский отряд численностью менее чем 50 человек задержал более чем на двое суток два батальона противника. А знает ли Александров, из чего состоит батальон? Батальон состоит из трех стрелковых рот, пулеметной роты, минометной роты, взвода саперов, взвода связи, хозяйственного взвода и взвода 45-миллиметровых орудий – людей примерно 700–800 человек. Ни один уважающий себя командир батальона перед отрядом противника около 50 человек, вооруженных винтовками и двумя-тремя ручными пулеметами, не развернет своего батальона, а просто вызовет одного из командиров роты и прикажет с приданным взводом пулеметной роты уничтожить группу противника. Рота начинает выступление под прикрытием огня станковых пулеметов, и через 30 минут все покончено. А по описаниям Александрова отряд воевал более чем двое суток против двух батальонов противника??? Какая богатая фантазия у Александрова! Хорошо, что ты, Яков Васильевич, не принимал участия в этой книге» [7; 57].

После каждого своего выступления в печати и по радио с материалами о военных действиях в Карелии Я. Ругоев получал письма от ветеранов. От них он узнавал все новые и новые фамилии и адреса. По его просьбе ветераны писали свои воспоминания, при личных встречах делились с писателем рассказами о пережитом. На имя Я. Ругоева приходили документальные материалы о минувшей войне из соседней Финляндии. Так, Эркки Халме прислал 76 документов, в том числе 44 фотографии [15].

Мысль написать «военный» роман созрела у Я. Ругоева в 1958 году (в письме в Госиздат КАССР он высказывал намерение в 1962 году представить рукопись романа на финском языке «о днях Великой Отечественной войны в Карелии»). Одной из побудительных причин была возникшая в условиях общественной «оттепели» второй половины 1950-х годов потребность в новых идеях в осмыслении событий 1941–1945 годов. Опыт писателей фронтового поколения реализовался в повестях Ю. Бондарева «Батальоны просят огня» (1957), Г. Бакланова «Девять дней» («Южнее главного удара») (1958) и дру-

гих книгах, которые вслед за рассказом М. Шолохова «Судьба человека» (1957) показали солдата «лица выражение», раскрыли осмысленную и одухотворенную идеей правду о войне.

В то время как в многонациональной советской литературе тема Великой Отечественной войны выходила на первый план, в финноязычной прозе Карелии послевоенных лет, помимо очерков и рассказов, она нашла отражение лишь в повестях Я. Ругоева «Sotapakolaisia» («Эвакуированные», 1946), Н. Яккола «Iira» («Ира», 1947), А. Тимонена «Karjalasta Karpaateille» («От Карелии до Карпат», 1948). Поэтому решение Я. Ругоева написать на финском языке роман о Великой Отечественной войне было шагом смелым, но и продуманным. Еще 12 февраля 1943 года на страницах дневника Я. Ругоев высказал свою заветную мечту – «взяться за более серьезную работу – за трилогию – о молодом человеке нашего времени» [3; 56]. Претворять замысел в жизнь Я. Ругоев начал в 1960-е годы. Первоначально он дал повествованию название «Sanmaan asialla» («По велению Отечества»), затем изменил название на «Laista nuoruutta» («Таежная юность»). Машинописная рукопись первой части повествования (40 страниц) датирована 1964 годом и называется «Kyyrolan Vasselei» («Василий Кириллов») [19]. На первом листе рукописи Я. Ругоев поместил в качестве эпиграфа высказывание Е. Дороша из опубликованной журналом «Советский экран» (1963, № 21) статьи «Они возвращены народу»: «Оклеветать честного человека – тягчайшее из преступлений. Совершивший его виноват перед теми, кого он оклеветал и уничтожил. Но быть может, еще тяжелее вина его перед оставшимися в живых».

Не дожидаясь завершения работы над всем романом «Таежная юность»¹, Я. Ругоев начал публикацию первой его части в виде документальной повести о безвинно репрессированном герое войны Василие Кириллове. Под названием «Isanmaan asialla» («По велению Отечества») повесть с продолжением публиковалась в газете «Неувосто-Карьяла» с 22 июля по 18 сентября 1964 года и в переводе на русский язык Т. Сумманена была напечатана в журнале «Север» (1964, № 6) под заголовком «Двести пятьдесят шесть дней». В послесловии к повести, посланной в 1966 году в издательство «Современник» на предмет ее публикации, Я. Ругоев писал: «Мне удалось многое узнать от жителей Вокнаволока. Сейчас я работаю над романом, в основу которого легли эти события. Считаю своим долгом рассказать уже теперь правду о Василие Кириллове хотя бы в сжатом очерке, посвященном последнему заданию мужественного карельского разведчика. Заканчивая повествование, я хотел бы выразить пожелание, чтобы товарищи, которым доведется читать эти строки и которые знали Василия Кириллова, прислали мне свои воспоминания о нем. Они принесут большую пользу при работе над книгой» [11; 3].

Таким образом, Я. Ругоев рассматривал «Двести пятьдесят шесть дней» как материал для повести или романа. В октябре 1966 года, по сообщению и. о. председателя правления СП КАССР Н. Г. Гиппиева [22; 24], в Союзе писателей и в редакции журнала «Пуналиппу» уже находилась на чтении рукопись документальной повести «Карельская таежная юность» (250 страниц), которую автор назвал «первой книгой о разведчике В. Кириллове» (имея в виду, что за первой последуют другие). Я. Ругоев сделал попытку включить рукопись в план издательства на 1970–1971 годы, но получил отказ. Позднее, в «Материалах для автобиографии», Я. Ругоев назвал так и не опубликованную при советской власти рукопись романа «Таежная юность Карелии» в числе «нескольких крупных рукописей, написанных в 1960–70-е годы, но не “вписавшихся” в издательскую политику тех лет» [4; 77]. Долгую жизнь обрела лишь документальная повесть «Двести пятьдесят шесть дней», которая в переводе Т. Сумманена вошла в том числе и в «Избранное» (Л., 1978) Я. Ругоева.

Действие повести разворачивается в карельском селе Вокнаволоке в 1942 году. В то время село было захвачено оккупантами, в нем находился сильный вражеский гарнизон. Через эту деревню проходили коммуникации на Костомукшу, Кентозеро и Войницу. По водным путям можно было добраться до Ювалакши, Энонсуу и Алоозера. Оттуда же вела автомобильная дорога к границе, которая пролежала в тридцати километрах от деревни. В Вокнаволоке находился штаб противника, которому были подчинены расположенные в пограничных деревнях финские гарнизоны, имевшие телефонную и радиосвязь со штабом. По всем этим причинам охрана села была организована тщательно и продуманно. В летнее время на озерах находились в засаде многочисленные группы охранения. Зимой село опоясывали две контрольные лыжни, за которыми велось непрерывное наблюдение. Войти незаметно и уйти из села было очень трудно.

Отважному разведчику Василию Кириллову, посланному в сентябре 1942 года на задание в Вокнаволоку, пришлось пройти пешком сотню километров по лесам, переправиться через реки и озера, миновать минные поля, провести много ночей под открытым небом, прежде чем тайно проникнуть в родное село. Разведчика укрыла у себя Агафья Филипповна Мякеля. Ночью Василий спал в избе, а днем находился в погребе, где была установлена рация. Агафья Филипповна, по просьбе разведчика, внимательно следила за действиями финского гарнизона и передавала сведения Василию. Тот сообщал по рации, в каких домах в Вокнаволоке размещены войска, где расположен штаб противника, какова система обороны вокруг села. Через Агафью Филипповну разведчик подыскивал новых людей, которые могли бы добыть ему нужные сведения. Надежными помощниками разведчика стали комсо-

молки Ольга Лесонен и Анна Маликина, которые работали судомойками в столовой вражеского штаба. Летом 1943 года враги напали на их следы. Ольга Лесонен и Анна Маликина были брошены в концлагерь. На родину они вернулись только после заключения перемирия. Василию Кириллову удалось выйти из вражеского тыла благополучно, но впоследствии его судьба сложилась трагично. Он был незаслуженно обвинен в измене и умер в местах заключения. Позднее дело В. Кириллова было пересмотрено, и его доброе имя восстановлено. Весной 1965 года, уже после публикации документальной повести Я. Ругоева, А. Мякеля, А. Маликина и О. Лесонен были награждены грамотами Президиума Верховного Совета КАССР, а в республиканской газете «Ленинская правда» (1965, 30 марта) появилась безымянная заметка «Патриоты из Вокнаволока».

О подвиге В. Кириллова и его земляков было хорошо известно другому карельскому писателю Орты Степанову. 5 декабря 1960 года он направил письмо секретарю обкома КПСС И. И. Сенькину, где сообщал, что арестованный органами госбезопасности 14 октября 1943 года и осужденный 12 февраля 1944 года В. Кириллов посмертно реабилитирован 24 октября 1960 года военным трибуналом Ленинградского военного округа. О. Степанов просил оказать содействие в ознакомлении с архивными документами и выражал желание «написать книгу о Кириллове В. А. как о верном сыне советского народа». Через некоторое время О. Степанова вызвал к себе секретарь Калевальского райкома партии Д. С. Александров и сообщил: «Из обкома партии позвонили и велели Вам передать: “Лучше будет, если Степанов займется одним живым, чем сотней мертвых”». «Это было убийством моих замыслов», – писал в дневнике О. Степанов [1].

Получить доступ к личному делу В. Кириллова удалось лишь Я. Ругоеву – так появилась документальная повесть «256 päivää» («Двести пятьдесят шесть дней»). Вместо вступления к ней Я. Ругоев публикует текст наградного листа от 13 апреля 1942 года, где В. Кириллов представлялся к правительственной награде – ордену Красного Знамени – и кратко излагались боевые заслуги партизана, который за 87-дневное пребывание в тылу врага прошел свыше 1200 километров, выполняя ответственные поручения командования. Публикацией документа Я. Ругоев задавал тон повествованию, обещая донести правду о человеке на войне во всей сложности и противоречивости, тем более что он лично знал героя повествования и сам имел за плечами богатый опыт партизанских походов в тыл врага. «Каким бы изощренным ни было наше писательское воображение и его способность домысливать, – писал В. Быков, – в основе реалистического творчества всегда будет опыт, жизнь, знаменательные события эпохи, а еще лучше – участниками которых мы являлись» [22].

В развернувшейся на страницах печати полемике о разных достоинствах героев романтического и реалистического склада (молодогвардейцев А. Фадеева и пехотинцев А. Бека) писатель-фронтовик Я. Ругоев занимал сторону тех, кто был творчески готов к раскрытию драматизма «окопной» жизни. Мимо его внимания не прошли «партизанские» главы опубликованного в 1963 году романа Д. Гусарова «Цена человеку». В них повествовалось о том, как семнадцатилетний минер партизанского отряда Виктор Курганов (мечтавший о войне как череде подвигов) учится выдерживать тяготы дальнего похода с трехпудовым мешком за плечами, с опухшим от комариных укусов лицом, с натертыми до крови ногами, обретая понимание, что война – это изнурительный, тяжелый ратный труд. Я. Ругоев разделял позицию Д. Гусарова о необходимости уважительного отношения художника к фактам, документам истории войны и отторгал произведения, где пренебрежение реализмом вызывало недоверие читателя.

Герой повести Я. Ругоева Василий Кириллов формируется из автобиографических моментов так же, как герой романа Д. Гусарова Виктор Курганов вырастает из автобиографии писателя, чья юность совпала с началом войны и прошла в партизанском отряде. Оба автора исходят из собственного опыта, оперируют знаниями определенной общественной среды.

Именно крестьяне были в центре внимания Я. Ругоева на протяжении всей его писательской деятельности, поскольку на примере крестьянина нагляднее всего можно было показать процессы, происходящие во всем обществе. Культура и сознание Я. Ругоева, как и его земляка и ровесника В. Кириллова, формировались в замкнутом мире деревни, но постепенно оба они приобщались к национальной истории и культуре. Как показывают дневники Я. Ругоева, это был процесс духовного созревания человека, переход от почти детского восприятия мира к сознательному и критическому отношению к нему, к умению выбрать определенную позицию в жизни, найти в ней свое место, разделить трагедию своего народа, активно участвовать в историческом процессе. Для вступившего в пору писательской зрелости Я. Ругоева важно было показать в повести становление национального самосознания крестьянских масс, приобщение к культуре и новой жизни. И в этом отношении фигура выходца из крестьянской семьи В. Кириллова, получившего при советской власти образование, ставшего учителем, а с июля 1941 года – бойцом Красной армии, идеально подходила для раскрытия через образ героя центральной проблемы общественной жизни – формирование новой человеческой личности.

Но в этом случае главной чертой индивидуальности героя должно быть драматическое формирование своей судьбы в потоке межчеловеческих отношений. Таков был первоначальный замысел романа «Таежная юность Каре-

ли», так и не увидевшего свет. Что же касается повести «Двести пятьдесят шесть дней», то в ней, выдвигая на первый план образ Кириллова, автор равномерно распределяет внимание между остальными героями и их судьбами. Создавая их, писатель избегает подробных описаний и выразительными драматическими эпизодами отмечает главные звенья происходящего.

«Повесть, как и все произведения Я. Ругоева, немногословна, сдержанна по тону повествования, – отмечала в своем отзыве редактор издательства “Современник” Т. Мирзоян. – История разведчика описывается не как цепь увлекательных приключений, а как будничная, требующая огромной силы воли, смекалки, напряжения, работа. Также естественно и просто говорится о крестьянке Окафии, учительнице Ольге, Анни, о двух подростках – о тех людях, которые, рискуя жизнью, помогали советскому разведчику в борьбе с фашистскими оккупантами» [12; 4].

Василий Кириллов предстает перед читателем живым человеком, личностью с вполне конкретными чертами характера. В свои 22 года он обладает большим жизненным опытом, стойкостью духа, упорством в достижении цели, готовностью отдать жизнь ради победы над фашизмом. Рисуемый художником образ Василия отличается документальной скупостью, но сквозь эту скупость вырисовывается лицо человека в подлинном смысле этого слова. Принимая на себя ответственность за успех операции, Василий отдает себе отчет во всех опасностях, осознает предстоящие трудности борьбы. Таким опытным бойцом, готовым к любой неожиданности, Василий предстает на первых страницах повести, рисующих его продвижение по занятой врагом территории к родной деревне. В переживаниях разведчика присутствует опыт личности создателя этого образа, авторское «я». Я. Ругоев отлично помнит, как сложно было в партизанских рейдах переплывать реки и озера, выбирать ночью верную дорогу к цели, и эти ощущения передает герою, своему ровеснику, в комментариях, где мысли Кириллова сливаются с воспоминаниями автора: «Осенней ночью по лесу идешь – будто глаза завязаны»; «Страшно хочется спать»; «Одна мысль – только бы не заснуть» [32; 431]². После описания проникновения разведчика в захваченную врагом деревню главную нить повести становится восстановление истины по рассказам знавших его людей, сохранившимися документам, заметкам и еще по тому, что осталось в памяти самого автора, бывавшего до войны в Вокнаволоке и дружившего со многими его жителями.

Тематическое поле, связанное с почти девятидесятилетней подпольной работой разведчика В. Кириллова, открыло перед Я. Ругоевым новые возможности в изображении локализованных во времени и пространстве реалий, различных ситуаций опасности, страха, солидарности, ответственности. Будучи ситуациями пограничными, они позволяли всесторонне доказать

мысль, что война и оккупация стали ключевым опытом для карельского народа, что вопреки тягчайшим испытаниям в народе не была утрачена цельность нравственной сферы.

В силу условий боевого задания вынужденный прятаться в подполье деревенской избы, Василий оказывается притягательным центром общения самой активной части крестьянского сообщества – тех людей, которые готовы к активным действиям против захватчиков. Колхозница Окафия не только укрывает разведчика, но и вместе с Марией Ротонен и семьей Липкиных собирает необходимые сведения. Подростки Алекси Кириллов и Алекси Липкин помогают Василию раздобыть батареи для ракеты, организуют тайный склад оружия, крадут карту из штаба роты противника. Комсомолки Ольга Лесонен и Анни Маликина сообщают Василию даты отправления в советский тыл разведывательно-диверсионных групп, с риском для жизни достают схему заминированных берегов рек и озер, снабжают продуктами русских военнопленных. Конфликтный узел повести завязан на противостоянии сил оккупантов и народного сопротивления. В смене ситуаций глаз художника внимателен к вещественной, предметной стороне событий, к фактическим подробностям подпольной работы. Так, в эпизоде появления возле избы трех финских солдат прозаик удается сжато раскрыть постоянное ощущение опасности в душе разведчика («Василий бросился в укрытие, приготовил связку гранат. Неужели засекли? Тогда конец всем – связка гранат разнесет пол-избы»). Прозаик пробует своих героев на оселке исторического выбора, в сложном переплетении обстоятельств. Он неторопливо, с большим количеством обыденных подробностей рассказывает о том, как в сознании жителей Вокнаволока зарождается мысль о необходимости сопротивления, желание помочь Василию Кириллову. Это свойственное Я. Ругоеву умение показать сам процесс пробуждения, рождения, формирования героических качеств придает повести «Двести пятьдесят шесть дней» определенную романтическую возвышенность, идущую от абсолютной чистоты помыслов и чувств положительных героев, выдерживающих все испытания.

«Мне нравится прежде всего объективность изложения Вами в своих произведениях жизни Карелии, – писал Я. Ругоеву один из его читателей Суло Кириллов. – Нравятся герои, думающие не о своем личном благе и о карьере, а об интересах дела, которому служат, о честности и справедливости. Тема войны Вас волнует до сих пор. Она близка Вам как участнику войны и хорошо изображена в Ваших рассказах. У нынешнего молодого поколения и у будущих поколений представление о Карелии 1920–30-х годов, о Карелии военных и первых послевоенных лет будет складываться под впечатлением от Ваших стихов, повестей и рассказов. Я обращаюсь к Вам не только как один из рядовых Ваших читателей, но и как представитель рода Кирилловых, того самого карельского рода, представителем

которого был герой Вашей повести “Двести пятьдесят шесть дней” Василий Агеевич Кириллов. И я выражаю Вам от имени всех оставшихся в живых представителей нашего рода искреннюю благодарность за то, что Вы восстановили доброе имя моего дяди Василия. Вы не забыли его ни в 1944 году, ни в последующем» [16; 1].

Документальная повесть «Двести пятьдесят шесть дней», задуманная как подготовка к роману, оказалась не «предлитературой», а просто «другой» литературой с собственными методами передачи правды, связанными с переживаниями военного поколения в соотношении с нравственными позициями человека послевоенной эпохи.

«Литература любого народа должна отражать исторический опыт этого народа, – писал Я. Ругоев критику В. Шошину. – Исторический опыт карелов, финнов, вепсов во многом отличается от опыта народов Коми, Мари, Удмуртии, Мордовии: это и расположение их мест обитания, и характер исторических событий и потрясений, перекачывавшихся через их земли. И природа. И вследствие всего этого – и национальные черты, привычки, характер, традиции. Этим я не хочу отрицать наших общих судеб и вытекающих из них обстоятельств. Но считаю, что при сопоставлении этих литератур нельзя не учесть вышесказанное. Взять хотя бы годы Великой Отечественной войны. Приволжские республики были в глубине страны. А Карелия сразу подверглась удару вражеских войск (так было всегда). Отсюда и свои особенности в судьбах людей, свои причины и разновидности то ли ухода людей из родных краев, то ли их возвращения на отцовские земли. И это отражается так или иначе в литературе. Я как уроженец Карелии не могу не думать об этом. Ведь значительная часть деревень Карелии сторела дотла в годы войны, людям пришлось начинать жизнь снова на голом месте (и тоже не в первый раз). А это опять же порождает свои последствия и проблемы. Карелы удивительно стойко сохранили свои народные традиции в самые суровые годы своих испытаний» [17; 5–11].

Все созданное Я. Ругоевым в прозе о Великой Отечественной войне исключительно прочными узами связано с историческими судьбами карельской нации. Подлинный патриотизм писателя определялся историей родной ему Карелии, историей борьбы за социальные преобразования, против угнетения и общественной несправедливости, за свободу. В 1941 году молодой поэт стал солдатом, поскольку ратный подвиг для него был важнее слова. Когда после войны Я. Ругоев посвятил свою жизнь литературе, для него по-прежнему не было ничего более важного и близкого, чем родина; идеалом писателя оставался человек смелый, гордый, духовно выпрямленный, обладающий чувством достоинства, благородством стремлений. Таких людей он повстречал в партизанском отряде – и спустя четверть века опубликовал художественно-документальный очерк «Двенадца-

тый поход». Это опубликованное журналом «Север» (1965, № 5, перевел на русский Т. Сумманен) произведение имело подзаголовок «Страницы из партизанского дневника», и в конце стояла дата – 1942 год.

Речь в очерке шла о походе отряда «Красный партизан» в июне 1942 года, когда у реки Юрикка Я. Ругоев был ранен. Позднее за храбрость в бою Я. Ругоев был награжден орденом Красной Звезды, а 15 сентября 1942 года написал рассказ «Слабость врача Л. и упорство партизана Н.». В том походе Я. Ругоев не вел записей в силу сложной военной обстановки. Когда же его ранили в руку, тут уж тем более было не до дневника. Поэтому подзаголовок очерка «Страницы из партизанского дневника» следует рассматривать как обычный прием, присущий мемуарной литературе.

Нет сомнений, что текст «Двенадцатого похода» был создан не в 1942 году, а двумя десятилетиями позже. Но это не умаляет достоинств художественно-документального очерка, поскольку при известных обстоятельствах для читательского восприятия «впечатление документальности важнее ее подлинности» [25; 245]. Ведь читатель готов воспринять и в документальном произведении элементы вымысла, если они помогают исследовать действительные, имевшие место, жизненные связи, создать яркие характеры. К. Симонов отмечал, что для него как военного писателя в воспоминаниях бывалых людей главную ценность представляет истинность чувств и поступков. Мемуары, «в которых человек говорит о том, что он сам видел, и о том деле, которое он сам делал» [36; 107], подкрепляли писателя, когда он работал над книгами «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето», «они давали ощущение правильности избранного пути».

Это ощущение «истинности чувств и поступков» было свойственно изданной в Вологде книге партизана Н. Выжлова «Сквозь огонь войны» (1964, литературная запись А. Романова и Б. Ромодина), воспоминаниям Г. Герасимова «Партизанские километры» (Петрозаводск, 1965, литературная редакция П. Борискова). К своим фронтовым блокнотам, продиктованным в марте – апреле 1942 года стенографисткам «Красной звезды», вернулся К. Симонов и опубликовал в журнале «Дружба народов» в 1970-е годы дневники «Разные дни войны». В них он включил, помимо записей из военного дневника, страницы из последующей переписки с солдатами и офицерами, дополнения, основанные на знакомстве с архивными документами. К. Симонов назвал многие имена погибших и пропавших без вести, потому что «люди, которые умерли, не дожив и не долюбив, так и не успев сделать многого из того, что они хотели и могли сделать в жизни, с особенной остротой остаются в человеческой памяти» [35; 6].

Документальное начало прозы о войне призвано дать читателю ощущение своего рода

«момента истины» о людях, прошедших жестокое испытание войной. Ради «момента истины» Я. Ругоев стал собирать архивные документы и свидетельства оставшихся в живых участников двенадцатого похода. В личном фонде Я. Ругоева в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК) хранится дело под названием «Рапорты, докладные записки, справки о деятельности отряда “Красный партизан” за 1941–1942 гг.», в котором имеются машинописные копии 37 документов на 148 страницах [6], в том числе «Боевой рапорт о действиях партизанского отряда “Красный партизан” по выполнению приказа НКВД за время с 9 июня по 4 июля 1942 года». Другим источником информации для писателя служили рассказы ветеранов «Красного партизана», с которыми Я. Ругоев неоднократно встречался на ежегодных сборах в районном центре Калевала. Позднее возникла типичная для писателя-документалиста и обозначенная С. С. Смирновым «необходимость как бы “просеять” все свидетельства – сличить их между собой, постараться объяснить встречающиеся противоречия, определить, что в этих показаниях неоспоримо и истинно, что вызывает сомнения, что только вероятно, возможно и нуждается в дальнейшей проверке и что представляется тебе невероятным и возникло как результат ошибки памяти или какого-то недоразумения» [37]. Когда картина партизанского похода стала ясной в деталях, Я. Ругоев смог осмыслить и оценить материал, найти художественный образ этого события.

Я. Ругоев строит свое произведение на основе хронологически последовательного рассказа. Действие очерка заключено в границы между 8 июня и 1 июля 1942 года, и каждому дню партизанского похода отведено несколько страниц, а иногда – строк. Повествование ведется от первого лица – человеком, который до мельчайших деталей знает тему. Отсюда – концентрация деталей, эпизодов, ощущений, разговоров, судеб, которые остались в неостывшей памяти автора. Я. Ругоев сам ходил в атаку, слышал свист пуль, хоронил боевых друзей. Все, о чем рассказано в очерке, автор сам видел, чувствовал, знал – все тяготы партизанского похода вынес на своих плечах. Спустя два десятилетия после окончания войны писатель уже с высоты времени оглядывается на свою партизанскую молодость и изборажает будни партизанского похода такими, какими они были, с предельной достоверностью деталей времени.

В партизанскую жизнь входит многое: от малых деталей (в походе иной становится цена рыболовного крючка, от которого порой зависит жизнь партизана) до главных человеческих проблем: жизни и смерти, правды и лжи, чести и трусости. Когда в бою у реки Юрикка вражеская пуля настигла автора очерка, к нему бросился на помощь командир отделения Иван Никулин, перетащил в безопасное место и затем, сам будучи

раненым, помог Яакко не отстать от отряда. На обратном пути партизаны несут пятерых тяжело раненных бойцов («порой, преодолевая бурелом, выбившиеся из сил ребята падают вместе с носилками» [30; 211]³) и, действуя на пределе сил, не оставляют попавших в беду товарищей. В этом проявляется высокая человечность бойцов, вчерашних калевальских крестьян и лесорубов, которые сохранили в душе добро, любовь к близким, верность идеалам солдатского товарищества.

Несмотря на локальность действия, сжатость формы, Я. Ругоеву удается передать характер героев очерка, преодолевающих самих себя во имя любви к Родине. Он изображает партизанскую войну такой, какой она была, – с нежностью и гордостью за своих земляков, чья духовная ценность столь зримо проявилась в Отечественную войну. Перед читателями, как живые, предстают командир отряда, смелый, строгий и справедливый Фаддей Журих («Он бережет людей, их силы, их хорошее настроение»); командир третьего взвода приземистый, широкоплечий Иван Кондратьев («В трудную минуту жалоб от него не услышишь – вернет слово покрепче, и этим все сказано. В бою спокоен и хладнокровен»); бывший директор Ухтинской средней школы Конста Ханнолайнен, мечтающий после войны, если суждено будет остаться в живых, устроить со своими учениками поход по партизанским тропам («Пусть по очереди потаскают вот такой “сидор” – узнают хоть малую частицу того, что пришлось испытать нам во имя их будущего»).

Являясь своего рода летописью партизанского похода, очерк детально регистрирует факты и события, вплоть до упоминания развалившихся от сырости американских солдатских ботинок, которыми снабдили партизан за неимением на складе другой обуви. Избранный писателем способ изображения, предоставление слова самой истории войны, порой приводит к хроникальности.

Очерк «Двенадцатый поход», созданный Я. Ругоевым на материале не только пережитого лично, но и обнаруженного в местных архивах и в беседах с очевидцами, сыграл значимую роль в осмыслении событий партизанской войны в Карелии 1941–1945 годов, в уточнении действующих лиц этих событий, в выяснении реального соотношения сил противников, освещении с точки зрения сегодняшнего знания действительности военных лет.

Спустя четверть века очерк «Двенадцатый поход» вошел в изданный на финском языке сборник «Korpisotaa vienä selkosissa» («Таежная война») (Петрозаводск, 1991), куда также был включен художественный роман финского писателя Э. Пиетолы «Таежная война». Оба автора, Яакко Ругоев и Эйно Пиетола, – ветераны войны, один из Финляндии, другой из России. Оба их произведения рассказывают о войне в одних и тех же местах (Латваярви, Вуоккиниеми, Ухта, Костомукша), но с разных позиций.

С одной стороны действует особый отряд егерского батальона финской армии, с другой – отряд «Красный партизан». Я. Ругоев прошел таежными тропами от деревни Гайколы до Костомукши по территории, оккупированной финскими войсками. А другой автор этой же книги, Эйно Пиетола, в составе егерского батальона принимал участие в преследовании отряда «Красный партизан» с целью его уничтожения. Оба автора получили серьезные ранения в этих боях. «Прошли годы, бывшие противники встретились, дружились и опубликовали свои произведения одной книгой», – размышлял о превратностях судьбы А. Пеки [27]. Другой рецензент книги, кандидат филологических наук А. Мишин, обращал внимание на разницу в понимании смысла военных действий у воюющих сторон: если финские егеря вели военные действия на чужой территории и не имели патриотической мотивации, то карельские партизаны готовы были отдать жизнь ради освобождения родной земли, родного дома, занятого врагом. А. Мишин приводил в собственном переводе размышления героя очерка о необходимости преемственности подвига, чтобы прекрасное чувство патриотизма, любовь к Родине, присущие солдатам Отечественной войны, были восприняты новым поколением, чтобы они помнили названия рек, озер, деревень, помнили и любили землю предков. «А вдруг здешняя жизнь, жизнь карела, будет сметена войной. Те, кто придет сюда потом, признают ли они хотя бы эти, сотни лет назад данные здешним местам имена? – спрашивает Ругоев, заглядывая в наше время» [26].

Опубликованные Я. Ругоевым произведения о Великой Отечественной войне продолжали начатое им в «Сказании о карелах» воссоздание истории борьбы карельского народа за новую жизнь. Подчеркивание в героях национальной самобытности, правдивый показ народных нравов и обычаев, широкое использование средств карельского языка, почерпнутых из устно-поэтического творчества, эпическая манера повествования с позиций рассказчика-очевидца – все это вместе взятое характеризовало национальные особенности прозы Я. Ругоева. Рисуя достоверные картины народного сопротивления, его военная проза давала художественное и документально точное представление о национальном характере, быте и нравах карельского народа, выдержавшего тяжкие испытания Великой Отечественной войны.

Именно этими достоинствами привлекли составителей сборника «Карелия. Годы. Люди» (Петрозаводск, 1967) очерки Я. Ругоева «Девушка из легенды» (об учительнице-комсомолке Айно Пелконен, расстрелянной белофиннами), «Руны лучшие запели» (о сказительнице Марии Михеевой, во время войны трудившейся на лесозаводе в Архангельской области), «Полк майора Валли» (о мужестве составленного из уроженцев Карелии боевого подразделения). Вместе

с другими авторами книги Я. Ругоев в 1967 году был удостоен звания лауреата журналистской премии Карелии имени К. Еремеева.

Соотношение судьбы человека с жизнью и борьбой карельского народа становится важным композиционным и сюжетообразующим началом еще одной документальной повести Я. Ругоева «Pekka ja Anja», опубликованной вначале на финском языке журналом «Punalippu» (1975, № 5), а спустя два года в переводе Н. Ругоевой появившейся на страницах газеты «Комсомолец». Главный герой произведения – солдат Пекка Ремшуев, но в его судьбе и в его подвиге, как солнце в капле воды, отражается подвиг народа, выстоявшего, несломленного, победившего. Действие повести начинается в июне 1941 года с картины движения через Ухту на фронт батальона, в котором служил Пекка, и заканчивается 9 сентября 1943 года, когда разведчик Ремшуев, будучи на задании в тылу у финнов, остался прикрывать отход взвода и, окруженный карателями, подорвал себя последней гранатой.

Основное внимание Я. Ругоева направлено на изображение непосредственного поведения героя в конкретных обстоятельствах войны. Причем каждый новый шаг, поступок героя помогает увидеть его в новом свете, понять движение человека из народа по ступеням нравственного обогащения. Более осязаемому, наглядному живописанию героя и тем самым более мотивированному раскрытию его побуждений и поступков способствует композиция повести: ряд глав написаны от лица сестры разведчика Керту и его жены Аньи. В личном фонде писателя в НА РК сохранились документы о продолжавшейся 36 лет (с 1950 по 1986 год) переписке Я. Ругоева с вдовой разведчика Анной Емельяновной Мяки-Ремшуевой; о той дружеской помощи, которую писатель оказывал ставшей на войне инвалидом женщине; о том, как он поощрял ее желание написать воспоминания о Пекке Ремшуеве. В этих включенных в повесть воспоминаниях правдивость и нравственность взаимообусловлены и неразделимы. Они помогают увидеть масштабы трагедии нашествия захватчиков на карельскую землю и творимого народом героизма: «То лето было тревожным. Что ни день, с фронта в кемские госпитали везли раненых. Я все время думала о Пекке. Потом заболела, и меня увезли в кемскую больницу. Там родился наш сын Володя. Дни не проходили без воздушной тревоги. Осенью мы в больнице заразились брюшным тифом. Я долго была без сознания и о смерти сына узнала лишь после того, как пришла в себя. Ему был год и два месяца. Мне казалось, что жизнь кончена. Кроме того, у меня отнялись ноги. Я лежала, уставившись в потолок, не видя и не слыша ничего. Но вдруг появился какой-то проблеск мысли. Я спросила: “Какое сегодня число?” – “Второе декабря”. Я вспомнила, что, когда заболела, в Сталинграде шли уличные бои. “Скажите, как там дела?” – “Враг отступает”. Мне стало легче» [31]⁴.

Я. Ругоеву удается раскрыть взаимосвязи Пекки Ремшуева с родными и близкими, с фронтовыми друзьями, с земляками, которым он запомнился по совместной работе в лесной промышленности. Для писателя Пекка Ремшуев – олицетворение лучших качеств карельского народа. В разведывае он умеет быстрее всех разжечь костер, соорудить шалаш из еловых веток, сделать берестяную чашу, построить плот, поставить ловушку для рыбы и наладить переправу через реку подручными средствами. Как истинный карел он готов в походе прийти на помощь, но если видит лень бойца (однажды один из его товарищей посетовал на тяжелую ношу и предложил оставить плащ-палатки и часть патронов), то готов, перефразируя карельскую поговорку, сказать не без иронии: «Что это ты за птица, для которой перья в тяжесть?» Выросший в карельской семье, где «молчание – золото», Пекка не любит вступать в споры, да и вообще сам редко начинает разговоры, а предпочитает слушать, что говорят другие, и только потом высказывает свое мнение, тщательно продуманное и чаще всего дельное. В минуты отдыха Пекка любил петь карельские народные песни, вкладывая в них свою душу. «Мелодия его песни удивительно тонко сочеталась с карельской природой, со всем обликом Пекки. Спокойные, глубокие и чистые. Но в них была и сила, и вера», – пишет автор. Будучи военным корреспондентом, Я. Ругоев неоднократно выезжал на тот участок фронта, где воевал Пекка Ремшуев и где после его гибели воевали его друзья. Уже тогда он мог убедиться, что Пекка Ремшуев не забыт, что он живет в сердцах своих товарищей. В хранящемся в НА РК дневнике Я. Ругоева есть запись от 3 ноября 1943 года: «Достал материал о Петре Ремшуеве, героически погибшем на фронте. Буду писать о нем стихотворение». В судьбе и поступках крепкого телом и духом героя Я. Ругоев видел типичные черты карела – миролюбивого труженика, чуждого чувства национальной исключительности, способного без раздумий и колебаний подняться на смертельную борьбу с чужеземными захватчиками.

Я. Ругоев создает в повести характер человека, душевно благородного, с активной жизненной позицией, истинного патриота карельской земли. Автор строит повесть так, что приводимые в тексте примеры и факты отражают существенное в характере героя, действующего в разведке в полную меру своих возможностей. Так, например, Пекка не может оставить в беде зацепившегося при переходе фронта за проволоку заграждение сапера и под огнем бросается на выручку. Распластавшись чуть ли не вровень с землей, как он умел во взводе один, он достигает цели, отцепляет раненого сапера и вместе с ним возвращается к своим.

Наделенный лучшими чертами своего народа, карел Ремшуев и в родном лесу чувствует себя спокойно и уверенно. Лес для него – олице-

творение твердыни духа и силы, защитник вступивших в схватку с оккупантами бойцов. Когда взвод выходит в тыл врага, Пекка обычно идет впереди, в головном дозоре, «с потухшей трубкой, с зорко глядящими глазами и с “ушками на макушке”, как он обычно говаривал». Реальная основа повести была глубоко изучена Я. Ругоевым, что укрепило ее достоверность.

Герой повести привлекает высотой своих нравственных критериев не только в исключительной обстановке боя, но и в отношениях с любимой женщиной. В заглавие повести вместе с именем героя вынесено имя его жены – обоих объединяет истинная человечность, выраженная в самой интимной сфере, в любви. Вопреки утверждению, что война огрубляет интимные отношения людей, Я. Ругоев на примере взаимной любви Пекки и Аньи показывает, что и в жестоких обстоятельствах войны герои его повести сохранили глубину и чистоту своего чувства.

«По сей день в десятках и сотнях калевальских семей скорбят по лучшим парням нашего края, по отцам, сыновьям и братьям, которым суждено было навеки остаться в лесных дебрях, болотах и на каменистых грядках между озерами», – писал Я. Ругоев, объясняя писательскую потребность памятью сердца обратиться к прошлому, рассказать о пережитом, разобраться в уроках войны, поведать о трагических следах душевных ран, воздать должное неисчерпаемой силе духа таких героев войны, как Пекка Ремшуев.

Память о войне постоянно жила в душе Я. Ругоева. В партизанском отряде он сумел проявить себя, закалить характер, обогатиться социальным, гражданским опытом. Военная молодость стала решающей порой становления характера, выработки мировоззрения, критериев нравственности и принципов творческого поведения. Он считал своим долгом познакомить читателя с подвигом фронтового поколения, готового защищать Отечество до последней капли крови. Последней по времени «военной» публикацией стало документальное повествование «*Majuri Vallin Rykmentti*» («Полк майора Валли»). Первый вариант книги Я. Ругоев опубликовал в журнале «*Punalipru*» (1984, № 9, 10, 12; 1985, № 1). Отдельное издание книги на финском языке увидело свет в 1986 году. В следующем году журнал «Север» напечатал сокращенный перевод произведения. Через два года тиражом 15 тыс. экземпляров повествование о героическом пути полка под командованием майора Валли вышло в свет на русском языке отдельной книгой (в переводе С. Панкратова).

Путь от замысла произведения до его воплощения занял более четырех десятилетий. «Наш отряд “Красный партизан” действовал на севере Карелии, – вспоминал Я. Ругоев, выступая по карельскому радио 9 мая 1975 года. – Но и туда, еще летом и осенью 1941 года, проникали слухи о легендарных подвигах полка майора Валли. А в 1943 году, когда я уже работал военным корреспондентом и побывал на многих уча-

стках Карельского фронта, мне приходилось то и дело слышать новые подробности о боевых делах солдат и офицеров этого полка. Но встретиться с ними в годы войны мне не удалось – полк был переброшен на другой фронт. После многолетних поисков мне удалось узнать, что бывший командир полка Вальтер Иванович Валли проживает в Пятигорске. В марте 1964 года состоялась первая встреча. Через год я съездил к нему еще раз. Проведенные в Пятигорске три недели дали мне очень много – я изрядно намучил Вальтера Ивановича и его супругу Ольгу Алексеевну, заставляя их рассказывать в мельчайших подробностях о прожитых боевых днях. От Валли были получены адреса бывшего штаба полка Лаврентьева Д. С., командира батареи минометов Островского В. А., начхима полка Кудрявцева Г. П., проживающих ныне в Ленинграде. После встречи эти товарищи по моей просьбе написали свои воспоминания. Выступив по карельскому радио и опубликовав в газете “Неувосто-Карьяла” два больших очерка о 126-м стрелковом полке, я стал получать письма от бывших бойцов и офицеров полка. От них я узнавал все новые и новые фамилии и адреса. К настоящему времени я имею переписку с уже тридцатью ветеранами полка. И так по цепочке выявлялись все новые и новые подробности. Так, случайно, я обнаружил Кононова, Салмию, Ремшу из Вокнаволока, Хаккарайнена из Сортавалы, Якушева из Петрозаводска и других. Документов сохранилось мало. Устные рассказы непосредственных участников об одних и тех же событиях подчас резко расходятся. Это и понятно, в памяти всего не удержишь. А моя задача – добиться истины. Поэтому предстоят еще поиски, многие встречи и размышления» [2; 20–22].

126-й стрелковый полк 71-й дивизии, о котором решил написать книгу Я. Ругоев, в большинстве своем состоял из карел, ингерманландцев и финнов, уроженцев Карелии и Ленинградской области. В оборонительных боях в Карелии летом 1941 года полк в течение длительного времени удерживал занимаемые рубежи, оказывал упорное сопротивление крупным силам Карельской армии финнов. Лишь после того как вражеское командование ввело в бой свежие силы, 126-й полк начал вынужденный отход. Высокую стойкость и мужество проявил личный состав полка при обороне города Медвежьегорска. Полку было вручено Красное знамя Верховного Совета Карело-Финской ССР [23; 609].

Командовал полком Вальтер Валли, человек с необычной для офицера Красной армии биографией. Он родился в 1900 году в Финляндии, рано начал трудиться на лесозаготовках и сплаве; в семнадцать лет вступил добровольцем в финскую Красную гвардию и стал членом Социал-демократической партии Финляндии; попал в плен к белым и был осужден на три года тюрьмы; после освобождения перешел границу и начал новую жизнь в советской России. Здесь он (после учебы

в интернациональной военно-пехотной школе в Петрограде) проявил себя как дисциплинированный, знающий ратное дело человек и в июне 1940 года был назначен начальником штаба 126-го стрелкового полка, которым тогда командовал Иван Михайлович Петров (Тойво Вяхя).

Переписка Я. Ругоева с участником легендарного отряда Тойво Антикайнена и чекистской операции «Трест» И. М. Петровым (Тойво Вяхя) продолжалась полтора десятилетия, а началась в 1960-е годы, когда И. М. Петров жил на пенсии далеко от Карелии и не мечтал о писательской карьере. В личном фонде Я. Ругоева в НА РК хранятся письма И. М. Петрова [8], направленные Я. Ругоеву в период между 4 июля 1966 года и 11 октября 1981 года (всего 29 документов), которые дают представление, с какой благожелательной настойчивостью Я. Ругоев втягивал фронтовиков в сферу писательских интересов, буквально заставляя их вернуться к воспоминаниям о войне.

«Уважаемый Яков Васильевич! – писал И. М. Петров 4 июля 1966 года. – Непростительно легкомысленно обещал Вам мои записки по 126-му стрелковому полку. К сожалению, ничего у меня не получилось, не получится, и в этом вы убедитесь после ознакомления с моими набросками. Прошу передать привет и самые лучшие пожелания ветеранам 126-го с. п. при встречах с ними!» [8; 1].

К письму были приложены две машинописные страницы под заголовком «В славном полку великой армии». Такая конспективность изложения не устроила Я. Ругоева, и он продолжал убеждать И. М. Петрова в необходимости вспомнить прошлое, продолжить работу над мемуарами. Настойчивость Я. Ругоева принесла свои плоды – И. М. Петров вновь сел за письменный стол, о чем сообщал в письме от 5 января 1967 года: «Я целиком во власти нового увлечения, столь сильного, что оно меня непреодолимо толкает в одном новом направлении. Может быть, смешно это – не по Ваньке шапка, но делать ничего не могу, засосало! Я начал с философских позиций изучение прошлых дел. Понимаю, что ноша нелегкая, ну что же – не доделано, не больше! Но я хочу понять мое время, это теперь моя и цель, и увлечение. Работаю я уже два месяца, работаю, как каторжник, по 5–8 часов в день, но я только в самом начале пути. Правда, есть уже и стоящие внимания наблюдения, даже чрезвычайно любопытные факты, но еще сырые. Читаю много, пишу много и еще больше рву» [8; 7].

Заинтересованный в писательской судьбе И. М. Петрова, Я. Ругоев сделал все возможное, чтобы ветеран переехал из Светлогорска Калининградской области в столицу Карелии, получил здесь квартиру и полностью углубился в работу над мемуарами. Чувством благодарности за поддержку в переломный для судьбы момент исполнено письмо И. М. Петрова Я. Ругоеву от 2 июля 1969 года:

«Дорогой Яков Васильевич!

Вы глубоко и искренне любите свой народ. Потому я так искренне люблю вас. Я вовсе не хочу сказать, что наши взгляды во всем совпадают, напротив! Полное единодушие, согласие во всем бывает только в могиле. Пишу я вам это письмо не для утверждения сказанной, известной давно истины.

Дорогой мой Яков Васильевич! Я в тупике. Давно уже, а особенно когда взялся за эти мои “Записки”. Помните ли Вы мои слова в гостинице “Северная” пару лет назад? Знаю, что они не понравились вам, или показались криком души. Я вам тогда кое-что показывал. Правда, потом уничтожил. Понял нелепость больших обобщений малыми силами. От самих мыслей отказаться не мог. Мои они, и для меня в них нет неправды. Работа над “Записками” с особой силой обязывает меня понять мое время и мой мир. И чем больше ищу понимания, тем явственнее вижу тупик и совсем не вижу для себя выхода из него. Простите, что отрываю вас от дел. Это письмо действительно крик души в смятении» [8; 21].

И вновь Я. Ругоев смог убедить ветерана в огромной значимости его писательской работы, в необходимости продолжить успешно начатую рукопись мемуаров, чтобы не были забыты герои в солдатских шинелях. В итоге воспоминания И. М. Петрова «Красные финны» были опубликованы в Петрозаводске в 1970 году, а за ними последовали мемуарные книги «В переломные годы» (1978), «Мои границы» (1981). В 1973 году И. М. Петров был принят в Союз писателей, в 1976 году ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Петрозаводска», в 1979 году он был удостоен Государственной премии КАССР в области литературы.

Другим примером личной ответственности Я. Ругоева за судьбу солдат и офицеров 126-го стрелкового полка 71-й дивизии может быть его вмешательство в полную драматизма жизнь Вилле Вайнио (родного брата И. М. Петрова), который в качестве начальника штаба возглавляемого В. Вайли полка проявил себя как один из самых толковых и энергичных офицеров. После ранения и госпиталя он был направлен со специальным заданием на оккупированную территорию в Петрозаводск, а по возвращении, спустя некоторое время, был арестован и приговорен к десяти годам лагерей. О том, что В. Вайнио жив и работает учителем труда в школе карельского села Ильинское, Я. Ругоев узнал в ходе предпринятого им поиска ветеранов 126-го полка, о чем сообщил В. Вайли и получил от него письмо из Пятигорска от 12 ноября 1964 года:

«Добрый день, Яков Васильевич!

Большое спасибо за праздничные поздравления и тысячу раз спасибо за то, что нашел В. Вайнио. За войну в моем подчинении находились многие сотни командиров, и если бы мне задал вопрос, кому из них я бы дал самую лучшую боевую характеристику, я бы, не задумываясь, ответил – Вайнио.

Вайнио дисциплинирован, исполнительен, в военном деле грамотный, работает вдумчиво, хладнокровно, в любой обстановке не унывает, в успешном исходе боя не сомневается, ни при каких обстоятельствах, даже самых тягостных, не хныкает. В будущей книге фото Вайнио должно быть на самом почетном месте» [7].

Я. Ругоев предпринял шаги по реабилитации В. Вайнио. В письме Я. Ругоеву от 9 марта 1966 года В. Вайнио приводил текст полученного им из Москвы документа: «Дело, по которому Вы были осуждены в 1946 году, определением военной коллегии Верховного суда СССР от 3 марта 1966 года прекращено за отсутствием состава преступления. По этому делу Вы реабилитированы. Справку о реабилитации Вам должны выслать из Военной коллегии Верховного суда СССР» [7; 11].

Вместе с В. Валли Я. Ругоев предпринял усилия, чтобы В. Вайнио за прошлые боевые заслуги был награжден орденом Отечественной войны первой степени.

После публикации в газетах и журналах первых материалов о действиях 126-го стрелкового полка Я. Ругоев стал получать отклики со всех концов Советского Союза. Несколько писем пришло от ветерана Отечественной войны Михаила Ивановича Литвина из Казани. В них бывший политрук приводил схему боев 4-й роты и выхода ее из окружения, рассказывал о командире роты М. Ф. Смирнове, разведчике сержанте Крестьянинове, красноармейце Потапове и высказывал автору пожелание помнить, что «истина дороже»:

«Дорогой Яков Васильевич!

Уж раз вы просили указать на неточности и сделать замечания по тексту в журнале “Север”, я сделал это, руководствуясь пословицей древних: “Платон мне друг, но истина дороже”. Уверен, что после внесения предложенных мною уточнений и изменений Ваша книга только выиграет. Я не претендую на безупречность литературной формы изложения, это уже прерогатива писателя, но что касается содержания, то я остаюсь на своей точке зрения. Многовато работы? Да. Но она окупится правдивостью и ценностью книги» [14; 20].

Верные заповедям фронтового братства, ветераны в деталях рассказывали о подвиге боевых товарищей и меньше всего – о себе. Вальтер Валли писал Ругоеву 26 марта 1967 года: «Яакко, очень прошу тебя, про мою личность пиши меньше, помягче, не надо подчеркивать В. Валли» [7; 54].

Вместе с героями будущей книги Я. Ругоев был убежден, что совершить подвиг может каждый патристически настроенный человек. После разоблачения «культа личности» идея «массового героизма» была в литературе о войне намного привлекательней, чем «культ героя». Критик В. Пискунов писал в 1965 году, что «именно сегодня с особенной остротой видишь, какой большой вред военной литературе принес своеобразный “культ героя”, поставленного над ря-

довыми участниками жизни, узурпирующими права всех остальных» [28; 48–49]. И хотя в заглавие своей книги Я. Ругоев вынес имя одного героя – майора Валли, но через испытания, которые выпадают на долю командира, проходит каждый солдат полка. Я. Ругоев поставил своей задачей показать героическое в самом массовом его проявлении. «Материал, который в конце концов, после многолетнего собирания, оказался в моих руках, позволял написать традиционный роман, – писал Я. Ругоев в слове «От автора». – Или цикл рассказов. Или несколько повестей. Если бы присоединить к этому материалу документы военных архивов начала войны, книга могла бы вылиться в историческое исследование. Подумав, я решил иначе: пусть в моем рассказе о делах и людях 126-го СП прозвучат голоса солдат и офицеров этого полка. Из отдельных рассказов складывалась общая картина тех трудных дней и общего героического поведения бойцов и командиров» [33; 3–4]⁵.

Не сразу Я. Ругоев смог определить жанр своего произведения. Отдельное издание на финском языке имело подзаголовок «Документальный роман» [38]. В русском варианте (1989) жанр произведения определен издательством как «документальное повествование». В помещенной на той же странице краткой аннотации говорилось иное: «Роман основывается на документальном материале, воспоминаниях бывших воинов 126-го стрелкового полка и его командиров – В. Валли, В. Вайнио и др.» [34; 336]. Сам Я. Ругоев первоначально был уверен, что «в результате 20-летней поисковой работы удалось завершить и издать (1986 г.) документальный роман “Полк майора Валли”» [4; 77]. Какое же из двух определений («документальный роман» или «документальное повествование») выглядит более убедительным в отношении представленной на суд читателя новой книги Я. Ругоева?

Как известно, роман – это «эпическое произведение, в котором повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности в процессе ее становления и развития, развернутом в художественном пространстве и времени» [24; 329]. В русской литературе заслуга в раскрытии «диалектики души» принадлежит Л. Толстому и Ф. Достоевскому. В классической советской литературе 1920–30-х годов («Разгром» А. Фадеева, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького) на первый план вышла история, властно врываются в сердцевину «частной жизни». Позднее, под влиянием «теории бесконфликтности», призывов к растворению личности в коллективе из советского романа стал вытесняться историзм характеров, через которые и входит история в художественное произведение. Рядом с сохранившимися жанровыми разновидностями романа (сатирический, научно-фантастический, исторический роман, роман-эпопея) появились новые романтические жанры. Свою книгу о партизанской войне в Карелии

«За чертой милосердия» (Петрозаводск, 1977) Д. Гусаров назвал «роман-хроника».

Создавая книгу «Полк майора Валли», Я. Ругоев не только поднял архивы, связанные с показаниями очевидцев, но и обратился через газеты и журналы к участникам событий с просьбой прислать ему свои дневники и воспоминания, лично встречался с ветеранами, читал им отдельные главы, неоднократно исправлял первоначальный текст. Естественным был отказ в данном случае от вымышленных персонажей, ибо налицо были биографии и рассказы подлинно существовавших сотен людей. Писатель сделал центральным персонажем майора Валли, так как за точность его воспоминаний он мог ручаться. В текст были вставлены рассказы других участников, процитированы опубликованные в России и Финляндии воспоминания ветеранов боевых действий. Основным принципом повествования стал принцип своего рода летописи: день за днем, месяц за месяцем описаны события второй половины 1941 года, начиная от первых столкновений на границе с противником и до оборонительных боев под Медвежьегорском. В результате литература о Великой Отечественной войне обогатилась «документальным повествованием» «Полк майора Валли».

Назвать же книгу Я. Ругоева «романом» – значило бы согласиться с по сути разрушающей жанр трансформацией летописного повествования в эпическое произведение, жанрообразующим фактором которого является прежде всего «идея личности», «изображение чувств, страстей и событий частной и внутренней жизни людей» [21; 122], свободное владение всеми приемами изображения человеческого характера, точность и красочность слова; не только верное историческое изображение событий, но и богатая творческая фантазия, позволяющая писателю воссоздавать действительность во всей жизненной полноте.

Литературовед Элли Алто, отметив, что «композиция произведения мозаична, состоит из многих самостоятельных эпизодов», предпочла назвать «Полк майора Валли» «документальным повествованием, напоминающим мемуарную прозу» [20; 315].

Но какие бы споры ни возникали вокруг жанрового определения книги «Полк майора Валли», непреложным остается одно: Я. Ругоев создал произведение, которое стало заметным событием в общественной жизни Карелии и Финляндии (где книга была впоследствии переиздана). Ни один из исследователей событий Великой Отечественной войны в Карелии не сможет миновать того, что было открыто Я. Ругоевым в своей книге, сила которой – в правдивости ее основы, добросовестности писателя в разработке исторического материала, в высоком, патристическом понимании подвига карельского народа в годы войны.

«Прочитав в журнале “Север” Вашу документальную повесть “Полк майора Вали”, – пи-

сал Я. Ругоеву читатель Ю. Соловьев из города Волжский Волгоградской области, – я твердо уверовал, что навсегда полюбил этот край и его людей. Чем дальше я читал, тем сильнее утверждался в убеждении, что хотя Вальтер Валли и чисто историческая личность, но Вы как писатель хотели бы показать через Валли настоящее, подлинное лицо народа Вашего родного края. Это Вам удалось. Мне редко приходилось видеть карелов и финнов, и тем более быть с ними в близком знакомстве, но Вальтер Валли стоит перед моими глазами, как живой, как будто я с ним был давно, давно знаком. Повторяю: теперь о народе Карелии я буду судить только по нему – майору Валли» [9; 32–34].

Как это и присуще документальной литературе, в книге «Полк майора Валли» творческий вымысел сведен к минимуму. Повествование строго ориентировано на достоверность и всестороннее исследование документов. По тематике и по формам, сочетающим хронику событий, репортажи с биографиями исторических лиц и героев Великой Отечественной войны, книга Я. Ругоева находится в одном ряду с такими произведениями, как «Брестская крепость» С. С. Смирнова, «Берлин, май 1945» Е. Ржевской, «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина. Воспроизведя перед нами ту или иную сторону военной действительности, рисуя самые различные судьбы, Я. Ругоев стремился, по его словам, чтобы со страниц книги прозвучало «полное взаимопонимание как между бойцами, так и между бойцами и командирами... солдатское понимание командирской чести, человеческого достоинства, высокого гражданского патриотизма – какими эти понятия живут в народе».

«Авторские отступления, описания природы, чувств, внутреннего мира героев являются сдержанно лирическими» [13; 6–7], – отмечал в своей рецензии Тойво Вяйзänen. И действительно, от начала и до конца повествование выдержано в привычном для Я. Ругоева спокойном тоне объективного, реалистического изображения военной действительности. И вместе с тем уже с первой главы «Не в землю слава уходит...» появляется автор, который неприметно приковывает читательское внимание к тем вещам, которые представляются для него важными и ценными. Именно в восприятии автора, через его воспоминания о личных встречах с Вальтером Валли и его супругой, раскрывается тема о самом важном и значительном в их личной жизни, о чистоте и ясности их супружеской любви, о внутренней значительности стремлений и чувств полковника в отставке В. Валли, который «говорил мало, очень мало, только самое необходимое», но все его поведение на войне и на «миру» подчеркивало прежде всего «безусловную честность и прямоту».

Присутствие автора чувствуется и в пейзажных зарисовках, по-крестьянски «приземленных» и немногословных: «Птицы распевали на деревьях. Муравьи тащили всякий сухой мусор в

свои кучи. Весна собиралась медленно перелиться в лето, и всякая живность радовалась предстоящему теплу. И люди радовались. Мало тепла на Севере, каждый день дорог». Закрывающее картину весеннего пробуждения природы лирическое авторское раздумье придает пейзажу новое качество. Простая фиксация фактов приобретает новый смысл, ибо речь идет о событиях раннего утра 22 июня 1941 года, о скором обрушении мирной идиллии.

В главе «Самый черный день» рассказу о потере полковой артиллерии возле Мяндусельги предшествует авторское отступление: «Вот говорят люди: запас про черный день или оставь на черный день. И в первые месяцы войны для 126-го полка таких дней набиралось немало, каждый по-своему черный: то потери в людях, то промахи в обороне. На войне как на войне – в одни ворота не играют». В последней фразе через авторское восприятие выражено истинно народное (вспомним Каратаева из «Войны и мира» Л. Толстого) отношение к тяжелым обстоятельствам войны, великое терпение и стойкость северян в преодолении «черных дней», что не в последнюю очередь помогло одержать верх над врагом.

В образе командира первого взвода 1-й минометной роты Самппы Иванова («деревенского человека», как характеризует его автор) – квинтэссенция того исторического оптимизма, который помог карельскому народу пройти через грозы и беды войны. Тип национального характера воплощен писателем в крестьянине-воине с великой симпатией и теплым лиризмом. Одна из самых удавшихся глав книги («Самппа Иванов») рассказывает о краткосрочном отпуске минометчика в родное село: как мать, дочурки и жена бросились его обнимать, какой жаркой, пахнувшей березовым листом была деревенская баня. Как отмечал Р. Коломайнен, «в лирических воспоминаниях карела Самппы Иванова, побывавшего дома, баня – емкий и эмоционально насыщенный образ» [13; 2–3]. В том, с какой любовью Самппа воспринимает деревенскую жизнь (где все знали его сызмала и где он всех знал в своей родной Хейняярви), ощущается явственное присутствие автора, который, как и Самппа, научился в карельской деревне ходить по земле, обрел искусство таежника, охотника и рыбака и на всю жизнь полюбил свой народ, чтобы сказать со страниц книги во всеуслышание: «Здесь с древнейших времен живет прекрасный карельский народ, самостоятельный, с чувством большого внутреннего достоинства северный народ, не привыкший прислуживать и кланяться, честно добывающий свой хлеб насущный – с пашни, в лесах, с водных глубин». Поэтому у таких, как Самппа Иванов, самым главным было «чувство защитника своей земли», ставшее источником мужества и храбрости в бою с захватчиками.

Произведения Я. Ругоева о событиях Великой Отечественной войны дороги чистым сиянием правды, сердечной искренностью, все возрастаю-

щей мерой зрелости в осмыслении явлений, связанных с изображением народного подвига. Этими достоинствами отличается и вошедший в «Библиотеку всемирной литературы» (Т. 1. М., 1975) рассказ Я. Ругоева «Вся жизнь впереди», опубликованный ранее в журнале «Дружба народов» (1970, № 5).

Вдали от человеческих троп сталкиваются оставленные после боя в лесу, обессиленные от ран герои рассказа – карел Алекси и финский капрал Пекка Хювяринен. После краткой схватки сильнее оказывается Алекси. Капрал подчиняется приказу советского разведчика и берет направление на восток, в плен. Он получает возможность приглядеться к Алекси (тоже израненному и обессиленному, но поклявшемуся доползти до своих и привести с собой пленника), понять и оценить присущие карелу стойкость, силу воли, великодушие. «Ему жадно захотелось жить», – замечает писатель, прослеживая перемены в мироощущении Пекки: от ненависти – к доверию, к пониманию бессмысленности войны со страной, которую защищают такие люди, как Алекси. Но перемены происходят и в мироощущении разведчика. Как пишет И. Рогощев, «наш солдат увидел с собою рядом страдавшего, как и он, человека, которого надо поддержать, которому надо помочь (“Пекка, не отставай, заблудишься... Вся жизнь впереди”). Не ненависть – сострадание и соучастие к жизни другого придавали теперь силы» [29; 270].

О таком сострадании и соучастии, которое может распространяться не только на близких, но и на врагов, размышлял тяжело раненный в Бородинском сражении Андрей Болконский из «Войны и мира» Л. Толстого. Мысли о всеобщем прощении рождаются у Болконского вместе с приливом религиозных чувств, верой в мудрость творца. Но как в «Войне и мире» Л. Толстого они вступают в противоречие с изображением героического отпора народа иноземным захватчикам, так и в «военной» прозе Я. Ругоева они соприкасаются с примерами глубокого патриотизма карельского народа, что находит выражение в ясной решимости уничтожить государственно-военную машину фашизма, мужественно защищать родную землю.

В «военной» прозе Я. Ругоева на протяжении всей его творческой деятельности происходило расширение и углубление понимания того, что пережил народ в годы Великой Отечественной войны. От публикаций военных лет с их пафосным, но зачастую поверхностным изображением фактов и переживаний писатель шел к показу не только социальных, но и психологических, духовных, нравственных истоков героизма и патриотизма защитников Отечества. Размышления Я. Ругоева о событиях войны были тесно переплетены с мыслью о судьбе родной земли, которую нужно беречь и обихаживать не только для себя, но и для будущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Я. Ругоев указывает, что он «работал над «Тажной юностью» в 1960–1970-е годы» и что «заканчивал «Тажную юность» о В. Кириллове в 1978 году» [19; 178].
- ² Дальнейшие ссылки на это издание даются без указания страниц.
- ³ Дальнейшие ссылки на это издание даются без указания страниц.
- ⁴ Дальнейшие ссылки на это издание.
- ⁵ Дальнейшие ссылки на это издание даются без указания страниц.

ИСТОЧНИКИ

1. Личный архив А. М. Степанова (Ортье Степанова).
2. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 58.
3. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 672.
4. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 683.
5. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 923.
6. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 926.
7. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1199.
8. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1306.
9. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1413.
10. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1744.
11. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1745.
12. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1764.
13. НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1769.
14. Письма Ругоеву Литвина Михаила Ивановича. На 27 листах. Даты 15 июля 1985 – 7 января 1988 // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1271.
15. Письма Халме Эрки. Фотографии финских солдат, советских партизан и мирных жителей времен Великой Отечественной войны // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1366.
16. Письмо С. П. Кириллова Я. Ругоеву от 12 декабря 1975 г. // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1408.
17. Письмо Я. Ругоева В. А. Шошину от 24 марта 1985 г. // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 1184.
18. Ругоев Я. Тексты радиовыступлений о событиях и участниках Великой Отечественной войны // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 58.
19. Рукописи Я. Ругоева // НА РК. Ф. 3716. Оп. 1. Д. 173.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

20. Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. СПб.: Наука, 1997. 245 с. (История литературы Карелии. Т. 2.)
21. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М.: АН СССР, 1955. 740 с.
22. Быков В. Жизнью обязан // Литературная газета. 1974. 6 ноября.
23. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
24. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с.
25. Манн Ю. К спорам о художественном документе // Новый мир. 1968. № 8.
26. Мишин А. Неурожайный год литературы // Северный курьер. 1992. 21 апреля.
27. Пеки А. Книга о таежной войне // Петрозаводский университет. 1992. 23 апреля.
28. Пискунов В. Написано войной // Живая память поколений. М.: Худож. лит., 1965.
29. Рогощев И. Прозорливость любви // В поисках и преодолении: Сб. критич. ст. Петрозаводск: Карелия, 1976.
30. Ругоев Я. Двенадцатый поход. Страницы из партизанского дневника / Пер. с финн. Т. Сумманена // Ругоев Я. Большой Симон. Рассказы. Очерки. Петрозаводск: Карелия, 1975.
31. Ругоев Я. Пекка и Аня / Пер. с финн. Н. Ругоевой // Комсомолец. 1977. 24, 26, 29, 31 марта; 2 апреля.
32. Ругоев Я. Двести пятьдесят шесть дней. Документальная повесть // Ругоев Я. Избранное. Л.: Худож. лит., 1978.
33. Ругоев Я. От автора // Ругоев Я. Полк майора Валли: Документальное повествование / Пер. с финн. С. Панкратова. Петрозаводск: Карелия, 1989.
34. Ругоев Я. Полк майора Валли: Документальное повествование / Пер. с финн. С. Панкратова. Петрозаводск: Карелия, 1989. 334 с.
35. Симонов К. Мурманское направление. Мурманск: Книжное изд-во, 1972. 350 с.
36. Симонов К. Страницы из книги «Сегодня и давно» // Север. 1973. № 6.
37. Смирнов С. С. Правду, ничего кроме правды // Литературная газета. 1974. 6 декабря.
38. R u g o j e v J. Majuri Vallin rykmentti: Dokumentaarinen romaani. Petroskoi: Karjala-kustantamo, 1986. 422 s.

УДК 821.161.1.09“1917/1991”

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
verses@onego.ru

**«ОЧЕРКИ О ПОДВИГАХ» РУД. БЕРШАДСКОГО:
НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПУБЛИКАЦИЯ В ЖУРНАЛЕ «ЗНАМЯ» 1941 ГОДА**

Статья написана на архивном материале и посвящена «Очеркам о подвигах» (1941) Р. Бершадского. Центральная проблема, поставленная в «Очерках...», – человек и война – анализируется в историко-литературном контексте.

Ключевые слова: очерк, литература о войне, художественная правда, психологизм, творчество Р. Бершадского

Не прожить наверняка –
Без чего? Без правды сущей...
А. Твардовский. Василий Теркин
(1941–1945)

В архиве «Неопубликованного» журнала «Знамя» за 1941 год в пестроте материалов, по тем или иным причинам редакцией отклоненных, внимание невольно привлекла рукопись под названием «Очерки о подвигах» [1]¹. Имя автора – на титульном листе значилось *Руд. Бершадский* – ничего тогда не сказало. Статья поступила и была сдана в архив в первой половине июня 1941 года: шли последние дни мирного 1941-го. Текст «Очерков...» представлял собой 12 «плотных» (напечатанных с минимальным межстрочным интервалом) машинописных листов, по которым шла густая авторская правка от руки. Редакторские пометы, как и внутрижурнальная рецензия, отсутствовали. Это удивило, и сам собою встал вопрос: почему?

Героическая тема и военно-патриотическое воспитание всегда были приоритетными в советской литературе и периодике. Конечно, в именитую редакцию «Знамени» потоком шли разные материалы, в том числе и творчество

«широких народных масс» (архивный фонд «Неопубликованного» хранил их в изобилии), но уже с первой страницы «Очерков...» было ясно, что писал профессионал, глубоко знающий тему. А тема – человек на войне и ее освещение в современной литературе. Речь шла о «малых войнах» конца 1930-х – 1940 года: о военных конфликтах с Японией в районе озера Хасан в 1938 году и у реки Халхин-Гол в 1939 году, Советско-финляндской («Зимней») войне 1939–1940 годов. Еще никто не знал, что уже завтра начнется война Великая...

Статья заинтересовала, я стала читать, потом делать выписки, забыв, что пришла в РГАЛИ совсем за другим. Приведу ее главные положения.

«Очерки...» открываются яростным недоумением автора по поводу современной военной литературы. По его убеждению, таковой просто нет, и потому он не называет писателей и произведения (некого и нечего), за исключением книги, принадлежащей перу «не-литератора», подчерки-

вает Р. Бершадский: это книга младшего командира И. Митрофанова «В снегах Финляндии. Записки младшего командира» (М., 1941), и цитирует симоновские строки: «Да, враг был храбр. Тем больше наша слава»². В произведениях других авторов, по мнению Бершадского, отсутствуют правда войны, которая под пером журналистов и писателей превращается в «сплошной фейерверк подвигов» (л. 7). Яркий пример тому – удачные подвиги героя-богатыря Васи Теркина, совершаемые им на страницах газеты «На страже Родины» Ленинградского военного округа в период тяжелой, кровавой Финской кампании 1939–1940 годов. Это еще не «личный» герой А. Твардовского времен Великой Отечественной, а его литературный прототип, персонаж коллектива авторов, литературными родителями-няньками которого были также Н. Тихонов, В. Саянов, Н. Щербаков, С. Вашенцев, Ц. Солодарь и др. Вся страна в это время с энтузиазмом пела «Марш советских танкистов» из фильма «Трактористы»: «Броня крепка, и танки наши быстры...»³.

Но там, где скрыта драма войны, выхолащивается и ее героика. Бершадский пишет: «...серьезный порок кроется в том, что показ героев сплошь и рядом подменяется показом только подвигов их: когда читатель в литературе о войне находит только описание подвигов, то у него естественно создается впечатление, что война не из чего другого и не состоит» (л. 6). Между тем Финская кампания показала – преподав горький урок – что война не состоит «из успешных рейдов в тыл врага с громом гранат... с баснословным количеством трофеев, захваченных смельчаками, с красным флагом, взнесенным на купол неприступного дота» (л. 6). У нее есть тяжелые будни и негероический быт, который состоит «из нарядов в сторожевое охранение, во время которых зачастую абсолютно никаких происшествий не случается, из нарядов на кухню, где надо просто-напросто чистить картошку, из того, что гражданина, привыкшего к штиблетам, обучают, как правильно наматывать портянку на ногу, чтоб потертостей не было» (л. 7). Однако в литературе о войне об этом ни слова, ею не замечены «невидные» профессионалы войны», а дилетантизм война не терпит.

Главная тревога автора в том, что современная литература превратилась в «литературу о подвигах, а не о людях» (л. 2), что в ней пропал человек: «Героев очерков чаще всего запоминаешь только по различным анкетным данным подвига: вот этот артиллерист прямой наводкой уничтожил дот, этот разведчик в течение 5 суток передавал сведения о противнике... Человек, конкретный человек в его неповторимом своеобразии ускользнул от внимания авторов» (л. 2). Между тем важно раскрыть именно «путь человека к подвигу» («Путь к подвигу» – так вслед формуле, сложившейся в неопубликованных «Очерках...», будет названа книга Р. Бершадского, которая выйдет в оттепелечном 1956 году).

Обращаясь к опыту последней, «северной», войны и ее освещению на страницах газет и журналов, Бершадский пишет, что «литература фиксирует преимущественно “трудности внешние”»: «Если говорить о Финляндии, – мощь укреплений, суровая природа, лютость морозов, ярость врага. Слов нет – это не мало. Но это не все. Есть иная категория трудностей, причем изображать их сложнее... Я имею в виду трудности психологического порядка – не внешние, а лежащие в нас самих»⁴ (л. 7). Далее следует прописанный, зачеркнутый и вновь возвращенный в основной текст фрагмент – в котором автор взвешивает и уточняет каждое слово – о неизбежных на войне психологических состояниях растерянности, страха, паники (густо зачеркнутое отмечено в тексте в скобках пометой *нрзб.*: неразборчиво): «В каком из очерков мы найдем описание того, как порою возникала паника (*нрзб.*) и как ее удавалось приостановить? (*нрзб.*) Где показано у нас преодоление нерешительности бойца, которая сплошь и рядом является причиной паники? А ведь чувство нерешительности – особенно в первых боях! – чувство не исключительное. Показать, как это чувство в процессе боя преодолевается, вытравляется, – значит помочь сегодняшнему читателю – завтрашнему бойцу – прийти к первому бою неизмеримо лучше подготовленным психологически, значит заранее ослабить в нем этот страх перед неведомым» (л. 7).

Отдадим должное мужеству Р. Бершадского, который берется напомнить советским писателям и читателям о вечных проблемах человеческого существования, в том числе о страхе смерти, с которым надо справиться солдату, чтобы остаться человеком и выполнить воинский долг в то время, когда официальная идеология жестко отграничивала советское пространство жизни как социальной, так и психологической, когда все советское: человек, народ, общество, гуманизм, патриотизм, сознание и т. д. – противопоставлялось «чуждому» прошлому и «враждебному» (капиталистическому) окружению настоящего.

Р. Бершадский предстает в «Очерках...» верным продолжателем реалистической традиции отечественной литературы, где принцип правды во взаимоотношениях искусства и жизни мыслится священной обязанностью художника и гражданина, эстетическим и этическим фундаментом творчества. Он ставит проблему человеческих жертв и цены победы – жертв, неизбежных на всякой войне и так часто трагически вышесенных в советской истории. Речь в статье идет о «сокращении рубежа атак» на Хасане, затем в «Зимней» войне, которое оказалось чревато для тысяч солдат двойной смертью (вопреки слову): смертью от оружейных обстрелов врага и от огня своей артиллерии. Смерть от своих – особенно тяжелая психологическая травма для идущих в бой, тем более, когда от бойцов скрывалась (как будто это возможно было скрыть)

беспощадная целесообразность войны: жертвы закладывались в стратегию и тактику боя ради быстрой – «победной» – атаки. Компенсируя «робость» публицистики и литературы, Р. Бершадский описывает такой бой: «Солдатам приходилось скапливаться для атаки в зоне, поражаемой не только противником, но частично осколками собственных снарядов. Требовалось заставить себя идти на смерть не от вражеского снаряда, а от своего – только такая гибель части атакующих обеспечивала всему подразделению успех. Пусть тот, кто хоть раз когда бы то ни было ходил в подобную атаку, вспомнит: приходилось ли когда бы больше напрягать свою волю и решимость, чем в эти минуты» (л. 8).

Р. Бершадский вновь и вновь возвращается к урокам только что прошедших войн и неисполненному литературой долгу: рассказать читателю трудную, но необходимую правду о войне, без которой не воспитать гражданина и патриота, не подготовить будущих солдат. В парадной, урагероической подаче современных военных конфликтов «сказалось проявление все той же – возможно, неосознанной, но тем не менее существующей и потому еще более опасной – линии на изображение войны как сплошного фейерверка подвигов. Хочется нам этого или нет, а к войне длительной, к войне не молниеносной, а на истощение, подобное описание боев читателя психологически не готовит. Между тем никто и ничто не дает нам право утверждать, что война, к которой мы должны быть готовы постоянно, будет войной молниеносной, а не длительной» (л. 7). Это трагическое предвидение становится смысловым нервом статьи. «Кладези материала – для наблюдений, мыслей, обобщений – получила советская литература в результате тех военных действий, которые пришлось вести нашей родине за последние годы, – пишет Р. Бершадский в заключение. – То, что сделано в области освоения материала, – только начальный этап. Задержаться на нем – означало бы отстать в выполнении задач, касающихся боевого воспитания молодого поколения, – поколения, в большей мере покуда не бывшего на войне, знающего войну только из наших книжек, но которое в любой момент может оказаться вынужденным обстоятельствами стать в строй и с винтовкой в руках, в тот же день принять бой за родину. И нельзя будет простить нам, советским литераторам, если наша доля военного воспитания этого поколения окажется ниже собственных возможностей... *Есть задачи, запаздывать с разрешением которых, – значит совершать преступление* (курсивом дано вписанное автором от руки. – И. С.)» (л. 12).

Честная, мужественная статья. Она написана в период, когда репрессии в критике и литературоведении шли полным ходом: в 1940 году постановлением ЦК ВКП(б) были закрыты журналы «Литературный критик» и «Литературное обозрение» и ликвидирована секция критики в Союзе писателей. Принесенная в журнал «Зна-

мя» в июне 1941 года, она была обречена на непубликацию: и потому, что шла вразрез с официальной идеологической линией в освещении советской истории дня вчерашнего, и потому, что катастрофой завтрашнего дня стояла у порога Великая Отечественная война.

«Очерки о подвигах» Р. Бершадского процитированы нами в уважительную память автора, дерзнувшего, не оглядываясь на время, высказаться по проблемам литературы и войны не с идейно-политических, а с нравственно-психологических позиций. Слияние гуманистического и патриотического пафоса, верность правде и советским идеалам (а не идеологической линии), уважение к читателю, понимание роли и ответственности писателя за слово – таковы базовые принципы, которыми руководствовался Бершадский при создании «Очерков...». Это еще одна страница той советской предвоенной литературы, которой мы не знаем.

В заключение несколько слов об авторе «Очерков о подвигах» – талантливом писателе и журналисте Рудольфе Юльевиче Бершадском (1909–1979). При жизни писателя вышло около 20 его книг (не считая многочисленных публикаций в периодике). О чем бы ни писал Бершадский: о войне, истории, путешествиях – главное событие в его повествовании – всегда *человек*. Людские характеры, поступки, биографии, судьбы он собирал любовно, хранил бережно. О самом же авторе сведения пришлось разыскивать по крупицам. Родом Р. Ю. Бершадский из Украины, в годы Гражданской войны мальчишкой ушел в Красную армию. На его глазах в 1919-м погиб старший брат – об этом первое опубликованное стихотворение «Первый урок политграмоты», напечатанное в газете «Правда» 23 февраля 1926 года. В журналистике начал как рабкор, в литературе как поэт – сборники «Старт» (1930), «Это и есть война» (1933), «Линия прицела» (1933). Был участником военных событий на озере Хасан, прошел «северную» войну. Там, на фронте, в 1938-м (по другим источникам – в 1939-м) вступил в партию. Военным событиям рубежа 1930–40-х посвящены «Рассказы о выручке в бою» (1940) и «Очерки о подвигах» (1941), сценарий «В тылу врага» (1941), по которому в том же 1941-м был снят фильм (режиссер Е. Шнейдер, главную роль красноармейца-разведчика Байкова сыграл Н. Крючков). Бершадский в рядах Красной армии прошел всю Великую Отечественную, начав войну на Ленинградском фронте, закончив в Германии. Написано им в эти годы много, а книга вышла одна – «Рассказы о войне» (1942). После войны – повесть «На раскопках древнего Хорезма» (1949). До 1950-го сотрудничал в разных московских периодических изданиях, был заведующим отделом «Литературной газеты». В ходе антиеврейской кампании начала 1950-х подвергался преследованиям, в 1953 году находился в заключении – об этом времени писатель предпочитал молчать. В первый год оттепели вышли сборники рассказов Бершадского, посвящен-

ные Великой Отечественной войне, – «Путь к подвигу» и «Великолуцкие записи» (1956). Военно-патриотическая тема будет продолжена в книгах «Знакомство с Черновым» (1960), «Люблю! Ненавижу!» (1962), «Смерть считать недействительной» (1964), «Командировка в Грюнштедтль» (1968) и др. Подобно К. Симонову, С. Смирнову, он неустанно собирал документальные свидетельства народного подвига, солдатские мемуары, чтобы жила память о погибших и живых героях. Параллельно Р. Ю. Бершадский активно работает в жанре научно-популярного и путевого очерков: «Две повести о тайнах истории» (1958), «Впереди – Атлантида» и «В двух шагах от экватора» (1961), «Все на одной планете» (1965), «От первого лица» (1967), «Другой край света» (1967), «Полтора

страниц о Франции» (1972) и др. В 1980-м, уже посмертно, вышел сборник «Почти вся жизнь» [2], в который вошли избранные произведения разных лет, ставшие «визитными карточками» писателя Руд. Бершадского, как он подписывал свои книги («Мой друг Хрунов», «Лева Семиверх», «Складчина для Рафаэля» и др.). «Почти вся жизнь» слегка приоткрыла завесу, за которой остались написанные, но так и не дошедшие до читателя произведения, корреспонденции, рабочие записи, дневники, размышления писателя, – память потребовала вернуться к ним спустя десятилетия: «Аттестат его зрелости» – о событиях «Зимней» войны; «Ненаписанные корреспонденции», «Из фронтовых блокнотов» – из записных книжек Великой Отечественной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Далее ссылки на лист даются в основном тексте в круглых скобках.
- ² Это финальные строки стихотворения К. Симонова «Танк» (1939).
- ³ «Марш советских танкистов» написан в 1938 году, музыка братьев Покрасс, стихи Б. Ласкина. Впервые прозвучал в легендарном фильме «Трактористы», который вышел на экраны страны в 1939 году, режиссер И. Пырьев, в главных ролях: Н. Крючков, Б. Андреев, П. Алейников, М. Ладынина.
- ⁴ Бершадский один из первых поставил эту проблему (см. об этом [3]).

ИСТОЧНИК

1. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 581. Л. 1–12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

2. Бершадский Руд. Почти вся жизнь. М.: Сов. Россия, 1980. 400 с.
3. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

УДК 821.161.1.09 «1917/1991»

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА МИХАЙЛЮЧЕНКО

аспирант кафедры русской литературы и журналистики
филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
olga.mikhaylyuchenko@gmail.com

МОТИВЫ СМЕРТИ И ВОСКРЕШЕНИЯ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «ОБОРОНА СЕМИДВОРЬЯ» В СВЕТЕ ТЕКСТОЛОГИИ

В статье предлагается опыт текстологического изучения рассказа «Оборона Семидворья» по рукописи и военным публикациям. Это позволило уточнить семантику мотивов смерти и воскрешения в одном из центральных для военной прозы А. Платонова произведений.

Ключевые слова: текстология, поэтика, мотив, творчество Платонова, литература Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны перед писателями встала высокая патриотическая задача: направить свое главное оружие – слово – на служение делу победы. «Я не могу сам воевать, не могу выдумать мину или самолет, но я могу обнадежить все души людей и дать им [жизненную] силу правильного понимания жизни» [23; 218], – так эту задачу видел А. Платонов. Его военные рассказы и очерки – опыт сложного, противоречивого в философском и этическом плане исследования человека «внутри войны». Непосредственный свидетель исторических событий¹, Платонов воссоздает в художественных образах картины войны, стремясь при этом найти особое слово, не только выражающее понимание происходящего самим писателем, но передающее мировоззрение и дух народа, сражавшегося за Родину.

Основную для военных рассказов тематику Платонов обозначил в своем определении войны: «война – зона между... жизнью и смертью» [17; 546]. Мотивы смерти и воскрешения, будучи характерными для творчества писателя в целом, а для военной прозы особенно, исследовались В. Акимовым, М. Дмитривской, А. Киселевым, М. Кох, А. Кретиным, Ю. Пастушенко, С. Се-

менов, И. Спиридоновой, В. Чалмаевым, Е. Яблоковым и др. В данной статье предлагаются наблюдения над художественным развитием данных мотивов в рассказе «Оборона Семидворья» в контексте истории публикаций текста и их сопоставления с авторской рукописью. Текстологический анализ проводился с опорой на работы Н. В. Корниенко [7], В. Ю. Вьюгина [3], И. А. Спиридоновой [28] и др.

Творческая судьба «Обороны Семидворья» оказалась типичной для публикаций военного времени. Рассказ был опубликован в 1943 году дважды: в газете «Красная звезда» и журнале «Знамя» – изданиях, сотрудничество с которыми было для Платонова наиболее плодотворным². Военные публикации «Обороны Семидворья» были подвергнуты значительной редактуре: удалялись целые абзацы, заменялись слова, корректировались предложения и фрагменты. Однако ни правка «корявого» языка Платонова, ни сглаживание двусмысленных или чрезмерно философских фрагментов не спасли рассказ от негативной критики. Так, критик Лукин со страниц «Правды» обвинил писателя во вредоносном «искажении и оглушении» образов защитников Отечества, в «нагромо-

ждении странностей», в «погоне за оригинальностью», в «неясности мыслей» [9]. Предположительно, такого рода критика способствовала тому, что впоследствии рассказ не попал ни в один из военных сборников Платонова. Он вновь увидел свет только в 1963 году, в усеченной версии журнала «Знамя», которая, оказавшись последней прижизненной публикацией, вошла в последующие издания [14], [15], [16], [18], [20], [22].

Наблюдения над рукописью и авторской правкой машинописи рассказа, хранящимися в фонде А. П. Платонова в РГАЛИ, обнаруживают напряженную работу над формой и содержанием. Исключительное внимание писатель уделяет стилю, поиску более точного, емкого слова: «Ну, а все-ж таки! – *[отверз]*³ **возразил боец**»⁴; «Лопата и топор *[нужны]* теперь **потребны** солдату наравне с автоматом». Нередко Платонов, не удовлетворенный отдельным словом, но не найдя иного, возвращается к первому варианту: «*[наперерез]* **наперерез** бежал один наш боец с нацеленным штыком» и т. п.

Автор вычеркивает и переписывает в другой формулировке целые предложения: «Теперь *[они чувствовали как томительно и сухо трудятся их кости в теле при каждом усилии работы, но терпеливо вонзали железо в грунт и рвали его прочь]* **они чувствовали, как до самых костей томится их тело при каждом усилии работы, но они терпеливо вонзали железо в грунт и рвали его прочь**». Многократной стилистической правке подвергаются «описательные» (портреты, пейзажи) и «событийные» (действия и речь персонажей) фрагменты текста, представляющие самостоятельные сюжетно-композиционные единицы.

Особого внимания заслуживают те фрагменты рукописи, которые были изъяты из текста рассказа в процессе его подготовки к публикациям в периодике военного времени. Редакционные купюры и стилистические замены искажают содержание рассказа. Восстановление авторского слова принципиально важно для понимания художественного замысла, его эволюции и воплощения в художественном произведении.

В основе сюжета произведения – эпизодическое в большом историческом контексте, но важное в этическом и философском плане событие – оборона семидворной деревеньки, что отражено в закрепившемся благодаря военным публикациям названии рассказа. Однако выбор заглавия самим автором не столь однозначен. В рукописи рассматриваются три варианта: «Малый полководец» – помещено в центре страницы, что свидетельствует о первичности данного заголовка, «Оборона Семидворья» и «Смерти нет!» – приписаны сверху справа над центральным заглавием. Первоначальный вариант названия оправдан, поскольку сюжет рассказа разворачивается вокруг главного героя – «малого полководца» лейтенанта Агеева: 25-летнего младшего командира, который руководит смертельным сражением и берет на себя ответст-

венность за тактику и стратегию боя, за жизнь и смерть солдат, за судьбу родной земли. Статус центрального персонажа закрепляется за Агеевым на уровне повествовательной структуры. Даже в тех случаях, когда повествование формально ведется от лица анонимного повествователя, оно отражает позицию героя, так как «пространственная» точка зрения [29] в нарративе практически смыкается с точкой зрения Агеева: «Агеев полез с лопатой в заваленное укрепление, где был телефон. Но к нему навстречу тоже откапывался кто-то сквозь сыпучую мягкость. – Ты кто? – крикнул Агеев в грунт». Соединение позиции повествователя и героя поддерживается на лексическом уровне: в речи повествователя избыточны ментальные глаголы, характеризующие восприятие мира Агеевым («давно понял», «Агеев хотел», «Агеев почувствовал» и т. д.), и «остраняющие» модальные слова: «Агеев *хотел* выйти наружу к людям, но его временно посунуло воздухом обратно в ход сообщения: снаряд разверз землю возле второй огневой точки и, *должно быть*, повредил его накат». Кроме того, в описании происходящих событий наблюдается регулярное включение неособенно-прямой речи героя в речь повествователя: «Он кликнул к себе Мокротягова и велел узнать, почему до сей поры не дают сюда телефонного конца: *что они там, в домино, что ль, играют?*».

Очевидно, образ Агеева был для Платонова очень важен, неслучайно в рукописи портретное и характерологическое описание данного персонажа – фрагмент, претерпевший значительные изменения и неоднократно исправленный автором. Не менее пристальное внимание уделили характеристике героя и ее корректуре и редакторы «Красной звезды» и «Знамени». Сравним три варианта:

«...Очень заметно в этой литературе о войне выступает лирико-романтическая и героическая тенденции, героизирующая действительность, возвеличивающая как людей, так и их внутренние побуждения и цели, которые перед этими людьми встают... Именно эта лирико-романтическая тенденция встречается в журнале безусловную поддержку» (цит. по: [2]), – так ответственный редактор «Знамени» Е. Михайлова определяет принципы, которыми редакция журнала, в целом очень благосклонного к Платонову, руководствовалась при отборе и издательской правке материала. В варианте «Знамени» Агеев предстал исключительным, идеализированным героем. Его описание, в основном совпадающее с первоначальным, приобрело гиперболизированный, обобщенный характер в результате исчезновения физических деталей («*костист и прочен телом*»). Платонов уточняет – «ни вилка, ни какое другое острие» не могли повредить тело Агеева, – и окончательно демегафоризирует заявленный образ, убеждая читателя в реальности, достоверности своего героя комически-бытовой подробностью «экспозиционного» содержания: это «уже пробовали делать его товарищи на суше и на море».

«Оборона Семидворья» («Красная звезда»)	«Оборона Семидворья» («Знамя»)	Рукопись
Прежде он был моряком, потом его спешили в составе морского экипажа, и он пошел воевать по степям и равнинам, не зная до сей поры ни ранения, ни смерти. Он был невелик ростом, но родители его родили, а земля вскормила столь прочным существом, что ни вилка, ни другое острое нигде не могли войти в его твердо скрученные мышцы, – ни в руки, ни в ноги, ни в грудь, никуда – что уже пробовали делать его товарищи на суше и на море. Пухлое лицо Агеева имело постоянно кроткое, доверчивое выражение, отчего он походил на переросшего младенца, хотя ему сравнялось уже двадцать пять лет; но маленькие карие глаза его, утонувшие под лбом, светились тлеющими искрами, тая за собою внимательный и незаметный разум, опытный, как у старика [13].	Прежде он был моряком, потом его спешили в составе морского экипажа, и он пошел воевать по степям и равнинам, не зная до сей поры ни ранения, ни смерти. Он был невелик ростом, но родители его родили, а земля вскормила столь прочным существом, что никакое острое нигде не могло войти в его твердо скрученные мышцы, – ни в руки, ни в ноги, ни в грудь, никуда. Пухлое лицо Агеева имело постоянно кроткое, доверчивое выражение, отчего он походил на переросшего младенца, хотя ему сравнялось уже двадцать пять лет; но маленькие карие глаза его, утонувшие под лбом, светились тлеющими искрами, тая за собою внимательный и незаметный разум, опытный, как у старика [12; 7].	Прежде он был моряком, потом его спешили в составе морского экипажа, и он пошел воевать по степям и равнинам, не зная <u>[до сей поры] до сего времени ни одного</u> ранения, ни смерти. Он был невелик ростом, но <u>костист и прочен телом</u> [18 строк описания зачеркнуты]. Сухое лицо его имело постоянно кроткое, доверчивое выражение, отчего (родители его родили, а земля вскормила столь прочным существом, что <u>ни вилка, ни другое острое</u> нигде не могли войти в его твердо скрученные мышцы, – ни в руки, ни в ноги, ни в грудь, никуда – <u>что уже пробовали делать его товарищи на суше и на море.</u> Пухлое лицо Агеева имело постоянно кроткое, доверчивое выражение, отчего) он походил на переросшего младенца, хотя ему сравнялось уже двадцать пять лет; но маленькие карие глаза его, утонувшие под лбом, светились тлеющими искрами, тая за собою внимательный и незаметный разум, опытный, как у старика.

Не умаляя героического в образах русских солдат⁵, Платонов стремится исследовать типичного, обыкновенного героя, каких было много и которые, в конечном счете, решили судьбу Отечества во Второй мировой войне. На это указывает и эпитет «малый (полководец)» в варианте названия, и событийный ряд – в основе рассказа не стратегически важный бой, а незначительный в масштабе войны эпизод: оборона маленькой семидворной деревеньки. Аналогично другой батальный рассказ Платонова – масштабное эпическое полотно, вовлекающее в изображение событий войны комплекс философских тем и мотивов, – называется «Одухотворенные люди (рассказ о небольшом сражении под Севастополем)». Прослеживается тенденция наблюдать великое в малом, акцентирующая внимание не на исключительном герое или событии, а на этико-философском осмыслении сущностного: «тайна родины, тайна поведения человека-солдата, тайна победы».

Центральная тема произведения отражена в названии, под которым рассказ переиздавался в послевоенные годы – «Смерти нет!» (впервые под этим названием рассказ вышел в свет в 1970 году). В таком пунктуационном оформлении название, очевидно, заимствовано из начала произведения, где лейтенант Агеев ведет своих бойцов в атаку с боевым призывом: «Вперед, ребята! Смерти нет!» Оно присутствует и в рукописи Платонова, но без восклицательного знака, и, та-

ким образом, лишено лозунговости. Тема жизни, смерти и бессмертия – вот над чем размышлял Платонов: неслучайно черновой вариант заглавия «Смерти нет!» был подчеркнут им дважды, а следовательно, определен как наиболее подходящий.

Текст, восстановленный по черновику, обнаруживает, что возникший в речи Агеева мотив отсутствия смерти усложняется по ходу повествования, соединяясь с мотивом воскрешения убитых.

«Оборона Семидворья» («Красная звезда»)	«Оборона Семидворья» («Знамя»)	Рукопись
но немцы все еще дышали встречным огнем.	но немцы все еще дышали встречным огнем.	но немцы все еще дышали встречным огнем, напоминая о терпении и бессмертии солдата.
Ничего, сейчас немцы помрут и не воскреснут! – сказал старший лейтенант Агеев.	– Ничего, сейчас они помрут и не воскреснут! – сказал старший лейтенант Агеев [12; 7].	– Ничего, сейчас немцы помрут и не воскреснут! – сказал старший лейтенант Агеев. – Воскреснем мы!
Чего они там залегли! Обрадовались, что смерти нету...	Чего они там залегли! – помирать захотели?.. [12; 8].	Чего они там залегли! Обрадовались, что смерти нету...

«Оборона Семидворья» («Красная звезда»)	«Оборона Семидворья» («Знамя»)	Рукопись
Агеев задумался и тихо произнес своим людям: – Труден наш враг, товарищи бойцы. Смертью он стоит против нас, но мы не страшимся смерти. Надо, главная вещь, не отдать ему своей победы, не уступить по второму разу вот этой нашей деревни и всей прочей родной земли. В нашей земле у нас все хранится – там и отцы лежат, там и плоть наших детей ожидает своей очереди, чтоб родиться на свет и поглядеть на солнце в небе... Приказываю вам – держать здесь оборону, покуда весь немец, который полезет сюда, обратно, не износится об нас.	Он задумался перед фронтом своих людей и тихо произнес: – Труден наш враг, товарищи бойцы. Смертью он стоит против нас, но мы не страшимся смерти. После фашиста мы пойдем против смерти и также одолеем ее, потому что наука и знание будущих поколений получают высшее развитие. Тогда люди будут не такие, как мы, в них от наших страданий зачнется большая душа. Так что смерти нам по этому расчету быть не должно, а случится она, так это мы стерпим! Но для такого дела мало, однако, товарищи, умертвить врага огнем и штыком. Надо, главное, не отдать ему своей победы, не уступить вот этой нашей деревни и всей прочей родной земли. Война без отнятия у врага своей земли что поле без урожая, – нам так нельзя. Приказываю вам – держать здесь оборону, покуда весь враг, который полезет сюда, обратно, не износится [12; 10].	<i>[Он кратко рассказал бойцам план обороны деревни и что для того нужно делать, чтобы враг более никогда не вступил на эту землю.</i> <i>– Трудно корчевать врага с его опорного места, мы такое дело сами вполне переживаем и видим, что оно значит, – говорил старший лейтенант. – Оно берет, это дело, нашу кровь, а иногда в добавление и жизнь. Смерти, понятно, надо остерегаться, хотя, как вы, товарищи и бойцы, сами понимаете, смерть в бою за нашу родину есть праведное].</i> <i>[Потом Агеев задумался и т]</i> <u>Агеев</u> задумался перед фронтом своих людей и тихо произнес <u>им</u>: – Труден наш враг, товарищи бойцы. Смертью он стоит против нас, но мы не страшимся смерти, <u>потому что</u> после <u>немец</u>а мы пойдем против смерти и также одолеем ее. <u>И</u> тому из нас, кто скончается в этой войне за всю судьбу человечества, <u>тому не так долго придется лежать мертвым</u>, потому что наука и знание будущих поколений получают высшее развитие. Тогда люди будут не такие, как мы, <u>а лучше нас</u>, в них от наших страданий зачнется душа, <u>а у нас ее мало. И тогда наш будущий народ воскресит и из самой земли подымет всех своих честных праведников, всех бойцов и тружеников, а также мучеников, чтобы жили они нормально великою вечной жизнью...</u> Так что смерти нам по этому расчету быть не должно, а случится она, так <u>временно</u>, – <u>но это неважно</u>, это мы стерпим, – а смерти нет!.. Но для такого дела мало, однако, товарищи, умертвить врага огнем и штыком. Надо, <u>главная вещь</u>, не отдать ему своей победы, не уступить <u>по второму разу</u> вот этой нашей деревни и всей прочей родной земли. <u>Война без отнятия у врага своей земли, что поле без урожая, – нам так нельзя. В нашей земле у нас все хранится – там и отцы лежат, там и плоть наших детей ожидает своей очереди, чтоб родиться на свет и поглядеть на солнце на небе...</u> Приказываю вам – держать здесь оборону, покуда весь <u>немец</u>, который полезет сюда обратно, не износится <u>об нас</u>...

Нетрудно заметить, что в военных публикациях в начале рассказа этот мотив либо вовсе нейтрализуется, либо значительно смягчается или даже искажается. Так, редакция «Знамени», в одном случае сохраняя слова Агеева («сейчас они помрут и не воскреснут!» [12; 7]), в другом закладывает в них противоположный смысл: солдаты неоправданно рискуют собой не потому, что смерти нет и, следовательно, не нужно ее бояться, а потому, что «помирать захотели».

Наибольшие изменения текст рассказа претерпел в эпизоде, где лейтенант Агеев вдохновляет своих бойцов на бой, рассуждая о смысле жизни и смерти на войне.

Вычеркнутые фрагменты позволяют проследить за ходом мыслей автора при написании этого отрывка. Художественно-философское решение тем жизни, смерти и воскрешения не сразу находит свое выражение в слове и место в тексте рассказа, трансформируясь от плакатных определений («вы, товарищи бойцы, сами понимаете, смерть в бою за нашу родину есть праведное...») в идею о научном воскрешении убитых, имеющую федоровский подтекст. В «философии общего дела» Федорова смерть не является укорененной в самой природе сущего; это источник мирового зла, и прежде всего несовершенства человека. Суть научного воскрешения – «не про-

сто создание прежде живших в их былой материальности, а претворение их природы в высшую» [5; 22]. Герой Платонова, лейтенант Агеев, определяет перспективу идеального будущего как торжество науки, «одолевшей» смерть. В записных книжках Платонов писал с пометкой «очень важно»: «Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших, – лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне, – там убита возможность прогресса» [23; 231]. Фашизм, уничтожающий прогресс человечества, в таком случае оказывается препятствием на пути к личному бессмертию. С этой точки зрения определяется и смысл победы для русских солдат: сохранить мир для лучшей жизни будущего поколения, которое «воскресит и из самой земли подымет всех своих честных праведников, всех бойцов и тружеников, а также мучеников».

Мотив битвы за родную землю обнаруживает в развитии мотива смерти и воскрешения фольклорно-мифологическую семантику. Земля / родина в художественном мире военных рассказов Платонова – мифологический архетип родящей матери (мать-сыра земля в фольклоре, Родина-мать) и одновременно могилы: «В нашей земле у нас все хранится – там и отцы лежат, там и плоть наших детей ожидает своей очереди, чтоб родиться на свет и поглядеть на солнце на небе...» В этом контексте интересна интерпретация мотива самопожертвования / смерти на войне у Платонова А. А. Кретиным: «...солдат на войне жертвует собой = сеет себя в землю, чтобы “вырос”, остался расти народ» [8; 48]. Перерождение солдат для лучшей жизни из земли сродни инициации. Таким образом, в идее защиты Родины от врага прочитывается глубокий смысл: воскрешение убитых, равно как и рождение еще не существующих потомков, призванных осуществить прогресс будущего, будет невозможно, если земля – хранилище живого и мертвого – достанется врагу. Именно поэтому так важно для Агеева отстоять семидворную деревеньку, которая становится символом всей русской земли («не уступить по второму разу вот этой нашей деревни и всей прочей родной земли» – за «незначительный» с рациональной, прагматической точки зрения объект бойцы сражаются уже второй раз).

Идея научного воскрешения была подвергнута сомнению в ряде произведений Платонова конца 1920–30-х годов, в том числе в повествовании о другой войне – гражданской. В повести «Сокровенный человек» с позиции Фомы Пухова раскрывается бессмысленность войны и смерти на войне: «Смерть действовала с таким спокойствием, что вера в научное воскресение мертвых, казалось, не имела ошибки... Пухову это надоело. Он не верил, что если умрешь, то жизнь возвратится с процентами» [20; 79, 80]. В рассказе мотив воскресения также не решается однозначно. Сложность этой темы в философии Платонова отражена в полемике Агеева с бойцом Афониним:

«Оборона Семидворья» («Знамя»)	Рукопись
А если б в два наката строили, тогда бы многие, правда, век тут вековали, а один накат – все на вечность бы легли... – До самого воскрешения убитых, что ль, пока наука за силу возьмется? – Да, до той поры так бы и проспали здесь. Тебе охота? Боец поразмыслил. – Оно бы все равно, раз потом советский народ войдет в свою полную силу и своей наукой нас снова к жизни подымет. А можно и повременить помирать – вдруг потом ошибка случится. – Хватит тебе! – приказал Агеев. – Остановись бормотать. У тебя всегда ум идет, как задние колеса в чумацкой телеге: одно колесо по колее, а другое по целине... [12; 10].	А если б в два наката строили, тогда бы <u>мы</u>, правда, век тут вековали, а <u>в</u> один накат – на вечность бы легли... – До самого [воскрешения] <u>подъема убитых</u>, что ль, пока наука за силу возьмется? – Да, до той поры так бы и проспали здесь. Тебе охота? Боец поразмыслил. – <u>А что ж...</u> Оно бы все равно, раз потом советский народ войдет в свою полную силу и своей наукой нас из земли к жизни подымет. А можно и повременить помирать – вдруг потом ошибка случится. <u>Да так оно должно и будет – ошибка!</u> <u>Агеев разгневался.</u> – <u>Никакой ошибки!.. Человечество есть прогрессивное дело и для него воскрешение мертвых будет нетрудной работой, оно еще и не такое научится творить... ты ничего не бойся, ты не прогадаешь.</u> – <u>Я не боюсь, товарищ командир... А зачем мертвому жизнь?</u> – <u>Ты правду сказал – мертвому жизнь не нужна, он по ней не тоскует. Это нам живым нужно, чтоб мертвые жили опять с нами. Ты чувствуешь, что это правда?</u> – <u>Это я все чувствую, товарищ старший лейтенант, – сказал боец. – У меня расчет точный, я далеко вперед [чувствую] гадаю, и вижу, что доброму не миновать надо быть на всей земле. Ишь и на самом деле нам в пагубе без отпуска жить? Я ведь так соображаю, что пора бы...</u> – Хватит тебе! – приказал Агеев. – Остановись бормотать. У тебя всегда ум идет, как задние колеса в чумацкой телеге: одно колесо по колее, а другое по целине...

Как видно из сравнения вариантов текста, этот спор сохранился в военной публикации «Знамени», но приобрел форму шуточного диалога, тогда как в исходном тексте эта тема получает новый поворот. Боец Афонин недоверчиво относится к фантастическим мечтам своего командира. Просторечная формулировка «до самого подъема уби-

тых» вместо первоначального и привычного для данной темы слова «воскрешение» указывает на то, что научные идеи чужды простому солдату. Афонин, однако, невольно подталкивает Агеева к новой мысли: воскрешение убитых нужно живым, поскольку мертвые «не тоскуют» по жизни. Здесь кроется дорогая Платонову мысль о том, что каждый человек бесценен, поэтому смысл воскрешения – сохранить каждого в его неповторимости: «Умершие [могут] будут воскрешены, как прекрасные, но безмолвные растения-цветы. А нужно, чтобы они воскресли в точности, – конкретно, как были...» [23; 246]. Еще один фрагмент рукописи свидетельствует, что лейтенант Агеев приходит именно к такому пониманию смысла воскрешения:

«Оборона Семидворья» («Знамя»)	Рукопись
Нельзя без них счастливо жить, товарищи. Без них для нас – весь мир сирота. Зачем же нам позволять смерти уносить от нас самое необходимое добро. Это и по-хозяйски плохо. И мы должны сегодня же идти вперед, к высшей, правильной истине, и как можно скорее. Истина же теперь, – я вам это верно говорю, – истина теперь в бою, она есть наша победа, и мы должны ее добыть. Такова наша жизнь и задача! [12; 14]	Нельзя без них счастливо жить, товарищи. Без них для нас – весь мир сирота. <u>И наступит время, должно оно наступить, когда в силу действия науки и ради утешения великого горя человечества, все погибшие праведные люди будут воскрешены из земли к жизни и снова, но зато уж на вечное время они встретят друг друга. Без умерших, товарищи, если они никогда не будут обратно пробуждены жить, люди станут злыми, глупыми и негодными. Разве можно оставлять в прахе наших бойцов и товарищей? В них осталось то, чего именно как раз не хватает в мире и без чего жить нельзя.</u> Зачем же нам позволять смерти уносить от нас самое необходимое добро? Это и по-хозяйски плохо. И мы должны сегодня же идти вперед, к высшей, правильной истине, и как можно скорее. Истина же теперь, – я вам это верно говорю, – истина теперь в бою, она есть наша победа, и мы должны ее добыть. Такова наша жизнь и задача!

Эти слова Агеев произносит в память о четырех погибших товарищах. Каждый павший боец – потеря, которая делает мир сиротой. Эта истина добавляет новый нюанс в осмысление войны и победы: значение победы над фашизмом в том, чтобы мир восполнил свои утраты, без которых «жить нельзя», и оставался целостным.

Эволюция героя достигает кульминации в финале рассказа:

«Оборона Семидворья» («Знамя»)	Рукопись
– Я потом тоже не буду жить, Сычов. Это я хотел, чтобы вы все, чтобы все бойцы жили, чтобы люди одолели смерть. Агеев повернулся лицом к молча смотревшим на него бойцам. И тогда его предсмертный изнемогший дух снова возвысился в своей последней силе, чтобы и в гибели рассмотреть истину и существовать согласно с ней. У него явилось предчувствие, что мир обширнее и важнее, чем ему он казался дотол, и что интерес или смысл человека заключается не в том лишь, чтобы обязательно быть живым; в отречении своем от уходящей жизни Агеев доверчиво закрыл глаза. Из-под века правого глаза у него вышла одна слеза и осохла, а на другую слезу у Агеева уже не было жизни [12; 29].	– Я потом тоже не буду жить, Сычов. Это я хотел, чтобы вы все, чтобы все бойцы <u>воскресли, когда люди одолеют смерть, а мне теперь не нужно жить и я никогда не очнусь.</u> <u>Я сейчас буду с ним.</u> Агеев повернулся лицом к Мокротягову и обнял умершего. И тогда его предсмертный изнемогший дух снова возвысился в своей последней силе, чтобы и в гибели <u>своей</u> рассмотреть истину и существовать согласно с ней. У него явилось предчувствие, что мир обширнее и важнее, чем ему он казался дотол, и что интерес или смысл человека заключается не в том лишь, чтобы обязательно быть живым; <u>поэтому он не хотел более быть воскрешенным и жить повторно в счастливые времена. И в живой жадности к неизвестному, в отречении своем от уходящей жизни</u> Агеев доверчиво закрыл глаза, <u>прижавшись лицом к мертвому другу.</u> Из-под века правого глаза у него вышла одна слеза и осохла, а на другую слезу у Агеева уже не было жизни. – <u>а нам тоже жить после смерти без надобности, товарищ командир.</u> – <u>сказал старшина.</u> – <u>Мы вами и так довольны были. Мы думали, это вам нужно было, чтоб после жить.</u> <u>А народ правду знает – ему бы хоть раз вдосталь подышать на земле и достаточно.</u> <u>Агеев не услышал старшину и не ответил более.</u>

Выделенные фрагменты не только фиксируют изменения, произошедшие в миропонимании Агеева, но и выражают народную точку зрения на вопрос о смерти и бессмертии, которую высказывает старшина Сычов: «Нам тоже жить после смерти без надобности, товарищ командир... Мы думали, это вам нужно было, чтоб после жить, а народ правду знает – ему бы хоть раз вдосталь подышать на земле».

Смысл жизни на войне занимает всех бойцов, и понимают они его как «высшее производ-

ство продукции, а именно смерти врага, оккупанта». Враг в сознании бойцов – неживой, «неодушевленный», его исчисляют в штыках («двадцать пять штыков осталось»), русского бойца – в душах («убито 4 души»). Частотное в творчестве Платонова противопоставление ума и сердца⁷ в военных рассказах получает дополнительную семантизацию: ум, из души и сердца вырастающий, и ум механический (такое понимание ума закреплено в точке зрения бойца Палагина: «...у немца ум заводной, а у нас хоть иногда дурной, да живой»). Врагу отказано в воскрешении («Сейчас они умрут и не воскреснут»), потому что у него, в отличие от русского «одушевленного» воина, «пустое сердце», он не обладает жизнетворной энергией (по наблюдениям А. Кретиной, «русскость» / «немецкость» выражает антиномию «жизнь» / «смерть») [8; 47]).

Этот сюжетный поворот вносит новый смысл в мотивы смерти и воскрешения. Помимо противоречия в понимании воскрешения Агеевым и бойцами, существует еще внутренний конфликт, который представлен образной параллелью героев Агеева и Сычова. Отношение к смерти русского солдата у бойцов оказывается неоднозначным. Сычов – представитель «разумной» точки зрения, он ведет войну «экономически и бережливо»; по его мнению, смерть солдата на войне – норма, но она не должна быть убыточной, напрасной. Иначе думает Агеев: он «чувствовал горе от потери своего бойца всегда: убил ли он перед смертью пятых врагов или никого не убил. Сычов считал лишь дела, а не души, и гибель двоих немцев против смерти одного русского полагал мерой правильной». Конфликт «разумной» и «сердечной» точек зрения обозначен в речи повествователя, и, излагая их, он не делает однозначных выводов. Кроме того, данное противопоставление оказывается усложненным в рукописи рассказа: «Агеев понимал духовный смысл дисциплины и глубокое значение практически ненужных действий». Эта фраза предшествует сцене, в которой Агеев строит своих солдат, чтобы вдохновить их на бой. Дисциплина, равно как и расчетливая, рассудочная позиция Сычова, необходима для победы: «...против такого солдата, который воюет с той же алчной страстью, как копит дом для своего семейства, нету средств победы». Во внутренней речи Агеева эти две позиции примиряются, дополняя друг друга: «...командир почувствовал удовлетворение от того, что он учил и одушевлял своих бойцов, а Сычов чеканил их дисциплиной».

Финал рассказа, однако, расставляет акценты в развитии мотива «смерти нет». Говоря о будущем счастливом мире, Агеев так определяет залог счастья: «Тогда люди будут не такие, как мы, а получше нас, в них от наших страданий зачнется душа, а у нас ее мало». Платонов понимал причины Второй мировой войны расширительно, как проявление «вечной войны». Дневниковые записи 1941–1942 годов свидетельствуют,

что, будучи в центре патриотической, героической войны, писатель напряженно ищет ответ на вопрос о глубинных истоках этой трагедии, выводя ее из рамок противостояния «наших» врагу-захватчику на общечеловеческий этический уровень: «...война может стать постоянным явлением: к<а>к род новой промышленности, вышедшей из двух причин – некоторого свободного избытка производительных сил и “опустошения душ”» [23; 225]. Эту же идею писатель закладывает в мироощущение своего героя в раннем рассказе «Крестьянин Ягафар»: «Бабай чувствовал нарастающее всемирное зло по людям, по томлению их мысли, по содроганию их тихих сердец, все более скупое берегущих свое счастье...» [19; 37]. Данная мысль прочитывается и в указанном фрагменте «Обороны Семидворья», который по очевидным причинам был вырезан из публикации «Красной Звезды» и принципиально изменен редакцией «Знамени» на «в них от наших страданий зачнется *большая* душа» [12; 10]. Редакция журнала не могла допустить двусмысленности, которая подразумевала, что сейчас душа – в том значении, которое закладывал в это слово Платонов, – в людях отсутствует, неслучайно в рукописи есть приписка к основному тексту: «Тогда люди будут не такие, как мы, а **получше нас**».

Гибель Агеева становится катализатором рождения души в Сычове, который раньше равнодушно принимал смерть, если она была полезной для победы: «...он не мог стерпеть в себе грустной любви к умершему, которой он прежде не чувствовал». Конфликт «разумной» и «сердечной» точек зрения разрешается к финалу рассказа в пользу «сердечной» («осердечивания ума»). В пятой главе Агеев высказывает новую мысль о воскресении умерших: «...лишь бы нам сберечь от врага наш народ, а в нашем народе есть сердце, и в нем будет память о нас». В. М. Акимов отметил: в военной прозе Платонова «мысль народная не только важнейшая... но и выражена с большой силой и оригинальностью» [1; 9]. В финале рассказа оформляется собирательный образ народа с единым сердцем, которое через свойство вечной памяти становится залогом бессмертия павших. Мечта о научном воскрешении, отрицание смерти оборачиваются в сознании героя доверием к смерти, христианским смирением: «Агеев доверчиво закрыл глаза, прижавшись лицом к мертвому другу». Единение Агеева с мертвым другом, выраженное последним жестом умирающего, а также сцена прощания солдат с погибшим командиром, в которой «каждый человек поцеловал скончавшегося», подчеркивают христианский, народный смысл смерти. Этот аспект в развитии данного мотива отмечает И. А. Спиридонова: «...тема смерти осмысливается как преображение, открытие-обретение главной жизни. В основе ее – христианское понимание вечности, нетленности “одухотворенной” истиной человеческой души»

[26; 86]. В русле христианской этики по ходу повествования меняется и отношение к умершему врагу. Показателен здесь фрагмент, который также отсутствует в журнальной и газетной версиях рассказа: «Мокротягов стер ветошкой липкую чужую сырость со своего штыка и внимательно посмотрел на него: **штык видел внутренности человека, а Мокротягову видеть их не пришлось; однако Мокротягову интересно было увидеть внутренности – как они там действуют, когда бывают живые**». Если первая часть этой цитаты соответствует изначально заданному на лексическом и сюжетном уровне представлению о враге как о чужеродном неодушевленном предмете – «липкая чужая сырость», то вторая обнаруживает, что после смерти враг также становится человеком. Смерть уравнивает всех павших, и эта мысль выводит мотив бессмертия из рамок оппозиции «свои – чужие»⁸.

«Назначение литературы нашего времени, времени Великой Отечественной войны, это быть вечной памятью о поколениях нашего народа, сберегших мир от фашизма и уничтоживших врагов человеческого рода... Остающиеся жить обязаны вечной памятью по ушедшим из

жизни героям, потому что живые сохранены подвигом тех, кто погиб...» [23; 279] – эту идею Платонов стремился воплотить практически в каждом произведении о войне. Сохранить память о погибших, рассказать о «народной войне» устами народа, передать мироощущение самих сражавшихся – это стремление писателя заложено уже на уровне структуры произведений о войне⁹. Поместив в центр рассказа рефлектирующего героя, глазами которого показаны события, писатель тем не менее не закрепляет за ним основную позицию. Повествовательная структура рассказа полисубъектна. Идейный замысел произведения раскрывается во взаимодействии и пересечении многих субъектных позиций, выражающих разные, часто противоположные точки зрения. Повествовательная стратегия автора такова, что развертывание разных точек зрения в композиции рассказа, с одной стороны, четко определяет авторский замысел, но с другой – не допускает смысловой однозначности. Однако эта сложная, многоголосная структура повествования была сильно искажена в публикациях военного времени, что неминуемо привело к обеднению художественной природы рассказа и его идейно-философского содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В 1942 году Платонов отправился на фронт в качестве корреспондента «Красной звезды» и был демобилизован в 1945 году из-за тяжелой болезни. Он прошел вместе с Красной армией по ведущим фронтовым направлениям и всюду стремился быть как можно ближе к простому солдату. Записные книжки 1942–1945 годов пестрят зарисовками из солдатского быта, именами бойцов, которых писатель встречал на фронте, фрагментами запомнившихся высказываний и диалогов. «Я старательно вникаю в войну, вижу много людей, целый день занят, много хожу» [19; 544], «здесь совсем другая жизнь, я впитываю ее в свою душу», – делится он с женой Марией Александровной [19; 546]. В фронтовых письмах к жене Платонов фиксирует значение этого трагического, но бесценного опыта: «...я видел тут огромные бои, многое пережил, многое видел прекрасного в наших солдатах, многое понял, чего прежде не понимал» [19; 564].
- ² Из 36 очерков и рассказов, изданных в годы войны, 19 публикаций приходится на «Красную Звезду» и 5 (с учетом повторных публикаций рассказов «Одухотворенные люди» и «Смерти нет!») – на «Знамя». Подробно о динамике и статистике публикаций произведений Платонова в военное время см. [2; 408–432].
- ³ При цитировании фрагментов рукописи в основу транскрибирования авторского текста были положены принципы, предложенные В. Вьюгиным на основе обобщения существующей практики в текстологическом изучении художественного наследия Платонова [4], а именно: 1) окончательный вариант текста передается прямым шрифтом; 2) текст, отвергнутый (зачеркнутый) автором, передается *[курсивом в квадратных скобках]*; 3) написанный взамен вычеркнутого или добавленный в качестве вставки текст передается **полужирным** начертанием. В таблицах, где сравниваются варианты текста, опубликованного в военной периодике и обнаруженного в авторской рукописи, отсутствующий в военных изданиях текст подчеркивается сплошной чертой.
- ⁴ Текст рукописи здесь и далее, в таблицах и основном тексте, цитируется по [11] без ссылки на лист.
- ⁵ Этот пафос определялся самим предметом изображения: освободительная патриотическая война создавала и обнаруживала героические характеры. «Русский солдат для меня, – святая, и здесь я вижу его непосредственно. Только позже, если буду жив, я опишу его», – признается Платонов в письме жене [19; 560]. Та же мысль в дневниковых записях: «В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый или ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие» [12; 280].
- ⁶ В варианте «Красной звезды» этот фрагмент отсутствует вовсе.
- ⁷ О разных художественных воплощениях концептуальной параллели «ум – сердце» см. [6], [10], [25], [27].
- ⁸ О размыкании оппозиции «свои – чужие» на разных уровнях структуры произведений Платонова: от словосочетания и тропа до сюжетных единиц текста см. [26].
- ⁹ О драматическом принципе организации сюжета в рассказе «Одухотворенные люди» см. [28]. Анализ повествовательной структуры «Обороны Семидворья» подтверждает полифоническую природу малой эпической формы у Платонова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов В. М. «Солдат начинается с думы об отечестве» (Военная проза Андрея Платонова) // Платонов А. Одухотворенные люди. М.: Правда, 1986. С. 3–14.
2. Антонова Е. Андрей Платонов в 1942–1945 гг. // Архив А. Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 408–432.
3. Вьюгин В. Ю. Повесть А. Платонова «Строители страны». К реконструкции произведений // Из творческого наследия русских писателей XX века: М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов. СПб.: Наука, 1995. С. 309–391.

4. Вьюгин В. Теория и практика публикации рукописей: к проблеме транскрибирования платоновских текстов // «Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества. Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 473–491.
5. Гачева А. Г. Философия воскрешения Н. Ф. Федорова // Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 5–33.
6. Дырдин А. Потаенный мыслитель. Творческое сознание Андрея Платонова в свете русской духовности и культуры. Ульяновск: УлГТУ, 2000.
7. Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 3–32.
8. Кретилин А. А. Мифологический знаковый комплекс в военных рассказах Андрея Платонова // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн. 2. СПб.: Наука, 2000. С. 41–57.
9. Лукин. «Неясная мысль» // Правда. 1943. 8 июля. С. 3.
10. Михеев М. Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М.: Изд-во МГУ, 2002. 407 с.
11. Платонов А. Оборона Семидворья // Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 62. 184 л.
12. Платонов А. Оборона Семидворья // Знамя. 1943. № 5–6. С. 7–29.
13. Платонов А. Оборона Семидворья // Красная звезда. 1943. 26 мая.
14. Платонов А. Оборона Семидворья // Одухотворенные люди: Военные рассказы. М.: Воениздат, 1963.
15. Платонов А. Оборона Семидворья // В прекрасном и яростном мире: Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1965.
16. Платонов А. Смерти нет! (Оборона Семидворья) // Смерти нет!: Рассказы. М.: Сов. писатель, 1970.
17. Платонов А. Из писем и записных книжек // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Сов. Россия, 1985.
18. Платонов А. Оборона Семидворья // Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1985.
19. Платонов А. Крестьянин Ягафар // Одухотворенные люди: Рассказы о войне. М.: Правда, 1986. С. 37–47.
20. Платонов А. Смерти нет! (Оборона Семидворья) // Одухотворенные люди: Рассказы о войне. М.: Правда, 1986.
21. Платонов А. Сокровенный человек // Платонов А. Вся жизнь. М.: Патриот, 1991. С. 21–91.
22. Платонов А. Смерти нет! (Оборона Семидворья) // Иван Великий: Рассказы о войне. М.: Сов. писатель, 2000.
23. Платонов А. Записные книжки. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 422 с.
24. Платонов А. Письма 1942–1945 гг. // Архив А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 534–578.
25. Семенова С. Россия и русский человек в пограничной ситуации: Военные рассказы Андрея Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: Наследие, 2000.
26. Спиридонова И. А. «Внутри войны» (поэтика военных рассказов А. Платонова). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 212 с.
27. Спиридонова И. А. О природе «сокровенного» в творчестве А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2005. Вып. 7.
28. Спиридонова И. А. Рассказ Платонова «Одухотворенные люди»: текст и контекст // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 4. СПб.: Наука, 2008. С. 217–233.
29. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.

УДК 002.2(091)

ТАТЬЯНА ВЛАДЛЕНОВНА НИКУЛИНА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
nikulina50@bk.ru

ЛЮДМИЛА СТАНИСЛАВОВНА ХАРЕБОВА

хранитель фондов музея-заповедника «Кижь»
harebova@mail.ru

ВАЛЕНТИНА АНДРЕЕВНА ТЕРЕ

студентка 5-го курса исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
valentinary@mail.ru

О ЗАПИСЯХ В СТАРОПЕЧАТНЫХ КИРИЛЛИЧЕСКИХ КНИГАХ XVII ВЕКА

Статья посвящена обзору информационного пространства, представленного записями, сделанными держателями и владельцами на страницах старопечатных кириллических книг XVII века, находящихся в фондах Республики Карелия. Статья составлена по материалам готовящегося сводного каталога книг кириллической печати Республики Карелия.

Ключевые слова: книги, книгопечатание, старопечатные книги, кириллическая печать, кириллические издания, записи в книгах

Ресурсы Республики Карелия (РК) располагают обширной источниковой базой в области книжности. Для ознакомления с кириллическими старопечатными книгами¹ исследователи могут использовать как электронные ресурсы, так и печатные каталоги книжных коллекций. Первый в республике справочник по книжному собранию был издан в 1997 году. Это каталог коллекции рукописей и книг кириллического шрифта Карельского краеведческого музея [7]. Национальная библиотека РК и Научная библиотека ПетрГУ предоставляют пользователям возможность получить полную информацию о коллекциях редких книг на своих сайтах [9], [10]. С фондовым собранием книг кириллической печати музея-заповедника «Кижь» можно ознакомиться как в печатном, так и в электронном виде [12], [13].

Все вышеописанные материалы в настоящий момент используются для составления сводного каталога старопечатных книг Карелии. Инициировали его создание сотрудники Национальной библиотеки РК, разработав в 1990-х годах программу «Старопечатные издания в фондах хра-

нилищ Карелии». В рамках проекта в Петрозаводске были выявлены 6 государственных хранилищ, имеющих книжные памятники: Национальный архив РК, Научная библиотека ПетрГУ, музей-заповедник «Кижь», Национальная библиотека РК, Карельский государственный краеведческий музей, Музей изобразительных искусств РК. Коллекции кириллических изданий имеются в муниципальных краеведческих музеях районных центров республики (Беломорск, Олонец, Пудож, Кемь, Медвежьегорск) и в Валаамском музее-заповеднике.

В совокупности собрание старопечатных кириллических изданий в республике насчитывает около 400 экземпляров книг. В данной статье круг рассматриваемых книжных памятников будет сужен с целью обзора имеющихся фактов, зафиксированных на листах книг. Рассмотрим книги, вышедшие из печати в XVI–XVII веках: 4 из них были изданы в XVI веке, 100 – в XVII. В основном это издания, относящиеся к богослужебной литературе: Евангелия, Апостолы, Псалтыри, Минеи, Прологи, Требники и пр. Каждая из книг несет

в себе многообразие исторической информации, помимо данных, непосредственно опубликованных в тексте. На листах книг исследователь встречает множество различных записей и помет, которые позволяют проследить судьбу книги.

Экземпляр Бесед Иоанна Златоуста, хранящийся в Карельском краеведческом музее (издание 1623 года типографии Киево-Печерской лавры) [3], в 1692 году пожертвовал в Спасо-Преображенский Кенский монастырь в Каргопольском уезде московский подьячий Никифор Дмитриев, о чем свидетельствует вкладная запись в книге, сделанная каллиграфическим полууставом самим дарителем: «Сию святую книгу, имянуемую Беседы апостольские, дал в дом боголепного Преображения Спасова в монастырь, имянуемый Кенский, что в Каргопольском уезде на реке Кене с Москвы Новгородского приказу подьячий Никифор Дмитриев сын Ключарев за себя вкладу лета 7200-го (1692) году апреля в 2 день а подписал сию книгу я Никифор своею рукою». Позднее, в XIX веке, книга попадает в Александро-Свирский монастырь. Этот вывод можно сделать на основании записи, сделанной другим почерком гражданской скорописью: «Из Александро-Свирского монастыря взята сия книга — нужно по времени опять туда и отдать»². Еще один период «биографии» рассматриваемого экземпляра кириллического издания связан с собранием Олонецкого губернского церковно-исторического музея, что также подтверждается пометой на бумажном ярлыке, приклеенном к корешку книги.

В 1903 году в Петрозаводске при Олонецкой епархии был образован музейный фонд, получивший название Древлехранилища [6]. Олонецкое епархиальное церковное древлехранилище, основанное при православном Братстве преподобного Александра Свирского, размещалось в «Назарьевском доме»³. К тому времени в Петрозаводске уже существовал Олонецкий губернский естественно-промышленный и историко-этнографический музей, основанный в 1871 году. Этот музей обладал и художественными коллекциями, главным образом связанными с культурным наследием старообрядчества. Однако значительная часть древностей находилась тогда в отдаленных сельских храмах епархии [11]. Бытование книг в Олонецком церковно-историческом музее — это целый этап в истории республиканского книжного собрания. Всего

среди книг кириллической печати XVI и XVII веков упоминание о принадлежности к фонду Олонецкого музея имеется в 13 экземплярах. На листах изданий читаются многочисленные владельческие записи, с помощью которых фиксировался факт принадлежности книги конкретному лицу или храму. Благодаря подобной традиции книжные страницы сохранили и донесли до наших дней фамилии представителей церковного клира, дворянских и купеческих родов, грамотных крестьян и посадских людей. Например, в Псалтыри с воследованием из собрания музея-заповедника «Кижи» [4] мы встречаем многочисленные записи о фактах биографии членов рода Вышеславцевых: «...708 года февраля в 8-й день сочетался браком Михайло Петрович Вышеславцов на память святого великомученика Феодора Стратилата»; «199 [1690] года февраля против третьяго числа родился Михайла Петрович Вышеславцев, а тезоименитство февраля в 14-й день»; «В сий день убит Петр Василевич Вышеславцев от шведов в... бою»⁴. Таким образом, информация, содержащаяся в записях на страницах старинных изданий, является и ценным генеалогическим источником.

Рассмотрение сословного состава авторов записей позволяет частично сформировать образ древнерусского читателя. В частности, можно выделить несколько групп: священнослужители («Сия книга евангелие толковое печатное... Дмитриевского попа Тимофея... сына попова Вобласова» [5]); дворяне (примеры записей см. выше); мещане («Сия книга кемского мещанина Андрея Поткова...» [1]); посадские люди («Лета 7193 [1685] году марта в 25-й день Еренского городка посадской человек Семен Матфиев сын Наумовых положил сию книгу... Апостол того ж Еренского городка... в Сойгинской монастырь...» [2]); крестьяне («Верховская волости дворцовова крестьянина, а подписал Иван Тошаев своей рукой» [2]).

Разнородность социального состава держателей книжных коллекций говорит о широком распространении книжной продукции в XVII веке, что еще раз подтверждает то, что данный период был расцветом книгопечатания на Руси и временем подъема русской культуры.

Информационное поле, представленное в записях на страницах старопечатных книг, огромно по своему объему и ждет дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данный термин применим к книгам, вышедшим из печати до 1830 года.

² Обе упомянутые в записях обители были основаны в конце XV века. Кенский монастырь находился в 138 верстах от г. Пудожа, на левом берегу р. Кены, основан игуменом Пахомием, учеником преп. Александра Ошевенского. Троицкий Александра Свирского мужской монастырь основан преп. Александром Свирским. Он находится у деревни Старая Слобода в Лодейнопольском районе Ленинградской области в 260 км от Санкт-Петербурга. По описи 1766 года, в книгохранилище Пахомиевой Спасо-Преображенской Кенской мужской пустыни находилось около 100 книг. Это подтверждает, что монастыри были центрами книжности и духовности средневекового Севера (см. [8]).

³ Назван в честь епископа Назария, бывшего на Олонецкой кафедре с 1897 по 1901 год.

⁴ Дворянский род, восходящий ко 2-й половине XV века. В XVI и XVII веках многие из Вышеславцевых были воєводами, московскими дворянами, стольниками и стряпчими, владели поместьями в Тамбовском и Московском уездах. Потомство Василия Сергеевича Вышеславцева, жалованного в 1675 году «за многие службы» поместным и денежным окладами, записано в родословных книгах Тамбовской, Пензенской и Московской губерний.

ИСТОЧНИКИ

1. ГКМ–6211. Псалтырь. М.: Печатный двор, 1622.
2. КГМ–13737. Иоанн Златоуст. Беседы на деяния апостолов. Киев: Тип. лавры, 1624.
3. КГМ–15848 Кс–108. Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий ап. Павла. Киев: Тип. лавры, 1623.
4. Кижи. КП–6015. Псалтырь с воследованием. М.: Печатный двор, 1640.
5. НА РК 39/35. Евангелие учительное. Заблудов: Тип. Г. А. Ходкевича, 1569.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

6. История Олонецкого исторического музея: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://artmuseum.karelia.ru/history/ins1.shtml>.
7. Коллекция рукописных и печатных книг кирилловского шрифта: Каталог / Сост. Н. М. Панова; Карельский гос. краеведческий музей. Петрозаводск, 1997.
8. Макаров Н. А. Пахомиева Спасо-Преображенская Кенская мужская пустынь // Святые и святыни северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 156–161.
9. Научная библиотека ПетрГУ: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.petrus.ru/rarebook/news.html>.
10. Национальная библиотека РК: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.karelia.ru/cgi-bin/monuments/index.cgi>.
11. Платонов В. Забытый музей // Русское искусство: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russiskusstvo.ru/authors/82/>.
12. Харебова Л., Шилов Н. Книги кириллической печати в фондах музея-заповедника «Кижи»: Каталог. Петрозаводск, 2005. 152 с.
13. Харебова Л., Шилов Н. Книги кириллической печати в фондах музея-заповедника «Кижи»: Каталог: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/collection/catalogs/oldbook>.

УДК 94 (47) "17/1917"

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ПОБЕЖИМОВ

соискатель сектора истории Института языка, литературы
и истории, Карельский научный центр РАН
andrei-pi@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ПУТЕЙ В ПООНЕЖЬЕ

В статье определяются маршруты древних водно-волоковых путей в Поонежье. Приводятся дополнительные доказательства существования и использования уже известных по источникам волоков, реконструируются места ряда путей местного значения, прежде не привлекавших внимания исследователей.

Ключевые слова: Русский Север, историческая география, Поонежье

Определение возможных маршрутов, по которым проходило освоение западной части Русского Севера, является важной задачей, без решения которой невозможно ответить на вопрос о том, как происходило формирование русского населения на этой обширной территории. Под понятием «колонизация» понимается «массовое крестьянское переселение», «процесс расширения этнической территории» [8; 52].

Информация о многих путях не встречается в письменных источниках, и единственным свидетельством их былого существования могут служить топонимические данные, различные исторические, географические и этнографические сведения XIX–XX веков. «При первом взгляде на карту становится ясно, что только реки могли быть в XIV–XVI вв. дорогой, по которой устремился поток новгородских колонистов. Тележных дорог не было. Для того чтобы перебраться из бассейна одной реки в другую, приходилось переходить сузём (лесной водораздел) волоком» [8; 43].

Путь новгородцев с юга на север шел по рекам Волхов и Свирь в Онежское озеро. Дальше

было несколько путей. Первый из них лежал севернее – по р. Водле до р. Мышья Черева, и через оз. Волошово, или Волоцкое, и Кенозеро выходил к р. Онеге [22; 91]. В Писцовых книгах Обонежской пятины путь к Онеге назывался «Волочок Кемской» и считался старой дорогой: «...в гости тою дорогой ныне не ездят – ездят новою дорогой» [2; 177]. «Новой дорогой», по мнению А. Н. Насонова, был вытегорско-каргопольский путь. Далее вниз по Онеге и по р. Моше путь уходил в сторону Вельско-Важского края, а ниже по Онеге через волок, соединяясь с рекой Емцой, направлялся в Северную Двину. Кроме того, по р. Онеге он шел к Белому морю [22; 91].

Второй путь проходил через р. Вытегру, впадающую в Онежское озеро, «затем волоком на озеро Лаче и оттуда Каргополом на Онегу» [8; 44]. Остается выяснить, где проходил этот волок. В подобных случаях можно использовать результаты современных топонимических исследований, в которых предпринимается попытка выявить древние топоосновы со значением 'путь, дорога, волок'. Одним из таких топонимических маркеров водно-волоковых путей яв-

ляется топонимическая основа ухт-, для которой реконструировано значение 'волок' [20; 213]. Она присутствует в целом ряде гидронимов, в том числе в названии р. Ухта. В самом верховье р. Ухта практически смыкается с р. Чемсора, которая относится к бассейну Онежского озера (рис. 1). По мнению И. И. Муллонен, в пользу данного предположения свидетельствует то, что в этом месте по предполагаемому волоку проходит сухопутная дорога [20; 210].

Другим примером, где основа ухт- указывает на водораздельные волоковые объекты, является Ухтомский волок в Белозерье, который активно использовался древнерусским населением в XI–XIII веках [14]. Он разделяет две реки с основой ухт-: Ухтому, которая течет из оз. Волоцкого в Белое озеро, и Ухтомицу, вытекающую из оз. Долгое в оз. Воже (бассейн р. Онеги).

Далее из оз. Воже маршрут древнерусской колонизации, по всей видимости, проходил по р. Свидь в озера Лача и Онегу (рис. 1). Казалось бы, здесь ситуация понятна, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что участок р. Онеги от самого верховья до устья р. Волошки на протяжении 30 км представляет собой серию сплошных порогов, река в этих местах извилистая, узкая, с высокими берегами, и только за устьем р. Волошки Онега становится спокойной [10; 77]. Поэтому не исключено, что путь из оз. Лача в Онегу мог иметь обходной вариант, возможно, по одному из притоков оз. Лача – р. Кинеме. В верховье р. Кинема очень близко подходит к р. Волошке. Скорее всего, именно в этом месте, через болото Кинемская Чисть, и пролегал волок, соединяющий две реки (рис. 1). Кроме того, через р. Лейбушу р. Кинема соединялась с реками Волошкой и Онегой. Благодаря этому обстоятельству еще в конце XIX – начале XX века она имела важное хозяйственное назначение: по реке и ее притокам сплавлялся лес до оз. Лача и по Онеге к Архангельскому порту [13; 27].

В новгородский период освоения Севера эти водные артерии активно использовались, вначале, видимо, в промысловых целях, а впоследствии русским крестьянством Белозерья в освоении территорий верховья Онеги и бассейна р. Волошки. В данном случае весь водно-волоковый путь от оз. Вожа до устья р. Волошки и Онеги сопровождается названиями болот с термином «чисть» (Долгая Чисть, Свидская Чисть, Средчисть, Еломенская Чисть, Кинемская Чисть, Камская Чисть). Примечательно, что в среднем и верхнем течении р. Волошки подобная топонимическая модель полностью отсутствует и вновь появляется на участке, где река сближается с верховьем Кинемы. Отсюда и до устья Волошки количество наименований болот с термином «чисть» снова возрастает (Малошальская Чисть, Новочисть, Большая Чисть) (рис. 1).

По определению Ю. И. Чайкиной, «чисть – это моховое болото, не заросшее лесом» [28; 21]. Уже в XV веке слово «чисть» отмечено в документах

Рис. 1. Охтомский волок

Ферапонтова монастыря и писцовых книг города Белозерска. В это же время оно присутствует в псковской деловой письменности и не используется в письменных источниках других районов России [28; 21]. Ю. И. Чайкина делает предположение, что слово «чисть» было привнесено в среднее Белозерье выходцами из новгородских и псковских земель уже в XV веке или значительно раньше. Ареал распространения этого древнерусского термина помечает один из путей новгородской экспансии восточного побережья оз. Воже, Лача, верховья Онеги, среднего и нижнего течения р. Волошки.

В устье р. Волошки писцовые книги второй половины XVI века фиксируют одну из самых крупных в верховье Онеги Устьволжскую волость с 35 деревнями, с характерным для Белозерья середины XVI века набором отчеств и прозвищ (Белава, Усачевы, Онишины, Шушерины, Пироговы, Махонины, Останины, Сапулины, Костины, Левины, Климовы, Ларины) [7; 370–378], [6; 184–204]. Идентичность в антропонимии двух регионов – это еще один фактор, свидетельствующий в пользу связей с Белозерьем.

К востоку от оз. Лача и р. Волошки мы вновь сталкиваемся с крупным водным объектом с основой ухт- или охт-. Речь идет о реке Охтомица (правый приток Волошки). Его географическое расположение позволяет предположить, что он должен был использоваться как средство сообщения в разные периоды истории. Впадая с востока в Волошку (крупная водная магистраль из Белозерья в Онегу), р. Охтомица в своем истоке практически соприкасается с началом р. Вель, которая, в свою очередь, вместе с р. Вагой входит в водную систему Северной Двины. В данном случае река Охтомица как приток Волошки была звеном этого важного водно-волокового пути из Белозерья в Северную Двину. Он мог выглядеть следующим образом: Белое озеро – р. Свидь – оз. Воже – оз. Лача – р. Онега – р. Кинема – р. Лейбуша – р. Волошка – р. Охтомица – р. Вель – р. Вага – р. Северная Двина (рис. 1).

В районе устья р. Охтомицы, где, судя по писцовым книгам середины XVI века, находилась

самая многочисленная группа деревень волости Охтомица [7; 383–386], встречается несколько названий болот с термином «чисть», также наблюдается скопление названий с древнерусским суффиксом -ец, -ица (Пелевица, Вохтомица, Полошица, Котовица, Пертовец, Пеноватица) (рис. 1). Этот суффикс, по мнению А. К. Матвеева, характерен для территорий раннего освоения древнерусским населением и является древненовгородским. Названия с этим суффиксом могут считаться архаичными [17; 67].

В бассейне р. Охтомицы есть два географических объекта, в названии которых содержится прямое указание на существующий в этом месте путь. В устье р. Охтомицы расположено Маткозеро (приб.-фин. *matk* ‘путь’), а в самом верховье, там, где, вероятно, проходил волок от верховья Охтомицы и оз. Вельское к верховью Вели, – ручей Матка (рис. 1). Подобное расположение гидронима с прибалтийско-финской основой *matk-* на сухопутном участке водно-волокового пути свидетельствует о том, что волок «использовался в прибалтийско-финское время» [20; 212]. В этом контексте следует отметить особенность размещения топонима с основой *matk-* рядом с поселениями в верховье реки Охтомицы, в районе, который в писцовых книгах называется «Валдиево» [7; 383–386] (рис. 2). В основе данного ойконима лежит древний прибалтийско-финский антропоним *Vald* (приб.-фин. *vald* ‘сила, мощь, господство’) [19; 94].

Рис. 2. Беричевский волок

Рис. 3. Поморский волок

Вернемся к «Кенскому волоку», где в районе Кенозера начинался другой водно-волоковой путь в Устьмошу и низовье Онеги. Преимущественно он был водным и проходил через р. Почу и оз. Поча, откуда вытекала р. Ундоша. Первая часть пути завершалась в Ундозеро (рис. 3). От Ундозеро, по реке Иксе, с одной стороны, он уходил на восток, в район Устьмошского стана к современному поселку Оксовский (рис. 2). На север, по существующей системе рек и озер (Ундозеро – р. Енза – Ензозеро – р. Плоская – оз. Плоское – р. Черневка – оз. Черневское – р. Межозерка – оз. Межозерское) он, по всей видимости, сообщался сухопутным волоком с южной частью оз. Кожезеро, а по р. Коже – с р. Онегой (рис. 2).

Подтверждением того, что в этом месте когда-то проходил путь, является сам факт существования гидронимов Кожеозеро и Кожа. И. И. Муллен отмечает, что подобные топонимы, как правило, являются наименованиями верхних водных объектов, но существует еще одна особенность, объединяющая упомянутые гидронимы, – прохождение через них водно-волоковых путей, соединяющих различные водные системы [20; 293]. По всей видимости, он являлся более труднодоступным, чем «Кенский» волок, но многочисленность древнерусской топонимии в районе бассейна рек Ундоша, Икса, Кожа и оз. Ундозеро показывает, что этот водно-волоковый путь был задействован на ранних этапах колонизации Севера. В этой связи стоит отметить большое скопление топонимов с древненовгородским суффиксом -ица, -ец, которые «помечают путь новгородского продвижения на восток и северо-восток» [20; 75]. В основном они встречаются в районе рек Ундоша, Икса и оз. Ундозеро (Тоновец, Треугольница, Еловец, Сосновец, Каливец, Бобровец, Тугаринец, Шортомец, Кривец) (рис. 2). Другим признаком использования данного водно-волокового пути древними новгородцами является распространенность в бассейне р. Ундоши русскоязычных названий с древненовгородской основой острец-, остреч- – ‘окунь’ (Остричное, Острочиное, Большое Острочиное, Малое Острочиное) (рис. 3). Они повсеместно

Кроме того, р. Шелекса сама являлась доступной водной артерией для проникновения на территории, лежащие к северу от бассейна Емцы. В своем верховье она соединяется трехкилометровым волоком с системой водоемов: Торосозеро – р. Сухая – оз. Долгое – Тегрозеро – оз. Белое – оз. Карасево – оз. Андреяновское и, таким образом, близко подходит к бассейну р. Кодина, сообщаясь с ней сухопутным волоком (рис. 4).

Использование этих сухопутных и водных путей в прошлом согласуется с картиной расселения в середине XVI века. Современные населенные пункты Улитино, Ярнема, или Погост (так называет эту территорию местное население), входили в состав самой южной и крупной в низовье Онеги волостки – Ордомский погост (35 деревень) [4; 414–420]. Здесь заканчивались сухопутные пути – с запада из густонаселенного Устьмошского стана, свидетельство о котором есть в грамоте князя Святослава за 1136 год, где говорится о новгородском становище «на Волоци в Моши»; «другой Моши, кроме втекающей в Онегу, мы не знаем», – пишет А. Н. Насонов [22; 92], и с востока, где на месте п. Савинский писцовые книги середины XVI века отмечают волоку на реке Шелексе (10 деревень) [7; 420–422]. Ранее, в середине XIV века, эти земли под названием «Шастозеро» были включены в «Список Двинских земель» [24; 26]. В документе, видимо, идет речь именно о волостке Шелекса. В «Платежной книге Каргопольского уезда» середины XVI века говорится: «...в волостке Шелекса на речке на Емце и на Шестове озере» [5; 420–421]. И наконец, в верховье Шелексы, на Щукозере, письменные источники упоминают д. Щукозеро [1; 98–99], а к северо-западу от него, на р. Кодина – волостку Поле (4 деревни) [7; 472–473]. Возможно, в результате переселения крестьянских родов из устья Шелексы в бассейн Кодины к середине XVI века в волостках Шелекса и Поле сложился сходный «фамильный» состав. В волостке Шелекса в числе деревень, названия которых имеют антропонимическое происхождение, писцовые книги называют Князевскую и Носковскую Скомороховскую [7; 420]. Наиболее распространенными прозвищами в волостке Поле были Носковы и Князевы [7; 472], [1; 93].

Сведения о д. Щукозеро и проходившем через нее волоке под названием «Щукозерская дорога» мы находим в «Купчей» за 1550 год, где говорится о продаже турчасовцем Василием Тимофеевым владений своего отца в «Польском усолье», состоявших из варницы и участка леса по Щукозерской дороге вверх по р. Курусе [1; 98–99]. Таким образом, можно предварительно определить месторасположение «Щукозерской дороги». Под «Польским усольем» понимается территория соляных разработок в волостке Поле на р. Кодина (правый приток р. Онеги [7; 472–473]). На современных топографических картах р. Куруса является южным притоком Кодины, а в настоящее время заброшенная деревня Щукозеро, чьим именем и была названа эта дорога, на-

ходится в 30 км к юго-востоку от современной д. Поле на р. Кодина (Онежский район, Архангельская область) (рис. 4).

С юго-востока, рядом с д. Поле, где заканчивается «Щукозерская дорога», в р. Кодина впадает Матручей. Далее к юго-востоку можно отметить два русскоязычных гидронима: оз. Дорожное и ручей Дорожный (рис. 5), происхождение которых, видимо, связано с русскоязычным периодом истории населения низовья Онеги. Не исключено, что перед нами классическое переводное название (калька) в прошлом прибалтийско-финского топонима с основой *matk-*. Данный путь, вероятно, уже существовал в более древние времена и использовался местным прибалтийско-финским населением Поля и Щукозера. А. К. Матвеев отмечает в районе населенного пункта Поле много субстратных названий урочищ, «которые в старину, видимо, были местожительством чуди, впоследствии обрусевшей» [18; 84]. Сегодня рядом с деревней Поле еще сохранились полуразрушенные дома деревни с названием Каломинка. Ойконимическое название имеет прибалтийско-финское происхождение, в котором второй элемент -мина восходит к *-niemi* – ‘мыс’, а в первом может скрываться *kala* – ‘рыба’. Писцовые книги середины XVI века среди деревень волостки Поле называют заброшенные в то время поселения, одно из которых – «селище, что была деревня Нахоикола», в другом варианте – «Хаикола» [7; 473], [5; 273]. В названии вычленяется прибалтийско-финский ойконимный суффикс *-la*, присоединенный к карельскому антропониму Хайко, Хайкой. L-овая модель, как правило, указывает на раннее происхождение ойконима [20; 243].

«Щукозерская дорога» сохранилась до наших дней и представляет собой «зимник», непригодный для большинства видов автомобильного транспорта. Начинается она примерно в километре от деревни Поле и помимо Щукозера пересекает две ерени – Усолье, по словам местных жителей, – бывшая Курсановская, а в писцовых

Рис. 5. Щукозерский волок

книгах середины XVI века – Куруса Каневская [7; 472], и нежилую деревню Чюново (рис. 4). Сложно сказать, какую протяженность имела «Щукозерская дорога» в середине XVI века. Не исключено, что она начиналась в деревне Щукозеро и заканчивалась в волостке Поле, но сегодня через заброшенное село Щукозеро тянется дорога до п. Обозерский, неизвестно когда получившая название «Чуновский тракт». До конца XX века он поддерживался в относительно хорошем состоянии, но в настоящее время на отрезке Поле – Щукозеро полностью запущен и не приспособлен для транспорта. От п. Обозерский идет трасса, которая уходит к низовью Северной Двины, соединяясь с п. Брин Наволок и д. Волок (рис. 4). Можно допустить, что и в прошлом здесь проходила дорога, связывающая два региона: нижеонежский и нижедвинский, но начиналась она, скорее всего, к западу от «Щукозерской дороги», от берегов Онеги, где в наши дни в 12 км от устья р. Кодины еще сохранились остатки деревень Пянтино и Наволок. Происхождение последнего ойконимического названия, на наш взгляд, вполне могло зависеть от проходившего на восток водно-волокового пути. С похожим примером мы сталкивались ранее, когда речь шла о «емецком» волоке и расположенных рядом деревнях Пустынка и Наволок (рис. 4). Слово «наволок» имеет несколько объяснений: сенокосное угодье [28; 114], низменное место, пойма [21; 386] и мыс, полуостров [20; 113]. Современное население деревни Анцифоровский Бор, рядом с которой находится деревня Наволок, считает, что деревня получила свое имя благодаря тому, что каждую весну во время разлива Онеги на берег наволакивает много льда и грязи – отсюда и пошло название «Наволок». Но то, что деревни с таким названием довольно часто располагаются в конце или начале ныне существующих дорог, придает этому термину применимо к поселкам и деревням еще одно значение – населенный пункт, через который проходил волок. В данном случае путь мог начинаться в д. Наволок на Онеге и завершаться в низовье Северной Двины в п. Брин Наволок и д. Волок, а «Щукозерская дорога» была его частью. В д. Щукозеро (Большие Озерки) сохранилось предание о происхождении деревни от беглых «пугачевцев», которые осели в этих глухих местах, скрываясь от властей. Но первоначально их путь лежал в Соловецкий монастырь. В старину от низовья Северной Двины до Онеги через Щукозеро проходил «Челмогорский» тракт. По этому пути, по словам местных жителей, в разные времена в их места приходили сначала участники Пугачевского восстания, а впоследствии беглые крестьяне. По «Челмогорскому» тракту, проезжая через Щукозеро, направлялся с обозом в Москву М. В. Ломоносов.

С другим примером, где термин «наволок» может указывать на прохождение волока, мы сталкиваемся в бассейне р. Мехреньги (правый

приток Емцы; бассейн Северной Двины). Он соединял Емцу и верховье р. Шорды. В писцовых книгах середины XVI века упоминается деревня с названием Великий Наволок в волостке Никольский погост, стоящая на том месте, где он завершался [7; 406–407] (рис. 4). Как вероятный результат существовавших связей через Емцу с низовьем Онеги в верховье рек Мехреньги и Шорды к середине XVI века образовалась группа деревень с названиями Натнема, Аланема, Леннема, Параненя, Тешепельда, Кусдемема [7; 407–411]. Большое количество похожих по форме ойконимов с прибалтийско-финскими терминами «нема» и «пелда» встречаются только в одной области Каргопольского уезда – в низовье Онеги (Пертнема, Хехтонема, Рагонима, Пачепельда, Пирзопельда, Качепельда, Сырнема, Пурнема) [7; 435–448]. Не исключено, что вместе с пришедшими по существующему волоку группами населения с низовья Онеги в верховье рек Мехреньга и Шорда были перенесены те формы адаптации прибалтийско-финских названий, которые там сложились уже раньше.

Можно предположить, что, когда образовалось основное число поселений с постоянным крестьянским населением, стало возможным обустройство более или менее доступных сухопутных путей и по ним можно было перемещаться не только пешком, но и тележным ходом. «Если до этого через Поморье проходили в основном колонизационные пути, то со второй половины XVI в. и все XVII столетие оно пересекалось сетью магистральных административных и торговых путей к Белому морю и в Сибирь» [12; 9]. Таким образом, на Севере стали возникать первые дороги, скорее напоминающие современные «зимники». Наше представление о том, как они выглядели, складывается в основном по описаниям русских путешественников конца XIX века. Их характеристика содержится в этнографическом очерке А. Шустикова, посвященном путешествию по Вельскому уезду Архангельской губернии в 1894 году. «Из Заозерья до Зеленой волок считается 25 верст, но в действительности, надо полагать, он гораздо длиннее, ибо дорога идет только до реки Пигомы – 7 верст – более или менее прямо, держится одного направления на север, но затем становится очень поворотистой, и в данном случае как нельзя более уместна народная поговорка о расстояниях “баба меряла клюкой, да махнула рукой”. Да дороги в буквальном смысле слова и нет, а есть только небольшая и извилистая тропа (“што заяц выклюксал” – по замечанию моего ямщика), по которой летом с трудом проходят, а зимой еще с большим трудом проезжают в возможно узких санях, да и то “ступью”, т. е. шагом и с топором в руках, так как ежечасно приходится выходить из саней и прорубать или очищать себе дальнейший путь. Надо сказать, что тропка эта идет густым дремучим лесом, где еще “из веков топор не бывал”, кроме чистки дороги; и толстым слоем снег лес этот гнет к земле и ло-

мит, ломит также его и ветром, отчего на дороге постоянно находится валежник, через который, если может лошадь перескочить, то ладно, и в противном случае ямщик выходит и, перерубивши валежник, сбрасывает с дороги, и мы опять двигаемся до следующего препятствия и т. д. Если же валежнику в одном месте очень много и расчистить путь трудно, то объезжают его стороной, срубая лес там, где сани не проходят меж деревьев. Вот почему дорожка эта и является очень извилистою, вечно меняется в своем направлении. Ехали мы волоком этим часов 7 или 8, не меньше, и принимая во внимание наши остановки, все же, думается, он не менее 35 верст, а никак не 25» [29; 171–172]. Далее приводится пример того, как при помощи географического названия маркируется волок: «От церкви волок 16 верст, посреди которого есть громадная гора, называемая “волоковая”, спуск к коей тянется на ½ версты, хотя и отлого» [29; 176].

Уже упоминалось, что один из путей новгородцев к Белому морю, а точнее, к берегам восточной части Онежской губы шел по Онеге. Параллельно ему «от северной оконечности Онежского озера, от нынешнего Повенца, через Маткозеро, шли пути в Заонежские погосты на реки Выг, Суму и Нюхчу прямо к берегам Онежской губы» [24; 15]. При этом некоторые исследователи считают преимущественным направление по р. Суме [8], [9] и придают особое значение территории Нижней Сумы в освоении Поморья [8; 145].

Далее на восток продолжают поморские земли с многочисленными населенными пунктами под названиями «Карельский берег» – до устья Онеги, «Онежский» и «Летний берег» – от Онеги до Архангельска. При большой протяженности побережья Белого моря с запада на восток уже в прошлом здесь неизбежно должны были существовать пути сообщения – как водные, так и сухопутные. Главным из них, естественно, был морской. Впоследствии здесь стали возникать первые поселения древнерусских колонистов, «преимущественно в низовьях многочисленных порожистых рек» [11; 4]. По всей видимости, эти процессы имели место и на территории «Карельской стороны» – так в писцовых книгах назывались земли к западу от устья Онеги, а земли к востоку от устья реки именовались «Двинская сторона» [7; 450–459]. В низовье рек Кушерека, Малошуйка и Нименьга уже в середине XVI века писцовые книги сообщают: «...на море на Корельской стороне по реке по Куше волостка Куша, а в ней тяглых 11 деревень», «у моря на реке на Неменге волостка Неменга, а в ней тяглых 9 деревень и треть деревни», «на море на Корельской стороне на Ворзгорах», «на море на Корельской стороне в Шуике» [5; 278–288]. По одному из преданий, записанном С. В. Максимовым в середины XIX века, село Нименьга было заселено еще во времена Ивана Грозного [15; 339]. Кроме того, рядом с устьями рек Кушерека, Малошуйка, Нименьга можно отметить скопление

топонимов с древненовгородским суффиксом -ец, -ица, образованных как от русскоязычных, так и иноязычных основ: урочище Варницы, гора Калиница, мыс Браница, ручьи Кушкоманец, Сейгозенец, Шундонец, Виртанец, острова Пулонец, Пасканец, Ворвойница, Малый Кайнец и Большой Кайнец. В основе последнего названия допустимо реконструировать саам. keaain – ‘дорога’. Топонимы с подобной основой, по мнению И. И. Муллонен, как правило, имеют придорожное расположение. В Заонежской губе Онежского озера есть остров с названием Кайнос. Он лежит на старом водном пути из района Палеострова к Чёлмужскому берегу [20; 248]. Возможно, что и в Белом море остров Кайнец выступал в роли маркера одного из водных маршрутов (рис. 3).

Далее приведем описание С. В. Максимовым села Нименьга, где говорится о почтовой дороге рядом с населенным пунктом. По словам автора, почтовый тракт тянулся от Нименьги, дальше на Малошуйку, Кушереку и Унежму и в середине XIX века местами представлял собой сплошную гать, которая «пересекалась рушившимся мостом, перекинутым через речонку» [15; 334, 353]. Во время своего путешествия по берегу Белого моря в 1884 году В. В. Сусолов дает более реалистичную оценку состояния дороги от Нименьги до Малошуйки и Кушереки: «Страшные беспокойства, которые мне пришлось испытать в этой дороге, еще усложнялись разными переправами через реки. Тут и помину нет о мостах, а рассчитывают переезд ко времени полного отлива воды, через отмели, а если этого нельзя сделать, то пассажиры, багаж, лошади и телеги поочередно перевозятся на лодках, через большие же реки на пармах или на особых карбасах с помостом; при таких путях сообщения мы делали станцию в 22 версты более 10 часов» [26; 43]. Данные топонимии также подтверждают возможность существования сухопутного пути на южном побережье Белого моря. Иноязычный характер встречающихся здесь топонимических маркеров волоковых путей свидетельствует об их древнем происхождении. Многочисленные наименования с основами uht- и matk- – ‘дорога, путь’, имеющие, как уже отмечалось выше, разные языковые истоки, цепочкой тянутся с запада на восток, сопровождая весь бывший почтовый тракт от Кушереки до Нименьги, и почти доходят до устья Онеги (Маткозеро – р. Ухта – ручей Ухручей – болото Ухтинское – оз. Ухтинское – оз. Подматочное) (рис. 3). В качестве доказательного примера идентичности данных основ и исторической преемственности в использовании волоков различными этносами могут служить два замыкающих топонимическую систему озера, в действительности представляющие одно целое, но с различными названиями его отдельных частей: Ухтинское и Подматочное. Второе могло быть переводной прибалтийско-финской калькой первого. Стоит обратить внимание на еще одну, довольно распространенную в этих местах разновидность

топонимов – кальки, критерием которых «можно считать наличие единичных вкраплений в массе субстратных топонимов (обычно гидронимов) определенного замкнутого ареала» [16; 80]. В данном случае названия небольших озер и ручьев, такие как ручьи Каменный, Медвежий, озера Лисье, Окунево, Лебяжье, Длинное, Щучье, Гагарье, составляют значительную часть всех русскоязычных наименований этой территории, но наибольшая концентрация их приходится на район прохождения волокового пути. При этом такая закономерность наблюдается во всех предыдущих случаях при определении водно-волоковых путей (рис. 6). Возможно, этому есть простое объяснение. В условиях двуязычия на русский язык в первую очередь переводились те названия географических объектов, с которыми чаще всего приходилось сталкиваться местному населению и как результат – близкое расположение к водно-волоковым путям способствовало быстрому «обрусению» окружающей микротопонимии.

Важно определить, в каком из населенных пунктов в устье реки Онеги мог завершаться этот путь. Логично считать, что им являлся город Онега, но из сообщения В. В. Сусолова видно, что от Онеги до сел Варзогоры и Нименьга дороги как таковой не было. Он пишет, что «с Онеги уже принято ездить в лодках (карбасах), но имея в виду посетить и те места, куда не заходят карбасы, я решился насколько было возможно, ехать на лошадях. До села Варзогоры шла самая ужасная дорога, и только во время отливов моря по отмелям, представляющим собой твердый слой песка, можно было ехать довольно спокойно. Далее нас отказались везти на лошадях, так как дорога была не только крайне плохая, но и необыкновенно узкая» [26; 42].

Остается еще один старейший населенный пункт, расположенный на правой стороне р. Онеги в 25 км от г. Онеги, – д. Порог, впервые упоминающаяся в грамоте князя Святослава 1137 года [22; 92]. В середине XVI века писцовые книги отмечают здесь две волости: Надпорожскую (11 деревень) и Подпорожье (7 деревень) [7; 455–457]. В Надпорожской волостке записана деревня с названием «Острецова Гора» [7; 455]. Как уже говорилось, русское диалектное слово острец – ‘окунь’ характерно для областей наиболее раннего русского освоения и чаще всего встречается вдоль водно-волоковых путей, но больший интерес вызывает другая русская диалектная лексема, которая встречается в этих краях, – «тайбола». Слово «тайбола», как считает А. И. Подвысоцкий, «в пинежском и мезенском диалектах означает дорогу через лесные дебри и болота, по которой можно проехать только зимой, где кроме станций и лесных избушек нет никакого жилья». В Поморье «тайболою называются дороги, по которым ездят летом и зимой, такие дороги пролагаются обыкновенно по морскому берегу». «По объяснению А. И. Шренка, слово тайбола произведено от финского: *taipalet* – рас-

стояние по дороге между местностями» [25; 171]. Термин «тайбола» присутствует в ойконимическом названии д. Подтайбола, что расположена на левом берегу Онеги рядом с д. Грибаниха, упоминание о которой встречается в писцовых книгах середины XVI века в Подпорожской волостке [7; 457] (рис. 3). Судя по всему, наряду с терминами *uht* и *matka* слово «тайбола» как раз является еще одним топонимическим маркером данного волокового пути. Дополнительным аргументом в пользу его существования и прохождения в районе д. Порог может быть то, что в 1940–1941 годах на его месте была построена железная дорога от Беломорска до Архангельска, а раньше, по рассказам жителей д. Верховья (Онежский район Архангельской области), через их деревню шел зимник до Архангельска.

Рис. 6. Размещение переводных названий вдоль волоковых путей

В заключение отметим, что водные и сухопутные пути имели основное значение в крестьянской колонизации Русского Севера. Очевидно, что наиболее ранние русские населенные пункты возникали, как правило, вдоль водно-волоковых путей, которые, судя по всему, были намного древнее самих поселений. Вероятно, именно пути в основном определили сложившуюся к этому времени географию заселения северных территорий. Не случайно в старину существовало много преданий, связанных с образованием некоторых деревень ворами и разбойниками. Центральное место в них занимал волок. В одном из преданий, записанном С. В. Максимовым в с. Варзогоры, говорится, что оно раньше «будто бы называлось прежде Ворогоры и по той причине, что первое заселение этого места начато ворами, теми же паньками, основавшими здесь свой главный притон. Поселившись на высокой горе, паньки эти вору прямо из селения могли видеть все идущие по реке Онеге и по Белому морю суда, всякого идущего по нименгской и малошуйской дорогам» [15; 339]. Есть ли у преданий реальная основа, судить сложно, но можно увидеть определенную закономерность: в большинстве случаев они записаны в отдаленных деревнях недалеко, но тем

не менее в стороне от важных волоковых путей. Так, в Лекшмозерской волости, в д. Ручей, родилась легенда про беглецов, скрывавшихся на болотах по р. Калме. Лекшмозерская волость располагалась между Пудожем и Каргополом, и на глухом волоке, что узкой тропой пролегал между этими городами, было много проезжих людей –

торговых и богомольцев из Макарьевского, Челмогорского и других монастырей. Дорога шла дремучими лесами и болотами, что было на руку беглецам. В этих местах образовалась деревушка Ручей, которая раньше называлась Орлова гора, единственное жилое место от с. Колодозеро в с. Лядины [27; 137–141].

ИСТОЧНИКИ

1. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVII в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 / АН СССР, Ин-т истории СССР, Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 271 с.
2. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 271 с.
3. Писцовые книги Устьмошского стана Каргопольского уезда за 1622 г. // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1886. С. 123–189.
4. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 514–536.
5. Платежная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. по книгам письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1555–1556 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 204–421.
6. Сотная из Писцовых книг Белозерского уезда за 1544 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 187–198.
7. Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561–1562 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 370–471.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. Витов М. В., Власова И. В. География расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1974. 85 с.
9. Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. // Вопросы географии. 1950. Сб. 20. С. 271–302.
10. Гунн Г. П. Каргополь-Онега. М.: Искусство, 1974. 143 с.
11. Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. Опыт исследования. Первый сборник статей. Петроград, 1919. С. 1–31.
12. Колесников П. А. Северная Русь (Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в.). Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1971. 208 с.
13. Крестьянские промыслы Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Вып. 1. Петрозаводск: Тип. Р. Г. Каца, 1902. 331 с.
14. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Наука, 1997. 390 с.
15. Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1964. 375 с.
16. Матвеев А. К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 76–83.
17. Матвеев А. К. Архаическая русская топонимия на северо-востоке Европейской части // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 66–76.
18. Матвеев А. К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 77–85.
19. Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии / КарНЦ РАН. Ин-т языка, лит-ры и истории. СПб.: Наука, 1994. 154 с.
20. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования / КарНЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск, 2002. 356 с.
21. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Наука, 1984. 158 с.
22. Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М.: Наука, 1951. 114 с.
23. Огородников Е. К. Мурманский и Терский берег по книге Большого Чертежа. СПб.: Изд-во Министерства внутренних дел России, 1869. 83 с.
24. Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Петроград: Время, 1923. 80 с.
25. Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Изд-во Российской Академии наук, 1885. 415 с.
26. Сусолов В. В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб.: Тип. А. Ф. Маркса, 1888. 75 с.
27. Тайна болот (легенды из Каргопольской старины) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1915. № 5. С. 137–141.
28. Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 1–185.
29. Шустиков А. Тавреньга Вельского уезда // Живая старина. 1895. Вып. 2. С. 171–175.

УДК 371.3

ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА ПИЛИПЕНКО

старший преподаватель кафедры русского языка историко-филологического факультета, Карельская государственная педагогическая академия
ozoiff@kspu.karelia.ru

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА БУРДЮГОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка историко-филологического факультета, проректор по учебной работе, Карельская государственная педагогическая академия
umu@kspu.karelia.ru

АРГУМЕНТАЦИЯ СОБСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНИВАНИЯ СОЧИНЕНИЯ В ФОРМАТЕ ЕГЭ

В статье рассматривается такой критерий оценивания сочинений по исходному тексту в формате ЕГЭ, как аргументация собственного мнения; прослеживается изменение критериев оценивания аргументации с 2004 по 2009 год; приводятся примеры типичных ошибок в выполнении данного требования на материале сочинений выпускников школ Республики Карелия.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, Единый государственный экзамен, сочинение по исходному тексту, критерии оценивания, аргументация собственного мнения, педагогические технологии, технология развития критического мышления

Единый государственный экзамен по русскому языку в нашей республике в 2009 году проводился уже шестой раз, в Российской Федерации в рамках эксперимента он проводится с 2002 года. Достаточно длительный период проведения, проверки и анализа работ выпускников школ Республики Карелия наглядно показывает, что сочинение в формате ЕГЭ по исходному тексту значительно отличается от традиционного сочинения по русскому языку и литературе.

Оценка сочинения в формате ЕГЭ проходит по строго заданным параметрам (или критериям), и личностное восприятие того или иного текста экзаменатором не влияет на результат, полученный учащимся в ходе данного экзамена.

Одним из критериев анализа является аргументация экзаменуемым собственного мнения по проблеме, поставленной автором исходного текста.

Проблема аргументации – это проблема, которая рассматривается, прежде всего, в курсе риторики. Обязательный минимум содержания образовательных программ основной и средней

школы не включает в себя понятие аргументации, хотя создавать тексты разных функционально-смысловых типов, стилей и жанров наши учащиеся должны (это умение включено в раздел «Содержание, обеспечивающее формирование коммуникативной компетенции»). При этом нет необходимости доказывать, что при создании того или иного текста нужно уметь аргументировать свою точку зрения.

Авторы основных учебников и учебных пособий по риторике А. К. Михальская, Т. А. Ладыженская, Н. Н. Кохтев, Н. А. Михайличенко, Ю. В. Рождественский, Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев и другие рассматривают следующие аспекты аргументации:

- цели и средства аргументации;
- связь между аргументацией и законами логики;
- классификации аргументов;
- виды аргументов и т. д.

При этом мы понимаем, что, так как курс риторики не предусмотрен для обязательного изуче-

ния в школе (он может вестись лишь в гимназиях, лицеях, классах с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла), выпускники обычных общеобразовательных школ имеют лишь общее представление о том, что такое аргументация.

Согласно «Новому словарю русского языка» Т. Ф. Ефремовой, аргументация – это «совокупность доводов, аргументов, достаточных для доказательства чего-либо» [2; 41]. Аргумент – это «довод, основание, приводимые в доказательство чего-либо» [2; 41].

Вместе с тем в «Словаре методических терминов (теория и практика преподавания языков)» Э. Г. Азимова, А. Н. Щукина представлено следующее определение аргументации: «АРГУМЕНТАЦИЯ – вид речевого сообщения по способу выражения мыслей, который вызывается необходимостью определить позицию говорящего или пишущего. Средствами аргументации являются суждение или совокупность суждений, приведенные в подтверждение истинности позиции отправителя речи. Целью аргументации является воздействие на реципиента для создания определенного понимания и для побуждения к действию» [2; 25].

Это определение позволяет увидеть не только цели и средства аргументации, но и понять, что успешность выполнения той части сочинения, в состав которой входит выражение собственного мнения, во многом зависит от того, насколько экзаменуемый может включить в контекст своих размышлений знания, полученные им на других предметах, реализовать свой общий культурный опыт.

В современной школе (в том числе на уроках русского языка) развитию этого умения может содействовать используемая некоторыми учителями новая педагогическая технология – технология развития критического мышления. В сборнике «Критическое мышление и новые виды грамотности» опубликована статья Дэвида Клустера «Что такое критическое мышление?», в которой автор устанавливает непосредственную связь между ним и убедительной аргументацией. Он пишет: «Критически мыслящий человек находит собственное решение проблемы и подкрепляет это решение разумными, обоснованными доводами. Он также осознает, что возможны иные решения той же проблемы, и старается доказать, что выбранное им решение логичнее и рациональнее прочих» [3; 10].

Эта цитата еще раз доказывает положение о важности убедительной аргументации в создании конкретного типа текста (в том числе и на экзамене), но в первую очередь свидетельствует о необходимости развития данного умения для успеха в последующей профессиональной деятельности, независимо от того, какую сферу выберет учащийся.

Критерии оценки сочинений в формате ЕГЭ неоднократно менялись, в том числе и критерии оценивания аргументации экзаменуемым собствен-

ного мнения по проблеме. Рассмотрим изменение критериев оценивания аргументации с 2004 по 2009 год.

Во-первых, данный параметр имеет достаточно большой «вес» в общей системе оценивания сочинения по исходному тексту (от 10 % в 2007–2008 годах до 15 % в 2006-м; в 2004 году данный критерий составлял 13,6 % от максимального количества баллов, которые мог набрать учащийся, в 2005, 2009–2010 годах – 14,3 %): лишь в 2007–2008 годах максимальное количество баллов, которые мог набрать экзаменуемый, равнялось двум; все остальные годы он оценивался по трехбалльной шкале.

Во-вторых, первоначально экзаменуемый должен был выразить свое мнение о прочитанном тексте в целом; позднее, начиная с 2005 года, ему предлагалось выразить свое мнение по проблеме, поставленной автором текста.

В-третьих, изменялась сама оценка аргументации собственного мнения: от убедительности аргументов (2004 год) к этической корректности формулировки своего мнения (2006 год). Необходимо отметить, что позже (2007 и последующие годы) критерий этической корректности был выделен в самостоятельный (К 11 – соблюдение этической корректности); также был введен критерий, оценивающий соблюдение фактологической точности в фоновом материале (К 12).

В-четвертых, изменения коснулись количества приводимых экзаменуемым аргументов: в 2004–2005 годах количество аргументов не называлось; в 2006-м максимальное количество аргументов – 3; в 2007–2009 годах экзаменуемый должен был привести не менее 2 аргументов.

В-пятых, в 2005 году появилась такая формулировка в оценке работы, как «оригинальность выдвинутых положений и способов их аргументации». Впоследствии эта формулировка исчезла из критериев оценивания работы, что, вероятно, объясняется субъективностью выдвигаемых положений.

И наконец, наиболее важные изменения произошли в самом материале аргументации собственного мнения: в 2004–2005 годах он не называется; в 2006-м экзаменуемый должен опираться на жизненный или читательский опыт; в 2007–2008 годах к нему добавляется опора на знания; в 2009-м поощряются те работы, в которых пишущий предлагает в качестве одного из аргументов материал, взятый из художественной, публицистической или научной литературы. Эти уточнения были внесены для того, чтобы эксперты не испытывали трудности в определении «силы» и «слабости» отдельных аргументов, представленных в работах.

Рассмотрим наиболее типичные ошибки, связанные с выполнением данного требования, на материале сочинений в формате ЕГЭ выпускников школ Республики Карелия за 2004–2009 годы.

Прежде всего, несмотря на то что большинство учащихся понимают поставленную перед

ними задачу, школьники нередко демонстрируют узкий кругозор, многие работы характеризуются слабой аргументацией собственной позиции: среди аргументов чаще всего встречаются ссылки на бытовые примеры (друзья, семья, «в соседнем подъезде», «видела по телевизору» и т. п.), значительно реже – на литературные произведения, причем нередко такая ссылка является либо бездоказательной, «пустой» отсылкой к названию («Я согласен с автором, что к старшему поколению надо относиться с вниманием. Например, “Война и мир” Л. Н. Толстого»), либо примером без названия («в одной книге», «в русской литературе»), либо примером из низкопробной литературы.

Кроме аргументов, проявляющих незрелость личности пишущего, встречаются также случаи смыслового сдвига при аргументировании, когда экзаменуемый чрезмерно расширяет смысловое поле заявленной проблемы, так что аргумент является мнимым или приводимые аргументы несоразмерны по своей значимости. Так, в сочинениях по тексту С. Мизерова о роли мечты в выборе жизненного пути в качестве аргументов встретились ссылки на М. В. Ломоносова, «дошедшего до Москвы, следуя своей мечте», и Диму Билана, выигравшего Евровидение, на М. В. Ломоносова и И. В. Сталина; на литературных героев: «Раскольников мечтал, чтобы его не терзали воспоминания о тех убийствах, но всё напрасно»; Болконский мечтал жениться на Наташе Ростовской; в сочинении по тексту В. Тендрякова, ставящему проблему идеального устройства человеческого общества, в качестве аргументов приводятся «Гроза» А. Н. Островского, итальянская мафия и Иисус Христос; в сочинениях по тексту И. Гонцова об эстрадных «звездах» сопоставляются Д. Билан и С. Есенин; панк-культура и Т. Ларина и т. д.

Приведем еще несколько примеров, иллюстрирующих данное положение:

«У каждого человека есть тот образ, на которого он хотел бы быть похожим. У кого-то – это Миклухо-Маклай, у кого-то – Золушка, Пушкин, Ницше, Ломоносов, Кутузов и даже свои родители»;

«В романе «Робензон Крузо» показано преобщение человека к природе» (здесь, к сожалению, не помогает даже читательский опыт; авторская орфография сохранена).

Не все учащиеся понимают, что умение доказывать свое мнение с помощью аргументов, опирающихся на широкое поле знаний, а не на житейский, бытовой опыт, является не только одним из ярких признаков зрелости личности, но и показателем коммуникативных умений, необходимых в их дальнейшей жизни.

Анализ работ свидетельствует также о том, что аргументация понимается многими не как система логических доказательств, подкрепленных примерами (из жизненного и читательского опыта), а лишь как некая параллель между кол-

лизией, представленной в исходном тексте, и каким-то случаем, известным учащемуся, выванным из его памяти по ассоциации с описанным в тексте. При этом экзаменуемый не пытается представить вспомнившийся случай как доказательство собственной мысли, а лишь описывает его. Примером могут служить следующие строки из работ учащихся:

«Я мечтаю стать журналистом. Для меня эта профессия пишется с большой буквы. Предназначение журналиста в том, чтобы первым доносить для людей важную информацию. Своей деятельностью я хочу приносить пользу людям, быть им нужной, чувствовать свою ответственность за то, что приносишь обществу, нашей огромной стране. Моя мечта вполне осуществима, и в данный момент я делаю все возможное и невозможное для того, чтобы воплотить ее в жизнь, чтобы иметь смысл в жизни. Для меня это очень важно, ведь от этого зависит мое счастье. Я считаю, что из-за каких-либо препятствий изменять своей мечте – это значит изменять самому себе, своему сердцу. Мечта живет в наших мыслях. И только от самого человека зависит, станет ли она реальностью» (по тексту С. Мизерова о выборе жизненного пути);

«Примеры подстерегают нас буквально на каждом шагу: мне чрезвычайно нравится слушать объективные, беспристрастные, подчас нелюбимые для большинства современных политиков рассуждения Михаила Веллера о ситуации в стране в тех или иных сферах жизни. Но где ему нашлось место? Правильно, на “Радио России”, где он ведет коротенькую получасовую передачу. Между тем, существует много политических программ, где между участниками программ разгораются жаркие дискуссии, но в этих программах участвуют одни и те же лица, как то: Шандыбин, Жириновский, Митрофанов, которые не несут своим участием в политике чего-то нового, но Веллера не приглашают. Если обратиться к искусству, то в этой сфере также не все в порядке. Например, концерты, транслирующиеся по телевизору, не включают в себя выступлений исполнителей классической рок-музыки, хотя ценность этих видов искусства, по-моему, гораздо выше, чем творчество поп-исполнителей. Подобная ситуация сложилась и в литературе, кинематографе, архитектуре. В заключение я хотел бы отметить, что никто не может принудить человека к тому, чего тот не желает. Поэтому людям следует просто смотреть “правильные” фильмы, слушать “правильную” музыку и читать “правильные” книги, чтобы изменить собственную жизнь к лучшему» (по материалам «Российской газеты», в которых поднимаются проблемы девальвации понятия авторитета в современном обществе, истинных и ложных авторитетов, соотношения авторитетности и интеллигентности).

В некоторых работах вовсе отсутствует аргументация, хотя их авторы пытаются заполнить текстовое пространство своими суждениями, но они не выполняют функцию доводов, подкрепляющих правоту заявленного тезиса. Это очень распространенная ошибка, вызванная тем, что ученики не понимают главной мысли текста, не выделяют проблему, поэтому свою задачу видят в том, чтобы заполнить отведенное для предполагаемой аргументации место какими-то фразами, в которых выражается либо отношение к автору, либо восприятие изображенных событий, либо дается оценка идеям, персонажам, ситуациям. Например:

«Нельзя не согласиться с автором в определении “эпидемии нашего века”, отдаляющей человека от естественности и искренности. Но вот предложенный Аксаковым путь “лечения” этой “болезни” не так однозначен. На мой взгляд, бегство (даже в деревню, к природе) – не лучший способ решения любой проблемы. Конечно, это поможет найти себя, освободиться и избавиться от некоторых пороков, но нельзя останавливаться лишь на собственном душевном спокойствии. Я считаю, что нужно не только любоваться природой, но и защищать, восстанавливать, приумножать ее, помогать окружающим людям и животным, нуждающимся в поддержке и помощи – тогда человек не просто очистится, но сумеет улучшить и подняться на новый уровень развития» (по тексту С. Т. Аксакова, ставящему проблему негативного влияния цивилизации на жизнь человека);

«Приходят на ум слова известных писателей, сравнивавших природу с матерью. Не пустыми же они были! Природа – это наш бескорыстный учитель и наставник, друг и помощник. И надо сейчас довериться природе, понять ее, чтобы однажды не потеряться в повседневности серых будней» (по тому же тексту). В данной работе нет конкретных сведений, после ее прочтения возникает больше вопросов, чем ответов: каких известных писателей имел в виду автор? Какие слова «приходят ему на ум»? Почему их нельзя считать пустыми? Почему природа выполняет функции учителя и наставника, друга и помощника? Почему эти функции природа выполняет «бескорыстно»? и т. д.

Можно выделить и другие типичные ошибки в работах учащихся. В основном они связаны с читательским опытом выпускников школ. К их числу относятся:

– неточное цитирование:

- *Умом Россию не понять и километром не измерить.*
Россию надо только знать,
В Россию надо только верить.
- *Жить прожить, не поле перейти.*
- *Быть знаменитым некрасиво,*
НО это подымает ввысь.

– фактические неточности в биографиях писателей:

- *Пушкин и Ахматова были высланы из страны, и, находясь вдали от родины, они очень скучали по России.*
- *Ахматова и Цветаева не сразу начали писать стихи, они сначала перепробовали профессии, но затем они правильно поняли личные интересы.*

– непонимание особенностей творчества русских писателей и поэтов:

На протяжении всей школьной жизни из года в год я учил природные стихи Пришвина, и они мне очень нравились.

– искажение ФИО писателей:

Виктор Павлович Астафьев (вместо Виктор Петрович Астафьев); *Солоухин, Солахун, Солоухин* (вместо Солоухин) *относится к своему тексту с грустью*; *Бородинский* (вместо Бродский); *Тындраков* (вместо Тендряков); *Васнецов* (вместо Варенцов); *Лихачев, Леханов* (вместо Лиханов); *Аксатов, Аксенов* (вместо Аксаков); *А. С. Аксаков* (вместо С. Т. Аксаков); *Абаев* (вместо Авдеев); *Кунецкий* (вместо Конецкий); *Долинская, Долина* (вместо Долинина); *М. В. Маяковский* (вместо В. В. Маяковский) и др.

– искажение имен героев некоторых текстов:

Маклухо-Маклай, Муклухо-Маклай, Миклухо-Маклай, о годах Миклу-Маклая, Миклуха – Маклайн, поступки Миклухи – Маклая (вместо Миклухо-Маклай); *Кожевник* (вместо Кожевников) *поясняет, как изменился Маклуха за столь небольшой срок скитаний по морям*; *Сольери* (вместо Сальери); *Мусорский* (вместо Мусоргский); *Рахманинов* (вместо Рахманинов) и т. д.

– фактические ошибки в фоновом материале:

Можно вспомнить и Достоевского, написавшего произведение «Отцы и дети»; *«Попрыгунья» Чехова*; *герой Достоевского Обломов*; *герой Чернышевского Рахматов*; *рассказ В. Распутина «Прощание с Матерой»*; *в произведении «Отцы и дети» главный герой Чацкий отталкивает своих родителей, хотя и любит их*; *«Господин из Сан-Франциско» Куприна*; *повесть Карамзина «Лиза»*; *повесть Чехова «Вишневый сад» и т. п.*

– попытка личностного восприятия творчества отдельных классиков:

Себя я тоже считаю дважды учеником Льва Толстого: он вошел в мое детство, прошелся по моей юности.

Как завещал нам наш великий предок А. С. Пушкин: «Береги честь смолоду».

Образы, описанные в тексте, очень красочны. Сразу видно, что автор с трудом подбирает слова и выражения, чтобы в итоге получить такой замечательный текст.

Львов – писатель, один из немногих, кого я знаю.

На мой взгляд, жизнь таких людей, как Базаров, можно назвать только существованием или прозябанием в застенках настоящей счастливой жизни. (Во всех примерах орфография, пунктуация, речевое и грамматическое оформление работ авторов сохранены.)

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Необходимо дать учащимся школы основное, самое элементарное представление о теории аргументации; познакомить их с образцами аргументации в работах виднейших ученых (в том числе и лингвистов), писателей, публицистов.
2. Предлагать учащимся как можно больше сочинений-рассуждений на различные темы. Данному типу речи необходимо уделять особое внимание на уроках русского языка и литературы, начиная с 5-го класса, то есть как можно раньше. При этом возможно привлечение в качестве исходных текстов-миниатюр, произведений малых жанров фольклора (пословиц, поговорок, загадок), а также афоризмов. Например: *«Классика – это нечто такое, что каждый хотел бы прочесть, но никто не хочет читать»* (Марк Твен).

3. Необходимо анализировать ошибки в подобных работах конкретного класса и конкретного ученика. Этот вид деятельности будет успешным только в том случае, если будет иметь индивидуальную направленность. К сожалению, примеры из методических пособий часто носят слишком общий характер и не вызывают эмоционального отклика у учащихся, поскольку далеки от их жизненного и читательского опыта. С другой стороны, данная работа является трудоемкой, требует больших усилий со стороны учителя. Очень часто эту работу вынуждены выполнять репетиторы.

Тем не менее научить аргументации собственного мнения даже так называемого «среднего ученика» можно, особенно с помощью технологии развития критического мышления, но для этого нужны усилия многих людей, включая не только учителя русского языка, но и всех учителей-предметников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб.: Златоуст, 1999. 472 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1. М.: Русский язык, 2001. 1232 с.
3. Клустер Д. Что такое критическое мышление? // Критическое мышление и новые виды грамотности / Сост. О. Варшавер. М.: ЦГЛ, 2005. С. 5–13.

УДК 882.09 Л891

ИРИНА ВИЛЬЕВНА ЛЬВОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры германской филологии филологического факуль-
тета, Петрозаводский государственный университет
lirina_06@mail.ru

**Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Ф. РОТ:
ТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В РОМАНЕ Ф. РОТА «СЛУЧАЙ ПОРТНОГО»**

В статье исследуются особенности интерпретации темы преступления и наказания в романе «Случай Портного» Ф. Рота, а также использование иронии, травестирования. Роман анализируется в контексте традиции «бунтарского» романа 1940–60-х годов. Показывается, как Рот развивает и в то же время пародирует эту традицию, в том числе и литературные источники, питавшие ее, включая творчество Достоевского.

Ключевые слова: американская литература, Ф. М. Достоевский, Ф. Рот, американская рецепция творчества Достоевского, преступление и наказание, пародирование, американский роман о подростке, роман поколения Бит

Статья посвящена особенностям рецепции творчества Ф. М. Достоевского одним из крупнейших современных американских писателей Ф. Ротом (р. 1933). В ней затрагивается один аспект этой проблемы – характер и специфика того диалога с Достоевским, который ведется в романе Рота «Случай Портного» (1969). Это самый известный роман американского писателя и самое значительное произведение раннего периода его творчества.

Воздействие Достоевского на Ф. Рота в 1950–60-е годы было существенно. Как признавался писатель в интервью Вальтеру Мауро в 1974 году, в шестидесятые годы он «жил на диете Достоевского» [3; 87]. Источники этого влияния были разнообразными: сама культурная, интеллектуальная атмосфера шестидесятых способствовала возникновению интереса к русскому писателю¹. Кроме того, Рот изучал и позже преподавал литературу и, безусловно, относился к Достоевскому и как профессиональный читатель – литературовед и критик.

Одна из важных проблем, которая интересовала Рота в шестидесятые годы, – проблема вины и наказания. Как отмечал писатель, список книг, которые он читал в этот период, можно было назвать «Исследование вины и наказания». Произведения Достоевского «Преступление и наказание», «Записки из подполья» входили в этот список.

Тема преступления и наказания является центральной в романе «Случай Портного», однако здесь она – предмет для комического переосмысления. Сам Рот в интервью 1969 года заметил, что «озабоченность наказанием и виной смешна. Ужасна, но смешна.

<...> Нет ли чего-то нелепого и смешного в том, что Анна Каренина бросается под поезд? <...> Пока я не понял, что вина – это идея комическая, я не почувствовал свободу для написания своей книги» [9; 21, 22].

Внутренняя перекличка Рота с Достоевским заключается, на наш взгляд, в новом, комическом преломлении темы преступления и наказания.

Главный герой произведения – исповедующийся психоаналитику Алекс Портной, разрывающийся между чувством вины и своеволием², может быть назван «комическим Раскольниковым». Сходство героя с Раскольниковым отмечено уже первыми критиками романа. Об этом упоминает Б. Роджерс в монографии, посвященной творчеству Рота [7; 92]. Да и сам герой сравнивает себя с героем Достоевского.

Размышления Алекса Портного иногда звучат как парафраз монологов Раскольникова. Например, мысль Раскольникова о преступлении как проявлении свободы воли: «Тут одно только, одно: стоит только посметь. У меня тогда одна мысль выдумалась, в первый раз в жизни, которую никто никогда до меня не выдумывал! Никто! Мне вдруг стало ясно, как солнце, представилось, что как же это ни единый до сих пор не посмел и не смеет, проходя мимо всей этой нечеловечности, взять и просто-запросто все за хвост и стряхнуть к черту!» [2; 321] – явно перекликается с рассуждениями Портного: «Урок, который я получил, чтобы нарушить закон: все, что ты должен сделать, – пойти и нарушить его! Все, что ты должен сделать, – перестать дрожать и трястись и считать это невозможным и невообразимым: все, что ты должен сделать, – сделать это!» [8; 87]. При этом в монологе Портного обыгрывается знаменитое сравнение человека с тварью дрожащей. Но рассуждения Портного звучат пародией на мысли Раскольникова. Если Раскольников размышляет о власти, которая обретается преступлением, то Портной всего лишь рассуждает о запрете есть лобстера. Таким образом, пафос, не соответствующий предмету размышлений, создает комический эффект.

Героя Рота роднит с героем Достоевского и преступное сознание. Они поставлены в одну и ту же ситуацию: они должны осмелиться нарушить закон, нормы морали. Алекс Портной следует за теми героями романов Достоевского, которые, сказав, что Бога нет, делают шаг к аморализму, к утверждению того, что все дозволено: «Черт побери, Софи, почему бы нам всем не попробовать? Потому что быть плохим, мама, это действительно настоящая борьба – быть плохим и наслаждаться этим!» [8; 138].

Можно сказать, что бунт обоих героев – нигилистический, но Рот показывает нигилистический бунт как комический.

Поступки Портного определяют этика игры: «Насмешка, подшучивание, игра, притворство – все для насмешки! Как я люблю это!» [8; 275]. Преступление и наказание есть часть той же игры, в которой участвует герой, и, безусловно, это игра литературная, о чем свидетельствует и сама форма романа.

«Случай Портного» – это еще один роман-исповедь. Для Рота Достоевский – великий предшественник саморазоблачений и самообви-

нений. По откровенности нелицеприятных признаний роман, безусловно, стоит в одном ряду с «Записками из подполья» Достоевского. Кроме установки на полную искренность исповедь героя Рота сближает с героями произведений Достоевского и повышенно эмоциональный тон, страстность, ироничность. Герои существуют на грани нервного срыва. Неслучайно особенностью стиля является нагнетание восклицательных предложений, риторических вопросов, глаголов, вводящих прямую речь: крикнул, взвизгнул, заплакал и т. д. Для исповеди Портного характерно использование длинных эмоциональных периодов: «Доктор Шпильфогель, это моя жизнь, моя единственная жизнь, я живу, как герой еврейского анекдота! Я тот сын из еврейского анекдота – только это не анекдот! Пожалуйста, скажите, кто нас так искалечил? Кто сделал нас нездоровыми, истеричными и слабыми? Доктор, как называется моя болезнь? Еврейское страдание, о котором я так много слышал? Доктор, у меня больше нет сил бояться неизвестно чего! Дайте мне мужества! Сделайте меня смелым! Сделайте меня сильным! Сделайте меня *здоровым!*» (Make me whole!) [8; 40]. Подобные же интонации характерны и для подпольного героя Достоевского: «У, скверность! Да и не в том главная-то скверность! тут есть что-то главнее, гаже, подлее! да, подлее! И опять, опять надевать эту бесчестную скверную маску! Дойдя до этой мысли, я так и вспыхнул: “для чего бесчестную? Я говорил вчера искренно”» [1; 165].

Таким образом, исповедь Портного – это своеобразная пародия на популярный исповедальный жанр, источником которого стали и произведения Достоевского. И хотя внешне монолог Портного ориентирован на устное высказывание, как и исповедь подпольного героя Достоевского, – эта исповедь литературна. Указанием на связь исповеди с традицией американской литературы пятидесятих годов служит сравнение монолога с воплем, который сразу встраивает его в ассоциативный ряд с «Воплем» А. Гинсберга (впрочем, как и с «Криком» Мунка), но если у тех крик – символ страдания, ужаса, то крик героя Рота вызван «комической несоразмерностью греха и наказания» [8; 309].

Следует заметить, что роман Рота продуктивно рассматривать в контексте развития американского романа о молодом герое-нонконформисте сороковых-шестидесятых годов XX века. Следуя терминологии американского исследователя Р. Поснока, эту разновидность романа можно назвать романом о «незрелости» [8; XII].

Роман Рота продолжает традицию «бунтарского» романа, представленного романом Бит, романом о подростке, и одновременно пародирует ее, в том числе и те литературные источники, которые питали этот роман, включая творчество Достоевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А. Кейзин, известный американский литературовед и критик, одним из первых заговорил о влиянии Достоевского на формирование художественного видения молодых писателей, пришедших в литературу в конце пятидесятих – начале шестидесятих годов XX века: «Святой патрон этих писателей (имеется в виду Болдуин, Маламуд, Беллоу. С. Беллоу, Б. Маламуда, как и Рота, относили к новой американо-еврейской школе в американской литературе (a new school of American-Jewish fiction – *И. Л.*) – Достоевский» [5; 203].
- ² А. Фридман пишет, что это типичный образ еврея в литературе, так как «еврей остается культурным шизофреником» [4; 102].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. 407 с.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.
3. Conversations with Philip Roth. Mississippi: University Press of Mississippi, 1992. 312 p.
4. Friedman A. Beyond Exodus and Still in the Wilderness // Philip Roth's Portnoy Complaint. Chelsea: Chelsea House, 2004. 225 p.
5. Kazin A. Contemporaries. Boston: Little Brown and Company, 1962. 513 p.
6. Posnock R. Philip Roth's Rude Truth. The Art of Immaturity. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. 301 p.
7. Rodgers B. Philip Roth. Boston: Twayne Publishers, 1978. 192 p.
8. Roth Ph. Portnoy's Complaint. N. Y.: Bantam, 1970. 274 p.
9. Roth Ph. Reading myself and others / Ph. Roth. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1975. 269 p.

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

аспирант кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
dkunilsky@mail.ru

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ХОЛОДНОСТИ

(Пушкин в восприятии А. Хомякова и И. Киреевского)

В статье проанализированы оценки, которые в разное время давались А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским творчеству Пушкина. Отмечается неоднозначное отношение Хомякова к Пушкину, сопровождавшее славянофильского мыслителя до конца жизни. Обращается внимание на изменение литературно-критических и эстетических взглядов Киреевского в славянофильский период, отразившееся и на восприятии пушкинского творчества. Приводятся факты, свидетельствующие о невнимании славянофилов к христианской составляющей наследия Пушкина.

Ключевые слова: славянофилы, творчество Пушкина, народность, эстетика

Об отношении старших славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского к Пушкину часто судят по фактам того времени, когда Пушкин был еще жив. Вспоминается обычно статья Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828), его желание видеть поэта в числе сотрудников «Европейца», известные высказывания о личности Пушкина в письмах Киреевского («В Пушкине я нашел еще больше, чем ожидал. Такого мозга, кажется, не вмещает уже ни один русский череп»¹) [11; 290]. Здесь ситуация более или менее ясна, чего не скажешь о Хомякове, ведь уже первые его контакты с Пушкиным полны коллизий. Но в любом случае важно не забывать, что в тот момент будущие родоначальники славянофильства еще не были славянофилами и их принадлежность к славянской партии не являлась определяющим фактором при оценке русской литературы в целом и пушкинского творчества в частности.

Обозначенная тема не располагает большим количеством научных работ, что отмечалось еще В. И. Кулешовым в книге «Славянофилы и русская литература», опубликованной в 1976 году

[16; 94]. С тех пор славянофильские оценки творчества Пушкина привлекали внимание ученых не так часто. Из существующих можно выделить исследования В. А. Кошелева [14], [15] и Т. Ф. Пирожковой [19]. Однако вопрос этот, конечно, не новый, и уже современники, писавшие о славянофилах, так или иначе его затрагивали. Высказывание одного из них, Н. Н. Страхова, разделявшего многие взгляды славянофилов, может стать исходной точкой в рассмотрении проблемы. «Никому, впрочем, не тайна, – писал Страхов, – холодность наших славянофилов к нашему Пушкину. Она заявляется издавна и постоянно. Это печальный факт, который еще и еще раз свидетельствует о безмерной путанице нашей жизни» [24; 133].

Слова Страхова весьма верно определяют позицию Хомякова. Надо сказать, что Хомяков, в отличие от Киреевского, не предложил ни оригинальной концепции пушкинского творчества, ни сколько-нибудь развернутой его характеристики. Как отмечает Т. Ф. Пирожкова, печатных отзывов Хомякова о Пушкине «немного и они не одно-

типны» [19; 138]. Так, важные высказывания из этого ряда появились как ответ на мысли, представленные в статьях В. Г. Белинского из цикла «Сочинения Александра Пушкина» (см. [10; 424]). Полемизируя с Белинским в работе «Мнение русских об иностранцах» (1846) по поводу трагедии «Борис Годунов», Хомяков замечает, что в пушкинском Годунове «преобладает эпическое начало» [26; 123]. Если учесть, как высоко славянофилы ставили эпос, «эпическое созерцание» (К. С. Аксаков), то можно судить об особой важности этих слов, которые в устах славянофильского лидера принимали характер высшей похвалы. Однако ситуацию можно толковать и по-другому. Хомяков, расходясь с Белинским в понимании центрального героя², мог совпасть с ним в сомнениях о жанровой принадлежности произведения. «“Борис Годунов” Пушкина – совсем не драма, а разве эпическая поэма в разговорной форме», – считал Белинский [5; 427]. Хомяков, сам имевший драматургический опыт, мог предъявлять трагедии Пушкина сходные претензии, полагая, что она не вполне соответствовала законам драматического искусства.

Хомяков откликнулся и на категоричное заявление Белинского, согласно которому «в народных русских песнях, вместе взятых, не больше русской народности» [5; 364], чем в балладе Пушкина «Жених». Белинский затронул животрепещущую для славянофилов тему – тему русской народности и ее отражения в искусстве, что не могло оставить Хомякова равнодушным. Говоря о «народной поэзии», славянофильский мыслитель обмолвился, что ни Пушкин, ни Лермонтов, «кажется, даже не поняли вполне ни ее неисчерпаемых богатств, ни даже ее неподражаемого языка» [26; 125–126]. Резкость утверждения частично можно объяснить так: вопросы, которые входили в сферу непосредственных интересов московской партии, принялся обсуждать *петербургский* журналист и постоянный оппонент славянофилов. Другими словами, тезис Белинского имел следствием антитезис Хомякова³.

На характер приведенных высказываний Хомякова могли повлиять те сложности, что когда-то существовали в его отношениях с Пушкиным. По предположению В. А. Кошелева, на Хомякова сильно повлияла встреча с поэтом весной 1832 года, когда Пушкин, видимо, неодобрительно высказался о драме Хомякова «Димитрий Самозванец»: «Хомяков... был угнетен и расстроен этой встречей настолько, что тотчас же выехал из Петербурга в деревню – и не приезжал туда целых пятнадцать лет...» [15; 96]. Это давнее обстоятельство не помешало Хомякову в 1859 году на заседании Общества любителей российской словесности прямо назвать Пушкина гением и напомнить о «художественной красоте» его творческой деятельности [26; 310].

Столь веские слова Хомякова создают соблазн поставить эффектную точку в истории его литературных отношений с Пушкиным. И кажется, что

для этого есть достаточные основания: Хомяков высказался так о значении Пушкина публично, в кругу людей, профессионально занимавшихся литературой. Но в том же 1859 году в письме к Ивану Аксакову, не соглашаясь с направленностью статьи Н. С. Соханской «Степной цветок на могилу Пушкина», Хомяков в очередной раз позволяет себе критически высказаться о личности поэта, отметив, что «способности к басовым аккордам недоставало не в голове Пушкина и не в таланте его, а в душе, слишком непостоянной и слабой или слишком рано развращенной и уже никогда не находившей в себе сил для возрождения» [25; 366].

Можно заметить, что категоричное мнение Хомякова объясняется не одним лишь полемическим задором – что-то похожее вырвалось из уст будущего славянофильского лидера в связи со смертью Пушкина в одном из писем к Н. М. Языкову: «Сам Пушкин не оказал твердости в характере (но этого от него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму» [23; 202]. Вообще очень характерны чувства Хомякова, вызванные дуэлью и смертью Пушкина. В четырех письмах к Языкову, где как раз обсуждались подробности трагедии, можно выделить следующие смысловые узлы.

Вне всяких сомнений, Хомяков искренне сочувствовал Пушкину и ощущал всю сложность ситуации, в которую попал поэт: «Грустное известие пришло из Петербурга. Пушкин стрелялся с каким-то Дантесом, побочным сыном голландского короля. Говорят, что оба ранены тяжело, а Пушкин кажется смертельно. <...> Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось и что ему хотелось рискнуть жизнью, чтобы разом от нее отделаться или ее возобновить» [23; 202]. При всех уже существовавших к тому времени идейных расхождениях Хомяков хорошо представлял себе, какую утрату понесет русская литература с уходом Пушкина: «Бедный Пушкин! Пожалей об нем и помни, что если он умрет, так тебе надо будет вдвое более трудиться» [23; 202].

Вопрос, кто повинен в гибели Пушкина, был сразу решен Хомяковым: «Его Петербург замучил всякими мерзостями» [23; 202]. «Пушкина убили непростительная ветреность его жены (кажется, только ветреность) и гадость общества петербургского» [23; 202]. Здесь можно указать, что в своем понимании случившегося Хомяков уже близок к славянофильскому комплексу идей. Немаловажным ему казалось, что несчастье произошло не где-нибудь, а именно в Петербурге, кроме того, одной из конфликтующих сторон выступил большой свет, в делах которого принимала участие и жена Пушкина. Таким образом, в письмах Хомякова совершенно отчетливо проявляются взгляды, которые впоследствии станут для славянофилов определяющими: антипатия к Петербургу и критическое отношение к «свету».

И все-таки в гибели поэта было виновно не только петербургское общество. Такая развязка,

по мнению Хомякова, отчасти была обусловлена поведением самого Пушкина, который «себя чувствовал униженным и не имел ни довольно силы духа, чтобы вырваться из унижения, ни довольно подлости, чтобы с ним смириться» [23; 202]. «Он отшатнулся от тех, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговейной, а пристал к людям, которые его принимали из милости. Тут усыпил он надолго свой дар высокой и погубил жизнь, прежде чем этот дар проснулся (если ему было суждено проснуться)» [23; 202–203]. Как это ни странно, Хомяков сомневается даже в истинности дарования Пушкина – момент довольно-таки показательный, происшедшее для него всего лишь «жалкая репетиция Онегина и Ленского, жалкий и слишком ранний конец»⁴ [23; 202]. Через некоторое время после смерти Пушкина Хомяков вновь вспомнит о ней в письме к тому же адресату: «Какова жалкая судьба Пушкина! Убит дрянью, и дрянью Полевой в дрянной Библиотеке вызывает на какую-то дрянную подписку в честь покойника!» [23; 203]. Но так ли далеко от презираемого им Полевого оказался Хомяков в своей оценке случившегося? В статье-некрологе «Пушкин» Полевой замечал: «Не теперь, когда и дерном не покрылась еще свежая могила чудесного певца, не теперь говорить о жизни Пушкина, непрерывной ошибке, смеси неба с землею, решительности гения с недоверием человека к самому себе, гордой мечте и бедной существенности. <...> Увлеченный мечтами юного и пламенного воображения, он истратил первый цвет жизни на эти безрассудные мечты» [20; 274–275]. В сущности, Хомяков и Полевой говорили об одном и том же, только Полевой не погнушался фразами, эпатирующими публику, – взять хотя бы слова о жизни Пушкина как «беспрерывной ошибке».

Называя Пушкина, а вместе с ним и Державина «великими лирическими поэтами и полными представителями своего современного отечества», Полевой рассуждал: «Обоих захватил к себе свет и погубил их как поэтов. Оба увлеклись пылкостью своих впечатлений в чуждую для себя сферу и не могли осуществить всей своей самобытности» [20; 280]. Может быть, Хомякова в первую очередь и раздосадовало близкое совпадение с журналистом «Библиотеки для чтения» – слишком схожие мысли были высказаны обоими авторами. Как бы то ни было, важно, что Хомяков, сам того не желая, в некоторых суждениях сошелся с одним из самых яростных в тридцатые годы критиков Пушкина.

Очевидно, что неоднозначное отношение к Пушкину сопровождало Хомякова до конца жизни, причем его упреки были вызваны как творчеством, так и бытовым поведением поэта. В числе причин, повлиявших на позицию Хомякова, современные исследователи рассматривают факт публичного чтения Пушкиным и Хомяковым своих трагедий в 1826 году в Москве с разницей в день, когда одна и та же аудитория слушала «Бо-

риса Годунова» и «Ермака» и отдала предпочтение первому. При всей авторской объективности и благородстве Хомякова все-таки нельзя исключить здесь некоторого состязательного момента, связанного с обстановкой, которая противопоставляла писателей друг другу. Ситуацию усугубило равнодушие Пушкина к следующей драме Хомякова «Димитрий Самозванец», о чем говорилось выше. Вероятно также, что житейское поведение Пушкина, сопровождавшееся многочисленными анекдотами, Пушкин в жизни казались славянофилам серьезным основанием оставить без внимания многие его произведения. Об этом свидетельствуют цитированные письма Хомякова. Кроме того, Хомякову как человеку крепких нравственных устоев просто могли быть не близки многие пушкинские герои, лишенные положительного содержания и смысла жизни. Напряженность в какой-то мере снимается, если вспомнить склонность Хомякова к диалектической постановке проблемы, что выразилось, к примеру, в статье «О старом и новом», где речь шла о самых заветных его убеждениях.

Интересное свидетельство, касающееся творческих взаимоотношений Пушкина и Хомякова, оставила дочь последнего Мария Алексеевна: «А<лексей> С<тепанович> прекрасно читал стихи Пушкина, помню, как он чит<ал>, напр<имер>, его “Обвал”, его “У берегов отчины дальней”, <а> “Сиж у окошка темницы сыр<ой>” и до сих пор в моих ушах: “Мы вольные птицы, туда, брат, туда, туда, где за тучей белеет гора, туда, где синют морские края, туда, где гуляем лишь ветер да я...”

Как он любил тоже “Монастырь на Казбеке”. Сам он очень дорожил мнением Пушкина и говорил, что Пушкин очень любил его “Не сила народов тебя возвела, не воля чужая венчала...”» [27; 185–186]. Воспоминания дочери Хомякова о взаимной симпатии двух поэтов были записаны ею достаточно поздно, в пожилом возрасте, когда многое уже стерлось из памяти. Мария Алексеевна неточно называет стихотворения Пушкина и говорит о стихотворении Хомякова «Еще об нем», которое Пушкин прочитать никак не мог, поскольку оно было написано уже после его смерти, в 1841 году, что неоднократно отмечалось исследователями. Кроме того, укажем еще на одну деталь, которая могла повлиять на характер воспоминаний. Немаловажным представляется, что работа над воспоминаниями началась не ранее 1890-х годов (такую датировку предлагает их публикатор Е. Е. Давыдова). В 1880 году в Москве состоялись Пушкинские торжества, во время которых И. С. Аксаков, так сказать, ввел Пушкина в славянофильскую семью, провозгласив его «первым истинно-русским поэтом» [4; 279]. В последующих печатных выступлениях на страницах «Руси» Аксаков считал возможным подкреплять свои мысли «“славянофильством” наших лучших поэтов, в том числе и Пушкина» [2; 328]. Такая позиция друга отца, последнего из классиков славянофильства, могла иметь влияние

на М. А. Хомякову, в радужных красках описавшую взаимоотношения Пушкина и Хомякова. Сам Хомяков был твердо убежден, что на творчество Пушкина нанесла неизгладимый отпечаток та «духовная болезнь», что «истекала из разрыва между просвещенным обществом и землею» [26; 315]. Да, Хомяков рассудочно понимал величие Пушкина, отдавал должное его художественному мастерству, и нет оснований сомневаться, что он любил отдельные стихотворения Пушкина. Однако художника, который бы мог воплощать национальную идею хотя бы в сфере искусства, Хомяков в Пушкине не видел. Показательно в этом случае молчание Хомякова о произведениях Пушкина, где возникали близкие славянофилам темы. Любопытно было бы узнать мысли славянофильского лидера о «Медном всаднике» или «Песнях западных славян»⁵. В 1861 году, через год после смерти Хомякова, Достоевский, как будто опровергая его мнение о Пушкине, писал в первой статье «Книжность и грамотность»: «Отбросим все, самое колоссальное, что сделал Пушкин; возьмите только его “Песни западных славян”, прочтите “Видение короля”: если вы русский, то вы почувствуете, что это в высочайшей степени русское, не подделка под народную легенду, а художественная форма всех легенд народных, форма, уже прошедшая через сознание поэта и, главное, – в первый раз нам поэтом указанная» [9; 15]. Следующая статья Достоевского «Последние литературные явления. Газета “День”» была посвящена непосредственно полемике со славянофилами.

Более ровное и уважительное, по сравнению с хомяковским, отношение к Пушкину наблюдается в печатных выступлениях И. В. Киреевского, автора известных работ «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828) и «Обозрение русской словесности 1829 года» (1830), ставших ценным материалом для последующих критиков и исследователей пушкинского творчества. Поскольку они написаны в дославянофильскую пору жизни Киреевского, здесь нет необходимости разбирать их подробно, однако некоторые положения этих статей нуждаются в огласке. Прежде всего, обращает на себя внимание периодизация творчества Пушкина, предложенная молодым автором, и, конечно, название третьего периода – «*период поэзии русско-пушкинской*» («Нечто о характере поэзии Пушкина») [11; 38]. Так Киреевский определил высшую фазу развития пушкинской поэзии, которая, по его мнению, многими своими чертами соответствовала русскому характеру. Важными составляющими третьего периода Киреевский считал сцену в Чудовом монастыре из трагедии «Борис Годунов», особенно фигуру летописца Пимена, и образ Татьяны («Характер Татьяны есть одно из лучших созданий нашего поэта») [11; 39]. Примечательно, что спустя годы после несправедливых отзывов славянофилов о Пушкине И. Аксаков в своей речи на Пушкинском празднике будет гово-

рить об особом значении именно этих героев великого поэта.

В другой своей крупной работе, «Обозрение русской словесности 1829 года», Киреевский делит русскую литературу XIX века «на три эпохи, различные особенностью направления каждой из них, но связанные единством их развития» [11; 41]. Пушкин в глазах автора – представитель третьей эпохи, его творчество характеризуется ключевым для Киреевского понятием «действительности». «Мы видели, что одно стремление воплотить поэзию в действительности уже доказывает и большую зрелость мечты поэта и его сближение с господствующим характером века»⁶, – писал Киреевский [11; 48]. Пушкин виделся ему главой современного периода русской литературы и художником, чья «поэзия действительности» выражала дух времени.

Но логично спросить, не отказался ли Киреевский от этой концепции пушкинского творчества под влиянием славянофильских идей? Ответ может быть найден во второй части «Обозрения современного состояния литературы» (1845), явившегося уже из-под пера Киреевского-славянофила. Считая нужным специально высказаться о позиции журнала «Маяк», Киреевский в том числе затрагивает и «пушкинский вопрос», который регулярно обсуждался на страницах этого издания. «Маяк», по словам Киреевского, «думает оказать великую услугу словесности, уничтожая вместе с “Отечественными записками” еще и то, что составляет славу нашей словесности. Так, доказывает он, между прочим, что поэзия Пушкина не только ужасная, безнравственная, но что еще в ней нет ни красоты, ни искусства, ни хороших стихов, ни даже правильных рифм» [11; 164]. Несогласие автора с мнением петербургского журнала очевидно.

Далее Киреевский вспоминает время, которое было «не очень давно», когда «для мыслящего человека возможно было составить себе твердый и определенный образ мысли» [11; 168] с помощью западных интеллектуальных систем. Особую смысловую нагрузку в данном контексте несут следующие слова Киреевского: «По этой причине литература наша могла иметь полный смысл до конца жизни Пушкина и не имеет теперь никакого определенного значения» [11; 169]. Здесь возможны два варианта понимания. Если сократить фразу, отбросив начало предложения «по этой причине», получится чрезвычайно высокая оценка роли Пушкина в развитии русской словесности и полное уничтожение современного состояния последней. В эпоху Пушкина, как считал Киреевский, подражательность была оправдана и допустима, поскольку (попробуем продолжить мысль критика) она способствовала развитию русской литературы. Но теперь наступает иное время – время «жизни действительной», время творчества на основе жизни. Учитывая былые мысли Киреевского о «*поэзии русско-пушкинской*», о стремлении Пушкина «во-

плотить жизнь в действительности», можно предположить, что тогда для него Пушкин был выше своего времени и принадлежал будущему.

Следует подчеркнуть, что предложенный вариант прочтения возможен только, если мы вспомним давние статьи Киреевского, где шла речь о Пушкине. Однако текст рассматриваемой работы 1845 года не дает повода интерпретировать направление мысли Киреевского именно так. Славянофильский автор не вспоминает в связи с размышлениями о «жизни действительной» собственного утверждения о стремлении Пушкина «*воплотить поэзию в действительности*». Вероятно, взгляды Киреевского на самобытность в искусстве и на художников-выразителей этой самобытности становились более строгими. В числе других славянофилов он ждал начало нового периода в национальном самосознании и литературе. Примерно в то же время Гоголь, которого нельзя упрекнуть в недоброжелательном отношении к Пушкину, и чье мнение не могло быть для славянофилов безразличным, говорил: «Нет, не Пушкин и никто другой должен стать теперь в образец нам: другие уже времена пришли. <...> Христианским, высшим воспитаньем должен воспитаться теперь поэт» [6; 407–408]. Сопоставление высказываний Киреевского и Гоголя, их перекличка и совпадение, делает второй вариант понимания слов славянофильского автора более предпочтительным⁷. В дальнейшем К. С. Аксаков в «Обзрении современной литературы» (1857) предельно конкретизирует позицию славянофилов, называя Лермонтова «последним русским поэтом отвлеченной подражательной эпохи» [3; 329]. Если развивать мысль Аксакова, получается, что Пушкин также принадлежал к этой подражательной эпохе. Остается добавить, что в 1845 году Киреевский особенно остро чувствовал себя выразителем партийных интересов, поскольку в то время был редактором журнала «Москвитин», где и опубликовал свое «Обозрение современного состояния литературы».

При взгляде назад, на молодые годы И. В. Киреевского, обращает на себя внимание еще одна страница его биографии – то мощное влияние, которое в 1820–30-х годах он оказывал на формирование идей русской философской эстетики. Исследователь этого явления Ю. В. Манн имел все основания говорить о «существовании некоего порога, через который не могла пройти философская эстетика» [17; 92], – имелась в виду рецепция творчества зрелого Пушкина. Правда, Киреевский-критик проявил несоизмеримо большую чуткость в отношении к Пушкину нежели, скажем, Н. И. Надеждин, но ни тот, ни другой не сумели оценить по достоинству «онегинского прозаизма» [17; 40]. В последующей работе, непосредственно посвященной Киреевскому, Ю. В. Манн так определяет литературные воззрения уже славянофильски расположенного мыслителя: «И. Киреевский... ожидал от Гоголя “совершенного переворота в нашей литературе”. Гоголь призван

распространить влияние русской народности на всю словесность, что Крылов мог сделать лишь в ограниченной “басенной сфере”. А как же Пушкин? Пушкин, который в 1830 году был объявлен Киреевским знаменем нового этапа русской литературы, теперь утратил свое ключевое место в его эстетических построениях» [18; 58].

Итак, убеждениям славянофилов далеко не во всем соответствовали не только произведения, но и человеческие качества Пушкина. Достаточно вспомнить письма Хомякова Языкову и И. Аксакову, написанные в разное время. Особо следует подчеркнуть, что и отношение Киреевского к Пушкину было не таким безоблачным, каким оно подчас описывается в современной научной литературе. По крайней мере, Киреевский, в прошлом автор замечательной статьи о Пушкине, в 1845 году не совсем ясно отзывается о значении поэта для русской литературы.

Известно, что понимание важности православия для русской культуры скрепляло славянофильский кружок и не ставилось под сомнение ни одним из его представителей. На основании ключевых публицистических и литературно-критических работ славянофилов, а также их писем правомерно сделать вывод, что христианского поэта в Пушкине они не видели⁸. Неслучайно Хомяков, Киреевский, Аксаковы в своих сочинениях говорят только о художественных достоинствах или недостатках пушкинских произведений и обходят вниманием их духовное содержание. Даже пушкинский «Пророк», по мнению Хомякова, «бесспорно великолепнейшее произведение русской поэзии, получил свое значение... по милости цензуры (смешно, а правда)»⁹ [25; 366]. Напротив, Гоголь более соответствовал славянофильским представлениям о христианском художнике. Так, в связи с кончиной Гоголя Вера Аксакова записала в дневнике: «Гоголь – святой человек по своему стремлению» [8; 27]. Сам образ жизни Гоголя был понятен и К. Аксакову: «Взглянув на свой талант как на долг, возложенный на него от Бога, как на новую обязанность быть еще строже в жизни, он соединил свое вдохновение с молитвой, и жизнь свою повел он сурово, беспрестанно поддерживая, продолжая внутреннюю неослабную борьбу со всеми недостатками человека сперва внутри себя, а потом уже вне» [3; 229]. На этом фоне весьма выразительными кажутся слова Хомякова о «слишком рано развращенной» душе Пушкина.

«...Писать о Пушкине – значит писать о целой русской литературе», – сказал Белинский [5; 81]. В отношении славянофилов к Пушкину выразилось их отношение ко всей русской литературе того времени. Пройдут годы, станет иной литература, эволюционирует и славянофильское движение. В дальнейшем И. С. Аксаков синтезирует и переосмысливает идеи старших славянофилов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 09-04-95583 М/Мл.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письмо С. А. Соболевскому от 29 января 1829 года [11; 290]. О взаимоотношениях Киреевского и Пушкина см. [13].
- ² «Смешное название мелодраматического героя, данное пушкинскому Годунову» Белинским, казалось Хомякову серьезной ошибкой петербургского критика [26; 123].
- ³ Для сравнения, годом ранее Хомяков писал: «Конечно, тупа та критика, которая... в Жуковском, в Пушкине и еще более, может быть, в Лермонтове не видит живых следов старорусского песенного слова» («Письмо в Петербург», 1845) [26; 76].
- ⁴ В. И. Кулешов упоминает об отношении славянофилов к «Песням западных славян», не ссылаясь на какие-либо источники: «В «Песнях западных славян» они (славянофилы. — Д. К.) улавливали мотивы непокорства, вражды, гордого себялюбия, слишком развитого личностного начала» [16; 96].
- ⁵ Эта характеристика была принята Пушкиным, которую он суммировал в лаконичной формуле: «Пушкин, поэт действительности» [21; 104].
- ⁶ Иначе эти слова Киреевского понимает В. А. Котельников: «Литература, по мнению Киреевского, должна быть полным выражением настоящего момента народной жизни, выражением национального самосознания. Исходя из этого Киреевский называл народным поэтом Пушкина, видел «силу русской народности» у Гоголя, глубокое понимание человека у Баратынского, но литература 1840–1850-х годов в целом, как ему казалось, уже не несла в себе современного «живого убеждения», поэтому, писал Киреевский в 1845 году, «литература наша могла иметь полный смысл до конца жизни Пушкина и не имеет теперь никакого определенного значения» [12; 73].
- ⁷ Показательно, что отзывы славянофилов о Пушкине порой совпадают с точкой зрения церковных авторов, чьи высказывания проанализированы в работе А. П. Дмитриева (см. [7]).
- ⁸ Хомяков имел в виду содержание последней строфы, которой якобы оканчивался «Пророк»: «Восстань, восстань пророк России, // В позорны ризы облекись, // Иди, и с вервием вокруг шеи // К У. Г. явись». В отрывке шла речь о недавно казненных декабристах. Эта строфа, конечно же, не могла появиться в печати. Приведенные стихи Хомяков сообщил П. И. Бартеневу [22; 31, 91–94].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2. 575 с.
2. Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 1008 с.
3. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.
4. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1982. 183 с.
5. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 6. 678 с.
6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 1–14. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. 816 с.
7. Дмитриев А. П. Духовные пастыри XIX века об А. С. Пушкине // Духовный труженик А. С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб.: Наука, 1999. С. 137–142.
8. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854–1855) / Ред. и прим. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб., 1913. 174 с.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1979. Т. 19. 360 с.
10. Егоров Б. Ф. Комментарии // Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 415–449.
11. Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.
12. Котельников В. А. Достоевский и Иван Киреевский // Русская литература. 1981. № 4. С. 57–76.
13. Котельников В. А. Литератор-философ // Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 5–28.
14. Кошелев В. А. Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1987. Вып. 21. С. 24–40.
15. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 512 с.
16. Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М.: Худож. лит., 1976. 288 с.
17. Манн Ю. В. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969. 304 с.
18. Манн Ю. В. Эстетическая эволюция И. Киреевского // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 7–59.
19. Пирожкова Т. Ф. «Живая связь любви» (о речи И. С. Аксакова на пушкинских торжествах 1880 г.) // Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2000. С. 130–141.
20. Полевой Н., Полевой К. С. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. Л.: Худож. лит., 1990. 592 с.
21. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 1–16. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. 588 с.
22. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851–1860 годах. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. 140 с.
23. Русский архив. 1884. Кн. III. № 5.
24. Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.
25. Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1904. Т. 8. 468 с.
26. Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 462 с.
27. Хомякова М. А. Воспоминания об А. С. «Хомякове» (публикация и комментарии Е. Е. Давыдовой) // Хомяковский сборник. Томск: Водолей, 1998. С. 173–204.

УДК 332.14; 332.146

ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ КОЗЫРЕВ

кандидат биологических наук, аспирант Института экономики, Карельский научный центр РАН
vitlen@onego.ru

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ САВЕЛЬЕВ

кандидат экономических наук, главный ученый секретарь Президиума, Карельский научный центр РАН
savel@krc.karelia.ru

**СУЩНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ
ТЕРРИТОРИЙ: МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД**

В статье анализируются особенности современной конкуренции территорий за привлечение факторов производства, трудовых ресурсов и капитала. Предлагаются методические инструменты использования концепции «маркетинга взаимодействия» для повышения конкурентоспособности территории за счет включения во внешние цепочки создания стоимости и концентрации стоимостных цепочек на территории региона.

Ключевые слова: конкуренция территорий, территориальный маркетинг, концепции маркетинга, маркетинг взаимодействия, цепочки добавления стоимости

Современный этап развития характеризуется существенным усилением конкуренции как на уровне хозяйствующих субъектов, так и на уровне территорий. Конкуренция территорий сегодня осуществляется за привлечение различных видов экономических ресурсов и факторов производства – природных ресурсов, трудовых ресурсов, капитала, производств и т. д. А потому успешность вхождения конкретной территории в систему мирохозяйственных связей, ее конкурентоспособность и привлекательность на внешних рынках во многом зависят от активной позиции, созданных условий для экономической деятельности, успешности продвижения ее интересов на внешних рынках, то есть, в конечном счете, от использования методов и инструментов территориального маркетинга.

Современная конкуренция приводит не только к качественным преобразованиям в экономической и социальной структуре, преобразованиям воспроизводственных процессов на территории, но также к развитию и совершенствованию теории и прикладных методов управления, форми-

рованию и внедрению новых концепций маркетинга. Сегодня существует по крайней мере шесть концепций маркетинга, которые, в свою очередь, определяют набор научно-методических и прикладных инструментов управления деятельностью хозяйствующего субъекта (или, как в нашем случае, территории) на рынке [1]. К ним относятся: производственная, товарная, сбытовая, концепция традиционного маркетинга, концепция социально-этического маркетинга и концепция маркетинга взаимодействия [1], [2].

Большинство вышеперечисленных концепций маркетинга традиционно используются в корпоративном секторе. Однако если рассматривать территорию с точки зрения корпоративного подхода (в качестве квазикорпорации), позволяющего выявить множество сходных признаков в организации и управлении, то большинство существующих концепций маркетинга могут быть использованы и применительно к территории [2].

Современная конкуренция в эпоху глобализации существенно отличается от традиционно по-

нимаемых нами конкурентных отношений, которые предполагали наличие некоего «условного» внешнего или внутреннего соперника. Конкуренция сегодня – это конкуренция организационных потенциалов компаний (или территорий), направленная на генерирование внутренних конкурентных преимуществ. Определяющими факторами в достижении конкурентного преимущества в современных условиях являются [5]:

- Сильный и жизнеспособный организационный потенциал. Все остальное – ресурсы, средства производства и даже имидж – имеет второстепенное значение.
- Ориентация на конкретного клиента. Данный фактор применим не только к корпорациям, но и к территориям. В частности, для клиентов важным является внутренний потенциал создания новых ценностей, что выдвигает на первый план девиз: «К новым ценностям вместе с клиентом». Только в этом случае клиент становится лояльным к компании (или территории) и у него появляется заинтересованность в достижении общей цели.
- Использование в качестве источника конкурентных преимуществ не идеи «соперничества» с конкурентами и наличия «внешнего врага», а идеи «ухаживания» за потребителем (клиентом), удовлетворение и предупреждение возникающих у него потребностей.
- Изменение вектора маркетинга с завоевания относительной доли рынка к созданию системы, позволяющей добиться абсолютного уровня удовлетворения клиента.

Эти особенности современной конкуренции закладываются в основу маркетинга территории, а потому на первый план выходит концепция маркетинга взаимодействия, поскольку она предполагает выстраивание эффективной коммуникации с клиентами. Эта новая концепция управления маркетингом на рынках товаров и услуг была предложена в 1980-е годы шведскими учеными. В соответствии с данной концепцией, основная идея маркетинга взаимодействия состоит в том, что объектом управления становится не совокупное решение, а отношения (коммуникации) с потребителем (клиентом) и другими участниками рынка. Прогрессивность концепции маркетинга взаимодействия определяется тем, что в условиях, когда продукты все в большей степени становятся стандартизированными, а услуги – унифицированными, что приводит к формированию повторяющихся маркетинговых решений, единственным способом удержать и повысить лояльность потребителя является индивидуализация отношений с ним. А это возможно только на основе развития долгосрочного партнерского взаимодействия. То есть потребитель рассматривается не только с точки зрения реализации продукции (услуг), но и становится активным участником производственных отношений [3], [4]. В этом контексте отношения с потребителем становятся важнейшим

ресурсом компании (территории) наряду с материальными, финансовыми, информационными, трудовыми и тому подобными ресурсами. Более того, сами отношения с клиентом материализуются в этом случае в совместном продукте (услуге), в котором интегрированы интеллектуальные и информационные ресурсы. Непосредственным образом участвуя в создании продукта (услуги), сам потребитель будет рекомендовать и продвигать его на рынке. В результате оказывается задействованным неформальный канал распространения информации о продукте (через использование личных контактов), и каждый потребитель фактически становится агентом компании (территории). Кроме того, как известно из практики маркетинга, осуществление эффективной коммуникации в сочетании с активным использованием интеллектуальных и информационных ресурсов рассматривается в качестве главного фактора создания конкурентных преимуществ и непрерывности рыночных отношений [4].

На уровне территории субъектами маркетинга взаимодействия становятся все члены территориального сообщества и хозяйствующие субъекты, а также внешние субъекты (компании и жители других регионов, туристы и др.). С этой точки зрения важной задачей администрации территории является создание условий, в которых каждый ее житель или человек, посещающий территорию с определенными целями, становится бы носителем ее ценностей – «агентом», формирующим имидж территории за ее пределами. В частности, такую важную идеологическую функцию должны выполнять миссия и стратегия развития территории. Причем они должны не только концентрировать все ценности и уникальные особенности территории и местного сообщества, трансформируя их в конкретные продукты и услуги, но и учитывать весьма разнообразные интересы как внутренних, так и внешних субъектов [5], [7]. На практике это означает встраивание во внешние системы и цепочки добавления стоимости через создание на территории таких условий, при которых было бы выгодно размещать определенные виды активов. На этом основана конкурентоспособность территории – через ее способность привлекать экономические ресурсы и капитал [5]. С помощью такой направленности региональной стратегии и использования концепции маркетинга взаимодействия появляется возможность не только встраивания в существующие внешние цепочки добавления стоимости, но и генерации на их основе собственных цепочек с активным использованием уникальных особенностей территории и вовлечением клиентов в процесс создания новых продуктов.

Предложенная классификация концепций маркетинга не может рассматриваться как правило, норма или стандарт для каждой страны, территории или предприятия. Эволюция марке-

тинга в рамках каждого из рассматриваемых субъектов в зависимости от уровня развития рыночных отношений имеет определенные специфику и особенности. Однако мировой опыт становления маркетинга и развития рыночных отношений является полезным, так как может использоваться как ориентир при формировании рыночных отношений и организации предпринимательской деятельности на конкретной территории. Кроме того, известна общая тенденция развития маркетинга – перенос внимания с производства товара (услуги) на потребителя (клиента), его нужды и потребности. Только на их основе возможно формирование уникальных условий и факторов, способных создать конкурентоспособные и уникальные территориальные и продуктовые бренды [3]. В свою очередь, через продвижение этих брендов возможно привлечение на территорию различных видов капитала и экономических активов, с помощью которых будет осуществляться конструирование нового экономического пространства.

Конкурентоспособность территории зависит от органичного использования двух вышеназванных подходов – встраивания в существующие внешние цепочки добавления стоимости и генерации новых цепочек добавления стоимости на основе резидентных для региона экономических структур [5]. При преобладании первого подхода территория становится структурной частью глобального рынка с производственной или торговой специализацией, концентрируя отдельные стадии экономической деятельности (например, контрактное производство, распределение продукции, обмен). При преобладании второго подхода на первый план выходит развитие нематериальных ценностей и формирование уникальных собственных брендов, которые являются основой для генерации собственных цепочек добавления стоимости [5]. Таким образом, во втором случае территория становится центром аккумуляции активов и управления движением капитала с соответствующей специализацией на обслуживании потоков капитала, в сфере услуг и в высокотехнологичных секторах.

В первом случае территория активно интегрируется в систему международного разделения труда через размещение производств «частичных продуктов» и закрепление сложившейся специализации территории. Следует учитывать, что при таком варианте развития событий производства, расположенные на территории, будут встраиваться во внешние цепочки создания стоимости, постепенно теряя свою экономическую самостоятельность и увеличивая зависимость от внешних центров управления. За пределы территории в этом случае выносятся рычаги управления ее активами. Это следует рассматривать в качестве определенной «платы» за глобализацию.

Во втором случае территория, интегрируясь в мировой рынок, наоборот, концентрирует

в своих руках основные рычаги и центры управления сгенерированными цепочками добавления стоимости. При этом конкурентоспособность продуктов, создаваемых этими цепочками, несоизмеримо выше, чем конкурентоспособность «частичных продуктов». Она основана на уникальности, в основу которой заложены нематериальные активы территории (природные, национально-культурные и другие особенности) [5]. С этой точки зрения весьма показателен пример города Лимерик (графство Шеннон, Ирландия), который приведен Филиппом Котлером и другими в книге «Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы» [3]. В данном примере в основу развития города и формирования резидентных цепочек добавления стоимости заложено юмористическое пятистишие, широко известное за его пределами и называемое «лиммерик». На основе этой концепции бренда предложены его поэтическая, песенная, музыкально-танцевальная и культурная специализации. Для их воплощения в реальные продукты на территории построены концертные залы и организован международный фольклорный фестиваль, открыты Лимерийский университет и Лимерийский языковой центр, создана система специализированных ирландских пабов [3]. Все это – элементы материального воплощения бренда территории, закладываемые в основу формирования и продвижения специализированных и уникальных в своем роде продуктов.

В качестве еще одного примера формирования бренда территории и резидентных цепочек добавления стоимости на его основе можно рассмотреть муниципалитет Рованиemi – столицу финской губернии Лапландия. Базовой концепцией бренда (или неким «зонтичным» брендом) территории является слоган: «Лапландия – столица Рождества и царство снега» (см. рисунок) [5]. Данный слоган в различных вариациях можно встретить на самых разных рекламных буклетах и в роликах туристских компаний. Частные концепции брендов, вытекающие из общей концепции, рассматриваются в качестве важнейших нематериальных активов территории. Они представляют собой элементы потенциала территории, определяющие ее уникальность и качества, отличные от других территорий. На основе этих элементов строятся резидентные цепочки добавления стоимости.

В свою очередь, на стадии формирования и продвижения частных брендов и продуктов определяющее значение начинает играть экономический капитал (инвестиции, основные производственные фонды, трудовые ресурсы и др.). Формирование и продвижение частных брендов требует развития специализированной системы факторов производства. Уровень развития специализированных факторов производства и объем задействованного при этом экономического

капитала в каждом конкретном случае будут определять шансы на рыночный успех каждого частного бренда и представляющего его продукта. Таким образом, на этой стадии определяющее значение экономического капитала и его превалирование над всеми другими видами капитала (в частности, над нематериальными активами территории) становятся главной движущей силой конкуренции территорий. В современном обществе наблюдается обострение конкурентной борьбы за его перераспределение.

Попытаемся выяснить экономическую сущность современной конкуренции территорий и выделить те факторы, под действием которых складываются специализация территории и ее конкурентные преимущества (как основа для формирования региональных цепочек добавления стоимости).

Известно, что при перераспределении капитала и его концентрации в пределах конкретной территории ей вменяются и обременения капитала. Под обременением понимается специфическая ответственность, сопутствующая пользованию приобретенным капиталом и обусловленная условиями его воспроизводства [6]. Обременение капитала оказывает непосредственное влияние на его ликвидность. В определенные моменты и при определенных условиях обременения капитала могут складываться настолько высокими, что его ликвидность резко падает. Он становится непривлекательным и требует модернизации, чтобы изменить его предельную производительность (либо снизить издержки при существующей производительности). Здесь на первый план и выходят уникальные особенности территории, которые следует рассматривать в качестве естественных конкурентных преимуществ и которые могут быть использованы для формирования уникальных региональных продуктов и брендов.

В силу определенных территориальных различий существуют различия и в объеме обременений для конкретного вида капитала, следовательно, и для территории, специализирующейся на использовании и привлечении этого капитала. Это утверждение является следствием из теории абсолютных преимуществ А. Смита и теории относительных преимуществ Д. Рикардо. В частности, существующая дифференциация пространства позволяет идентифицировать и развивать те свойства конкретных территорий, которые позволяют в наибольшей степени накопить и максимально эффективно использовать наиболее привлекательные виды территориальных активов и ресурсов. Другими словами, дифференциация пространства определяет специализацию территорий и логику потоков капитала и факторов производства между ними [5]. Дифференциация пространства с выделением специализированных экономических центров в регионе и оптимизация территориальной логики капитала позволяют удерживать имеющиеся

и создавать новые конкурентные преимущества, основанные на уникальности территории и особенностях ее воспроизводственной структуры. Эти особенности находят отражение в региональных цепочках добавления стоимости. Цепочку добавления стоимости (с точки зрения концепции маркетинга территории) можно представить в виде целостной последовательности движения и преобразования различных видов капитала, воплощающихся в итоговом продукте (товаре, услуге) и в выборе путей и способов наиболее качественного и полного удовлетворения возникающих потребностей как у внутренних, так и у внешних клиентских групп. Следует пояснить, что понимается под внешними и внутренними клиентскими группами. В качестве внешних клиентских групп для территории выступают международный и инорегиональный бизнес, институциональные инвесторы и банки, мигранты, туристы. К внутренним клиентским группам относятся население, резидентные организации и региональный бизнес. Ценность выстраивания в регионе целостных цепочек добавления стоимости определяется такой комбинацией их элементов, которая позволила бы получить максимальную отдачу от использования региональных факторов производства и различных видов капитала. При этом на первый план выходит никак не реализация (институционализация) прав собственности и не получаемый финансовый результат, а возможность осуществления идеи, смысла. То есть ценность тех или иных цепочек добавления стоимости определяется в конечном итоге не максимизацией простота капитала (дохода), а повышением степени удовлетворения потребностей внешних и внутренних клиентских групп. Это утверждение подтверждается теоретическими концепциями М. Фуко и А. Маслоу (концепция пирамиды потребностей). Согласно концепции М. Фуко, при проектировании пространства (продукта) человек исходит из связности образа с закладываемым в него нужным новым смыслом, строящемся на удовлетворении конкретных потребностей [8]. Это утверждение становится особенно актуальным в современных условиях, когда в мировой экономике сформировалось «общество потребления». Как показали дальнейшие исследования, «соединение товара (услуги) со смыслом его потребления в «обществе потребления» возникает естественным путем» [8]. Отсюда можно сделать крайне важный вывод – наиболее эффективное управление в «обществе потребления» строится на управлении смыслами и мотивами потребления, а не на управлении товарным предложением и ассортиментом. А поэтому сегодня особую актуальность приобретает использование в управлении конкурентоспособностью территорий концепции маркетинга взаимодействия, позволяющей на практике реализовать принцип «к новым ценностям вместе с клиентом».

Пример формирования региональных цепочек добавления стоимости на основе использования уникальных свойств территории

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубков Е. П. Маркетинговые исследования: теория, практика и методология. М.: ФинПресс, 1998. 416 с.
2. Данько Т. П. Управление маркетингом (методологический аспект). М.: ИНФРА-М, 1997. 334 с.
3. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы: Пер. с англ. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 382 с.
4. Ламбен Ж. - Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива: Пер. с франц. СПб.: Наука, 1996. 589 с.
5. Особенности воспроизводства регионального капитала: сущность, подходы к оценке, методы управления / Под общ. ред. Ю. В. Савельева. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2008. 210 с.
6. Пачина Т. М. Управление пространственной гармонизацией движения национального капитала. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2006. 254 с.
7. Сачук Т. В. Основы территориального маркетинга. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2004. 202 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб.: А-сac, 1994. 408 с.

АНЖЕЛА ВЛАДИМИРОВНА РУГАЧЕВА

старший преподаватель кафедры экономической теории
и финансов экономического факультета, Петрозаводский
государственный университет
rav@sampo.ru

ФИНАНСОВЫЙ МЕХАНИЗМ КАК ЧАСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИРМЫ

В статье рассматриваются особенности институционального и финансового механизмов функционирования фирмы, позволяющие ей выводить значительные финансовые ресурсы за пределы российской экономики. Основное внимание уделяется характеристике финансового механизма современной фирмы и последствиям его функционирования для национальной экономики.

Ключевые слова: фирма, институциональный механизм функционирования фирмы, финансовый механизм функционирования фирмы

В настоящее время в экономике России активно протекают процессы ухода капитала за рубеж. Помимо того что деньги выводятся из экономического оборота отечественной экономики, российский бюджет недополучает значительных поступлений. Основными инструментами вывода капитала за границу являются использование оффшорных схем в предпринимательской деятельности и трансфертное ценообразование.

Приведем несколько примеров. По данным газеты «Ведомости», более 80 % экспорта угля из России осуществляется через оффшоры по заниженным ценам [15]. Речь идет в первую очередь об энергетическом угле. Крупнейшими экспортёрами такого сырья являются СУЭК, «Кузбассразрезуголь» и «Мечел». Эту цифру подтверждают данные проверок Счетной палаты, проведенных в 2009 году [15]. Счетная палата утверждает, что уголь, прежде всего энергетический, вывозится из России по ценам, которые на 30–54 % ниже мировых [15]. В. Путин в средствах массовой информации в 2008 году заявлял о двукратном по сравне-

нию с мировыми снижении цен на уголь компанией «Мечел». Б. Хейфец приводит факты о четырехкратном занижении цен этой компанией по сравнению с внутренними (1,1 тыс. руб. за 1 т против 4,1 тыс. руб. за 1 т соответственно) при продаже коксующегося угля через свою дочернюю компанию в Швейцарии (оффшорного трейдера) [13].

Чистый отток капитала через оффшорные юрисдикции в сентябре 2008 года составил примерно 25 млрд, в октябре – порядка 50 млрд долларов США (это примерно 3,5 % ВВП России за 2008 год) [13]. Это данные в расчете на один месяц.

Летом 2009 года Росфинмониторинг заявил о том, что с начала 2009 года около 300 млрд руб. были выведены из России в оффшоры через банки стран Балтии [14], которые рассматриваются как основной канал вывода капитала за границу. Это составляет почти 1 % ВВП России за 2008 год.

Не секрет, что субъекты применения оффшорных схем и трансфертного ценообразования – прежде всего крупные корпорации. Однако эти методы управления финансами доступны также и

фирмам меньшего размера. Речь идет именно о фирме, которая в современной экономической теории трактуется как «совокупность юридических лиц, контрактов, соглашений между различными предприятиями, у которой (совокупности) можно выделить единую стратегию и центр принятия решений, который может быть персонифицирован. В рамках данной совокупности возможны различные отношения между ее участниками (от прямых административных, иерархических до экономических на основе рыночного ценообразования)» [1; 35–36]. Институциональное устройство фирмы (или институциональный механизм ее функционирования) существенно отличается от других форм экономической организации и определяет финансовые возможности фирмы, являющиеся особенностями ее финансового механизма и приводящие к перечисленным выше эффектам.

Понимание целей и механизма функционирования фирмы должно позволить государству создать институты защиты от оппортунистического поведения фирм при наличии должной заинтересованности с его стороны. При этом заметим, что практически все компании, входящие в рейтинг «Эксперт-400», с организационной точки зрения являются вертикально интегрированными структурами, то есть фирмами. Первые десять крупнейших компаний в 2007 году по рейтингу «Эксперт-400» имели совокупную выручку, отраженную в официальной отчетности, на уровне 28 % ВВП страны. В 2009 году этот показатель, рассчитанный на основе рейтинга 100 крупнейших компаний по версии журнала «Деньги», составляет 33 % ВВП.

Институциональный механизм функционирования фирмы возникает как реакция на недостатки рыночного обмена. Замена рыночных отношений административными (или контрактными) позволяет собственникам ресурсов переложить ответственность на высшее управление фирмой и повысить эффективность принимаемых управленческих решений. К институциональным особенностям функционирования фирмы относятся: 1) стремление к минимизации трансакционных издержек через интеграцию; 2) существование треугольника собственности – контроль – управление, являющегося следствием организационного устройства фирмы; 3) существование агентского конфликта в результате асимметрии информации и возможности оппортунистического поведения; 4) наличие сети контрактных отношений, защищающих от разнообразных рисков.

Под институциональным механизмом функционирования фирмы следует понимать: во-первых, порядок взаимодействия фирмы с внешними институтами (институциональной средой); во-вторых, организацию взаимодействия в треугольнике собственности – контроль – управление; в третьих – между центром принятия решений и внутрифирменными подразделениями; в четвертых – между внутрифирменными подразделениями. То есть *институциональный механизм функ-*

ционирования фирмы представляет собой ее организационное устройство и порядок построения взаимоотношений между экономическими субъектами, объединенными в фирму.

На институциональный механизм функционирования фирмы оказывает влияние нецелевое использование внешних институтов. В статье «Нецелевое использование институтов: причины и следствия» Л. Полищук подробно исследует эту проблему. Полученные результаты позволяют сформулировать ряд особенностей, присущих институциональному механизму функционирования современных фирм (корпораций) в России: 1) сращивание корпораций с государством, 2) непрозрачность корпоративного сектора (в том числе по организационной структуре с точки зрения аффилированности), 3) использование институтов (например, института корпоративной социальной ответственности или института посредников) в качестве прикрытия для сговора между бизнесом и властью, приводящего к снижению трансакционных издержек для фирм по договоренностям с властями, например, по налоговым льготам (существование так называемого социального налога на бизнес), 4) большая способность преодолевать административные барьеры, 5) возможность (у крупного капитала) подчинять институты рыночной экономики своим интересам [7].

Финансовый механизм функционирования фирмы формируется, с одной стороны, на основе существующих институциональных рамок (гражданское, налоговое законодательство и т. п.), а с другой стороны – как следствие институционального устройства самой фирмы. Если институциональное устройство фирмы во многом является результатом стремления к экономии на трансакционных издержках, то финансовый механизм формируется вследствие стремления к снижению трансформационных издержек. Отличия финансового механизма функционирования фирмы и предприятия обобщены в табл. 1.

В большей степени предметом анализа в данной статье являются те общие особенности и дополнительные возможности, которые имеет фирма вне зависимости от своего рода деятельности, размера или организационно-правовой формы по сравнению с предприятием и которые являются следствием ее институционального устройства. Например, если предприятие может подпадать под юрисдикцию только российского законодательства, то в фирму могут входить предприятия, находящиеся в разных странах, в том числе в оффшорных зонах. Предприятие может использовать только один налоговый режим, под который оно подпадает в соответствии с действующим законодательством, в то время как фирма может состоять из предприятий, каждое из которых будет использовать свой, наиболее выгодный режим налогообложения. При этом получение доступа к оптимальному налоговому режиму будет возможно в том числе за счет переброски активов и персонала между предприятиями фирмы.

Таблица 1

Сравнительная характеристика предприятия и фирмы с точки зрения финансового механизма*

Важнейшие характеристики финансового механизма	Предприятие	Фирма
Организационное построение	является независимым юридическим лицом	состоит из совокупности предприятий
Цель функционирования	максимизация благосостояния владельцев	максимизация благосостояния владельцев
Метод управления трансакциями	рыночный	административный
Возможности использования трансфертных цен	отсутствуют	широко применяются
Возможности выбора режимов налогообложения	в соответствии с законодательством, иногда возможен выбор из нескольких вариантов	разные предприятия фирмы выбирают разные режимы налогообложения; возможность использования оффшоров
Потенциал привлечения долгового финансирования	относительно низкий	относительно высокий
Уровень эффекта финансового рычага	относительно низкий	относительно высокий
Инвестиционные возможности	пониженные	повышенные
Организация стратегического финансового планирования	самостоятельно	головной фирмой или собственной управляющей компанией для внутрифирменных подразделений
Самостоятельность в принятии финансовых решений	полная	у внутрифирменных подразделений – только оперативные. В ряде случаев даже оперативные решения принимаются руководством фирмы

*Составлено нами.

Исходя из организационного построения фирмы (как М-структуры) особенности ее финансового механизма вытекают из того, что целевые финансовые показатели фирмы (в качестве которых могут рассматриваться ее капитализация, размер прибыли и т. п.) складываются как их сумма по внутрифирменным подразделениям. А это дает возможность для построения множества оптимизационных моделей, основанных на варьировании различными параметрами отдельных структурных подразделений и результатами их деятельности. Замена рыночных отношений на административные, а также сеть контрактов, охватывающая отношения между внутрифирменными подразделениями, позволяют управлять денежными потоками таким образом, чтобы финансовые ресурсы концентрировались на том уровне иерархии, откуда они могут перераспределяться в соответствии с принятой финансовой стратегией. С этой целью используется централизованная система финансового планирования, а также механизм трансфертных цен, который позволяет передавать денежные средства на высший уровень финансового управления или оставлять дополнительные финансовые ресурсы у структурных подразделений с инвестиционными целями.

Стремясь к увеличению свободных денежных средств, фирма, в отличие от предприятия, получает возможности оптимизации налоговой нагрузки. В первую очередь, речь идет о выведении объекта налогообложения (прибыль, имущество и т. п.) полностью или частично в то внутрифир-

менное подразделение, где есть возможность снижения налогового бремени. Инструментами налоговой оптимизации здесь также выступают трансфертные цены и контрактные отношения, строящиеся на административной основе.

Таким образом, очевидно, что инвестиционные возможности фирмы значительно превышают возможности предприятия, так как фирма способна направлять усилия всех структурных подразделений на модернизацию или научные исследования, проводимые в одном подразделении. Это, в свою очередь, приводит к повышению потенциала фирмы в области внедрения новых технологий, что ведет к дальнейшему росту ее эффективности. Фактически в фирме формируется внутрифирменный рынок капитала, управляемый головной компанией. При этом переток капитала может иметь как платный, так и бесплатный (через механизм трансфертного ценообразования) характер.

Значительный имущественный потенциал фирм делает их и более активными заемщиками. Именно большие фирмы способны привлекать крупные кредиты как в стране размещения, так и в зарубежных банках, причем под низкие проценты, так как они имеют самые высокие кредитные рейтинги. По оценкам журнала «Секрет фирмы», за 2006 год российские компании привлекли в виде займов и дохода от продажи акций 86 млрд USD [6]. При этом три четверти от этой суммы составили кредиты и облигационные займы. В табл. 2 представлен перечень 20 крупнейших заемщиков. Неудивительно, что все они входят

в рейтинг «Эксперт-400» и являются вертикально интегрированными (в большинстве случаев сырьевыми) компаниями. Совокупный объем заимствований представленных 20 компаний составляет почти 70 % всех годовых заимствований в стране. Любопытно, что во многих случаях долговое финансирование (объемы которого увеличились в 2006 году по сравнению с 2005-м почти вдвое) привлекалось с целью приобретения акций или поглощения других компаний. Например, за счет синдицированного кредита было профинансировано приобретение «Сибнефти» «Газпром» (13 млрд USD); покупка «ЛУКОЙЛом» компании Nelson Resources обошлась в 1,93 млрд USD; слияние «Пятерочки» и «Перекрестка» было профинансировано банками в сумме 800 млн USD; компании «Балтика» и «Евразхолдинг»

также привлекали долговые источники на консолидацию активов. Процентная ставка, под которую в 2006 году был получен заем «Мобильными телесистемами», составила 3M USD LIBOR + 0,8 % (всего 6,2 %). Отметим, что в середине 2006 года ставка рефинансирования Центрального банка РФ составляла 11 %. 14 сентября 2007 года ОАО «Газпром нефть» подписало кредитную документацию с синдикатом международных банков в составе ABN AMRO Bank N. V., Calyon, Citigroup Global Markets и Commerzbank Aktiengesellschaft на предоставление синдицированного кредита в размере 2,2 млрд долларов сроком на 3 года (двумя траншами по ставке LIBOR + 0,75 % [17]). Такие низкие процентные ставки предприятиям и небольшим фирмам недоступны и в настоящее время.

Таблица 2

20 крупнейших заемщиков за период с 10.11.05 по 10.11.06*

Первые 20 компаний из рейтинга «Эксперт-400» по результатам 2006 года		20 крупнейших кредитных заемщиков за период с ноября 2005 по ноябрь 2006 года			20 крупнейших эмитентов долговых бумаг за период с ноября 2005 по ноябрь 2006 года			
Место в рейтинге	Компания	Место в рейтинге	Компания (в скобках указан рейтинг «Эксперт-400»)	Сумма кредита (млн \$)	Место в рейтинге	Компания (в скобках указан рейтинг «Эксперт-400»)	Сумма займа (млн \$)	Тип займа
1	«Газпром»	1	«Газпром» (1)	16 431	1	«Газпром» (1)	2 444	облигации, еврооблигации
2	Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»	2	«Роснефтегаз»	7 500	2	«ТНК-ВР Холдинг» (5)	1 611	облигации, еврооблигации
3	РАО «ЕЭС России»	3	Нефтяная компания «Роснефть» (6)	5 544	3	РЖД (4)	1 295	облигации
4	РЖД	4	«ТНК-ВР Холдинг» (5)	2 800	4	«Евразхолдинг» (13)	913	еврооблигации
5	«ТНК-ВР Холдинг»	5	«Русал» (14)	2 688	5	«Вымпелком» (23)	600	еврооблигации
6	Нефтяная компания «Роснефть»	6	Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» (2)	1 930	6	ТМК	485	облигации, еврооблигации
7	«Сургутнефтегаз»	7	«Мобильные телесистемы» (12)	1 330	7	ФСК ЕЭС	481	облигации
8	Сбербанк России	8	«Совкомфлот» (229)	1 320	8	Мосэнерго	370	облигации
9	«Северсталь»	9	«Руснефть» (27)	1 000	9	Волгателеком	307	облигации
10	«Татнефть»	10	ОМК	865	10	«Русснефть» (27)	259	облигации
11	ГМК «Норильский никель»	11	«Пятерочка финанс»	800	11	ТД «Копейка» (110)	232	CLN, облигации
12	АФК «Система»	12	«Балтика» (54)	780	12	МОЭСК (74)	222	облигации
13	ЕВРАЗ ГРУП	13	«Газпромнефть»	630	13	«Донстрой» (84)	200	CLN
14	«Русал»	14	«СУАЛ» (38)	600	14	«Казаньоргсинтез» (208)	200	CLN
15	«Связьинвест»	15	«Евразхолдинг» (13)	525	15	НоваТЭК (62)	200	CLN
16	АК «Транснефть»	16	СУЭК (48)	500	16	Нижнекамскнефтехим	200	еврооблигации
17	УГМК-Холдинг 2	17	Чукотская горно-геологическая компания	425	17	Ситроникс	200	еврооблигации
18	Нефтегазовая компания «Славнефть»	18	BRUNSWICK RAIL LEASING	388	18	ГАЗ (26)	185	облигации
19	Магнитогорский металлургический комбинат	19	МХК Еврохим (60)	350	19	ГИДРООГК	185	облигации
20	Новолипецкий металлургический комбинат	20	Рольф Холдинг (45)	350	20	Протек (50)	185	облигации

* Составлено нами по: [6], [9].

Таблица 3

Доля собственных средств в структуре капитала организаций

Наименование организации	Год			
	2003	2004	2006	2007
ОАО «Газпром»	72	72	80	76
ОАО «РЖД»			92	90
ГМК «Норильский никель»	76	75		
ОАО «Татнефть»	72	76		
ОАО «Роснефть»	38			
ОАО «Северсталь»	73	64		
ОАО «Мосэнерго»	90	82		
ОАО РАО «ЕЭС России»	91	94		
ОАО «МегаФон»		31	32	29
Концерн «Калина» (за 3 квартала)				60
ОАО «Интерурал»	51	65		
ОАО «Карельский окатыш»	40	49		
ОАО «Сегежский ЦБК»		25	26	30
ОАО «Удмуртская Энерго- сбытовая компания»			42	30
ОАО «Беломорско-Онежское пароходство»				
ОАО «Компания Славич»			45	43
ООО «Энергостройремонт»	26	24		
ООО «УМР КСМ» (внутрифирм. подр.)				46
ООО «Предприятие 3» (внутрифирм. подр.)			5	9
ООО «Вероника» (розничная торговля)				35

* Составлено нами по результатам расчетов, проведенных на основе данных отчетности организаций.

Высокая доля собственных источников финансирования делает фирму более финансово устойчивой по сравнению с предприятием, что не только облегчает доступ к долговому финансированию, но и значительно снижает риск банкротства.

В табл. 3 представлены организации в порядке убывания объемов деятельности. При этом рассматривается структура капитала не только компаний, которые можно определить как фирмы, но и структура капитала средних и малых предприятий. Данные табл. 3 позволяют выявить тенденцию к сокращению доли собственных средств в процессе перехода от фирмы к предприятию.

Интересно сравнить структуру капитала ОАО «Северсталь» и ее внутрифирменного подразделения ОАО «Карельский окатыш». Мы видим, что если фирма в целом имеет более чем удовлетворительную структуру капитала, то доля заемных средств «Карельского окатыша» в этот же период времени находится на предельном уровне. Это подтверждает вывод о наличии внутрифирменного рынка капитала и о финансировании одних внутрифирменных подразделений за счет других для поддержания общеприемлемых пропорций на приемлемом уровне. Однако нельзя не заметить, что на

структуру капитала оказывают влияние отраслевые особенности компаний, что, прежде всего, связано с длительностью производственного цикла и скоростью оборота активов.

Относительно управления финансовыми потоками в фирме следует также отметить возможность экономии на объемах используемых денежных средств за счет использования неденежных форм расчетов между внутрифирменными подразделениями. Для этого, например, могут использоваться собственные векселя, как это делала в свое время компания «ЮКОС».

Дополнительные возможности по повышению эффективности функционирования фирмы и снижению трансакционных издержек появляются, когда в структуры фирмы включены страховые компании и финансовые учреждения. Издержки контрактиции снижаются, финансовые потоки концентрируются внутри фирмы в еще большей степени, появляются дополнительные возможности по снижению налогового бремени. Так, наличие собственного пенсионного фонда позволяет инвестировать отчисления работников на пенсионные нужды в деятельность фирмы, а не передавать их в управление государству, управляющим компаниям или независимым пенсионным фондам. Например, в составе дочерних обществ ОАО «Акционерная компания по транспорту нефти «Транснефть» присутствуют ЗАО «Страховая компания «Транснефть» и Негосударственный пенсионный фонд «Транснефть». В качестве примеров фирм, имеющих собственные пенсионные фонды, можно назвать ЗАО «АЛРОСА», ОАО «АВТОВАЗ», ОАО «Газпром», ОАО «РЖД», ОАО «ЛУКОЙЛ», ОАО «НК «Роснефть». Собственные фонды, в свою очередь, имеют возможность инвестировать пенсионные накопления в ценные бумаги компаний, входящих в фирму.

Итак, мы можем сформулировать особенности финансового механизма фирмы: 1) более устойчивое финансовое состояние и повышенный потенциал привлечения заемных средств, что определяет более выгодные условия привлечения кредитных ресурсов; 2) возможность получения высокого уровня эффекта финансового рычага; 3) формирование внутрифирменного финансового рынка для финансирования инвестиционных проектов, повышенные инвестиционные возможности и возможности финансирования НИОКР; 4) использование трансфертных цен при проведении внутрифирменных расчетов; 5) использование налоговых схем, недоступных предприятиям; 6) минимизация относительного уровня трансакционных издержек; 7) применение неденежных форм расчетов и введение внутренней условной валюты (например, собственные векселя), а также использование разных национальных валют в случае размещения внутрифирменных подразделений в разных странах.

Таким образом, необходимо наличие высококоразвитых институтов, учитывающих особенности институционального и финансового меха-

низма функционирования фирм и способных ограничить их оппортунистическое поведение. При этом в настоящее время в российском законодательстве определено понятие предприятия и

отсутствует определение фирмы. Такое положение представляется серьезным провалом институциональной среды, который должен быть устранен в интересах общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулов В. Б. Финансовый менеджмент: Учеб. пособие. 3-е изд., доп. и перераб. Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. 228 с.
2. Акулов В. Б. Теория экономической организации: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 296 с.
3. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: Учебник / Под общ. ред. д. э. н., проф. А. А. Аузана. М.: ИНФРА-М, 2006. 416 с.
4. Номинальный объем произведенного ВВП: [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b01_19/lssWWW.exe/Stg/d000/i000610r.htm.
5. Одиноца М. И. Институциональная экономика: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Дом ГУ ВШЭ, 2008. 397 с.
6. Петрова Ю. Бегство за капиталом // Секрет фирмы. 2006. № 43 (178).
7. Полищук Л. Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 28–44.
8. Списки крупнейших компаний и лидеров в отраслях экономики: Рейтинг «Эксперт-400» / Эксперт РА. 2006 год: [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/ratings/expert400/2006/table1/>.
9. Списки крупнейших компаний и лидеров в отраслях экономики: Рейтинг «Эксперт-400» / Эксперт РА. 2007 год: [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/ratings/expert400/2007/table1/>.
10. Списки крупнейших компаний и лидеров в отраслях экономики: Рейтинг «Эксперт-400», 2008 год / Эксперт РА: [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/ratings/expert400/2008/table1/>.
11. Тамбовцев В. Л. Теории институциональных изменений: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2009. 154 с.
12. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Науч. ред. и вступ. ст. В. С. Каткало. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996. 702 с.
13. Хейфец Б. А. Оффшорные финансовые сети российского бизнеса: [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ua-offshore.com/news/newsall/19-drugoe/>.
14. Эстония отрицает, что в ее банках отмывают деньги россияне: [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2009/07/22/IEstonija_otricaet_chno_v_e.
15. <http://nalogam.net/Uxod-ot-nalogov-3/Rossijskie-Offshory-59/>.
16. <http://www.markets-today.ru>

УДК 342.7

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ПАЛЬЦЕВА

аспирант кафедры международного и конституционного права, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета, Петрозаводский государственный университет
lena-adress@mail.ru

ДОПУСТИМОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ СЛОВА ЖУРНАЛИСТА

В статье рассматривается вопрос о том, должен ли нести журналист гражданско-правовую ответственность, если в основе своего материала он использовал достоверную информацию из судебного приговора, не вступившего в законную силу.

Ключевые слова: презумпции невиновности, ограничение свободы слова, судебное решение, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод

Журналисты и редакции средств массовой информации должны отвечать за достоверность публикуемых ими сведений и корректность формы их изложения. Об этом однозначно говорится в статье 49 Закона РФ «О средствах массовой информации» [4] (далее – Закон «О СМИ»): журналист обязан проверять достоверность сообщаемой им информации.

Законодательство России предусматривает институты гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности за умаление чести, достоинства и деловой репутации, за клевету и оскорбление через СМИ. Это обосновано тем, что информация, распространяемая публично, может реально нарушить права человека, закрепленные в международно-правовых актах и российской конституции: право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиту своей чести и доброго имени (статья 23 Конституции РФ).

В соответствии со статьей 152 Гражданского кодекса РФ, для возникновения гражданской от-

ветственности необходимо соблюдение трех условий: 1) установление факта распространения; 2) порочащий характер сведений; 3) несоответствие сведений действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом [5].

Для привлечения к уголовной ответственности нужно, чтобы журналистский материал фактически соответствовал признакам состава преступления, предусмотренным статьей 129 «Клевета» и статьей 130 «Оскорбление» Уголовного кодекса РФ. Клевета – это распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, причем клевета в СМИ является отягчающим обстоятельством, в Уголовном кодексе РФ в виде санкции предусмотрен арест от 3 до 6 месяцев. Оскорбление – это унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Публичное оскорбление, в том числе в СМИ, предусматривает штраф до 80 тыс. руб. либо исправительные работы до 1 года.

Ряд гарантий для защиты чести и достоинства косвенно содержатся в процессуальных кодексах. Они устанавливают возможность проведения закрытых судебных заседаний. В статье 10 Гражданского процессуального кодекса предусмотрено, что «разбирательство в закрытых судебных заседаниях допускается и при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина» [2].

Уголовно-процессуальный кодекс указывает, что «закрытое заседание проводится в случае, когда... рассмотрение уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и других преступлениях может привести к разглашению сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства либо сведений, унижающих их честь и достоинство» [3].

Данные кодексы допускают видео-, фото- и киносъемку только с разрешения суда.

Все перечисленные выше нормы направлены на защиту чести, достоинства и деловой репутации гражданина при распространении порочащих сведений, в том числе и через СМИ. Однако практический интерес представляет вопрос о том, должен ли нести ответственность журналист, если имело место распространение порочащих сведений, основанных на приговоре суда, не вступившего в законную силу. Нарушает ли журналист в этом случае принцип презумпции невиновности?

Согласно статье 11 Всеобщей декларации прав человека, «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». В соответствии с ч. 1 статьи 49 Конституции РФ, «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Следовательно, принцип презумпции невиновности распространяется на обвиняемых в совершении преступления.

По статье 47 Уголовно-процессуального кодекса РФ, обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого или вынесен обвинительный акт [3].

Если буквально толковать статью 49 Конституции, то презумпция невиновности действует в отношении лица только с момента вынесения

постановления о привлечении его в качестве обвиняемого и в течение судебного процесса. При вступлении обвинительного приговора в силу в отношении обвиняемого выполняется условие для прекращения презумпции невиновности, предусмотренное п. 1 статьи 49 Конституции: «...пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Некоторые специалисты расширительно толкуют термин «обвиняемый», распространяя его и на подозреваемого. Так, В. Д. Карпович считает, что данная статья «текстуально относит презумпцию невиновности только к обвиняемому, т. е. к лицу, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 46 УПК), однако ее положения в равной мере относятся и к подозреваемому – лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело или которое задержано по подозрению в преступлении или до предъявления обвинения подвергнуто мере пресечения» [12].

Однако нужно учитывать, что презумпция невиновности является принципом уголовного судопроизводства и должна действовать в рамках Уголовно-процессуального кодекса РФ. «Обвиняемый» и «подозреваемый» – два процессуальных статуса лица, дающие ему различные права и обязанности на стадии предварительного следствия. Объединение их с позиции презумпции невиновности является расширенным толкованием Конституции РФ. Следовательно, претендовать на соблюдение презумпции невиновности может лишь обвиняемый. Однако практика показывает, что это положение для защиты чести и достоинства используют и лица, являющиеся как подозреваемыми, так и осужденными, в отношении которых приговор еще не вступил в законную силу.

Следующая проблема связана с раскрытием понятия «считается». Мы полагаем, что хотя конституционная норма и предполагает распространение принципа презумпции невиновности на неопределенный круг лиц, здесь все же есть исключения. В первую очередь, исключения должны касаться тех граждан, которые являются представителями государства в судебном процессе, а именно прокуроров, следователей, судей.

Европейский суд по правам человека в своих решениях выработал единые стандарты допустимости высказываний должностных лиц вне процесса по поводу виновности подсудимого. Отметим, что эти обязанности оговорены только в отношении должностных лиц, следовательно, соблюдать принцип презумпции невиновности в смысле статьи 49 Конституции РФ должны только государственные органы и их должностные лица.

а. Свобода выражения своего мнения, гарантируемая статьей 10 Конвенции, распространяется и на свободу получения и распространения информации. Следовательно, п. 2 ста-

ты 6 не может препятствовать властям информировать общественность о ведущихся уголовных расследованиях, но она требует, чтобы власти делали это сдержанно и деликатно, как того требует уважение презумпции невиновности [7].

- б. Комиссия допускает, что принцип презумпции невиновности – прежде всего гарантия процессуального характера по уголовным делам, но сфера применения этого принципа значительно шире: он обязателен не только для уголовного суда, который решает вопрос об обоснованности обвинения, но и для всех остальных органов государства [7].
- в. Закрепленная в п. 2 статьи 6 Конвенции презумпция невиновности является одним из элементов справедливости уголовного судопроизводства. Она запрещает преждевременное выражение судом своего мнения о том, является ли лицо, «обвиняемое в совершении уголовного преступления», виновным, до того, как это будет доказано в соответствии с законом. Она также распространяется на заявления, сделанные другими должностными лицами относительно уголовных дел, рассмотрение которых продолжается, если они заставляют публику поверить в виновность подозреваемого и подрывают оценку фактов компетентным судебным органом [8].

Приведенные позиции Европейского суда по правам человека в достаточной мере защищают обвиняемого в совершении уголовного преступления от предопределения его вины до суда должностными лицами государства.

Журналисты, освещающие уголовные процессы, часто в основе своих материалов используют судебные приговоры, не вступившие в законную силу. В этом случае при публикации, безусловно, затрагиваются честь и достоинство человека, особенно если это обвинительный приговор. Защищать свое доброе имя, используя статью 152 Гражданского кодекса РФ, не удастся, так как эта статья применяется при условии, что сведения не соответствуют действительности. Однако, используя ссылку на нарушение их конституционного права на презумпцию невиновности, истцы имеют возможность, не вникая в суть спора, по тому формальному признаку, что приговор не вступил в законную силу, взыскать с журналиста компенсацию морального вреда.

На наш взгляд, судебное и доктринальное признание того факта, что публикации в СМИ могут нарушать презумпцию невиновности, является недопустимым ограничением свободы слова, поскольку дает возможность признать почти любое обвинение со стороны журналистов противозаконным вне зависимости от его истинности и корректности. Так, 15 января 2008 года в отношении чиновника Ц. Петрозаводский городской суд вынес обвинительный приговор. Ц. был признан виновным в совершении нескольких преступле-

ний (в том числе превышения должностных полномочий, мошенничества, служебного подлога). На этот приговор была подана кассационная жалоба. В итоге определением Верховного суда Республики Карелия приговор в части признания Ц. виновным в мошенничестве и подлоге был отменен за отсутствием в деянии состава преступления и непричастностью. В перерыве между приговором суда первой инстанции и определением Верховного суда в газете «Новая Кондопога» вышла статья журналиста Ш. «Спектакль для простаков», которая и стала предметом судебного разбирательства. Ц. подал иск о защите чести и достоинства, так как, по его мнению, было нарушение со стороны журналиста и газеты статьи 49 Конституции. Истец указывал, что были опубликованы сведения о его виновности в совершении преступлений, однако приговор не вступил в законную силу, поэтому, учитывая презумпцию невиновности, ответчики не имели права опубликовать спорную статью, чем нарушили закон.

Суд принял позицию истца, частично удовлетворил его исковое заявление, снизив сумму за компенсацию морального вреда с 1 200 000 до 30 000 руб.

Основанием для признания журналиста виновным послужили три фразы в статье: 1) «действия преступной троицы», 2) «заклучение станет равноценной платой за украденные миллионы», 3) «если когда-то предполагалось, что нас могут использовать в своих интересах враги из-за границы, то теперь враги внутренние (читай – мошенники) оказываются куда страшней».

Суд мотивировал свое решение следующим образом: «...эти три места в тексте опубликованной ответчиком статьи истолковываются как подтверждение того, что в соответствии с информацией, распространенной в статье, истец действительно совершил и виновен в совершении группой лиц мошенничества либо кражи (украденные миллионы) в особо крупном размере». В преамбуле имя истца не упоминается, однако после ее прочтения можно «легко идентифицировать тех личностей, которые в этой преамбуле к статье названы мошенниками, в том числе и истца». Оценивая установленные судом обстоятельства, собранные по делу доказательства, суд пришел к выводу, что «публикацией спорной статьи ответчика и распространением в ней информации об истце как о лице, признанном виновным в совершении преступления при отсутствии вступившего в законную силу приговора суда, нарушено неимущественное право истца, охраняемое Конституцией РФ, на презумпцию невиновности, то есть считаться невиновным, пока виновность не будет доказана и установлена вступившим в силу приговором суда» [9].

В апреле состоялось заседание Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Карелии, где решение суда первой инстанции оставили в силе [10]. Надзорная жалоба также была отклонена [11].

Такой подход суда приводит к необоснованному ограничению свободы слова. В качестве аргументов приведем следующие правовые позиции:

1. Журналист пользовался достоверной информацией, источником которой являлся вынесенный судом общей юрисдикции обвинительный приговор. Его суть была изложена в статье, то есть сведения относительно истца на момент публикации соответствовали действительности.
2. Ц. – чиновник, то есть он является публичным лицом. Европейский суд выработал принцип повышенной терпимости «публичных фигур» к критике в их адрес, который подлежит применению российскими судами. В Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ в разделе 7 отмечено, что «информация о частной жизни политического деятеля может распространяться в тех случаях, когда имеется общественная обеспокоенность в отношении того, как они исполняли или исполняют свои обязанности».

Европейским судом еще в 1986 году было дано толкование статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод по данному аспекту. В решении по делу «Лингенс против Австрии» [4] говорится: «Свобода слова охватывает не только “информацию” или “идеи”, которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет “демократического общества”. Эти принципы приобретают особое значение в том, что касается прессы. <...> Необходимо проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями». Суд далее указал на то, что журналисты могут быть привлечены к ответственности за распространение недостоверных сведений, «если только не сумеют доказать истинность своих утверждений». В отношении оценочных суждений выполнить это требование невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции».

3. В соответствии с п. 5 статьи 49 закона РФ «О СМИ», журналист освобождается от обязанности получать согласие на распространение в СМИ информации о личной жизни гражданина в случае, если это необходимо для защиты общественных интересов.

Презумпция невиновности является принципом уголовного судопроизводства, поэтому в его рамках и должна применяться. Должностным лицам, ведущим уголовный процесс от имени государства, запрещается заявлять до приговора суда о виновности обвиняемого. Журналисты не участвуют в уголовном процессе и не относятся к категории лиц, обладающих полномочиями по ограничению прав и свобод гражданина. Поэтому

мнение журналиста не может юридически повлиять на право человека считаться невиновным.

Практика привлечения журналиста за высказанное мнение о рассмотренном уголовном деле по причине нарушения презумпции невиновности устанавливает запрет на проведение журналистских расследований, комментирование в СМИ предварительного следствия и судебного разбирательства по делам, представляющим значительный общественный интерес, что является недопустимым ограничением свободы слова в России.

И еще один вопрос, который связан с деятельностью судебных репортеров: является ли основанием для отказа в иске о защите чести и достоинства использование в статье данных из вступивших в силу судебных приговоров, которые впоследствии были отменены в порядке надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам?

На наш взгляд, в этом случае в возмещении убытков и компенсации морального вреда должно быть отказано со ссылкой на статью 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [1], которая закрепляет обязательность и неукоснительное исполнение судебных постановлений, вступивших в законную силу, и, соответственно, на статью 49 Конституции РФ, которая действует до вступления в силу приговора суда. Но на СМИ может быть возложена обязанность опровергнуть опровержение в силу п. 3 статьи 152 Гражданского кодекса РФ, которая закрепляет, что «гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации». Здесь, как верно отмечает С. В. Потапенко, опровержение – это мера защиты, а не мера ответственности [13; 269].

Судебная практика содержит большое количество случаев неправомерных ссылок на нарушение презумпции невиновности. Часто поводом для них является опубликование каких-либо сведений, свидетельствующих о незаконной или преступной, на взгляд автора, деятельности другого лица и вывод автора о том, что данное лицо является «вором», «взяточником», «мошенником». Способов защитить честь и достоинство у потерпевшего достаточно. Это может быть гражданский иск к автору и редакции, в соответствии со статьями 151 и 152 Гражданского кодекса РФ, предусматривающими опровержение несоответствующих действительности порочащих сведений и компенсацию морального вреда, причиненного их распространением. При наличии определенных условий потерпевший может привлечь автора публикации к суду по статье 129 либо 130 Уголовного кодекса РФ.

Эти меры, безусловно, оправданны и позволяют избежать злоупотреблений свободой слова

со стороны средств массовой информации. На наш взгляд, обращение истца к доводу, что журналистом «нарушена презумпция невиновности» служит показателем неготовности или нежелания субъекта обвинений рассматривать их содержание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный конституционный закон 31.12.1996 № 1 – ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 27.12.2009) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 11.02.2010) // Собрание законодательства РФ. № 46. Ст. 4532.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 18.12.2001 № 174 – ФЗ (ред. от 29.12.2009) // Собрание законодательства РФ. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 09.02.2009) // Российская газета. 1992. № 32. 8 февраля.
5. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного суда. 2005. № 4. П. 7.
6. Постановление Европейского суда по правам человека от 8 июля 1986 «Лингенс против Австрии» [Электронный ресурс] // Электрон. дан. URL: <http://www.medialaw.ru/article10/6/2/15.htm> свободный. Яз. рус. (дата обращения 10.01.2009).
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 10 февраля 1995 года «Аллене де Рибемон против Франции», п. 38 [Электронный ресурс] // Электрон. дан. URL: <http://www.medialaw.ru/article10/6/2/8.htm> свободный. Яз. рус. (дата обращения 22.12.2009).
8. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 апреля 2008 года «Исмоилов и другие против России», п. 161 [Электронный ресурс] // Электрон. дан. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/Rismoilovcase.html> свободный. Яз. рус. (дата обращения 22.12.2009).
9. Решение Кондопожского городского суда Республики Карелия от 04 марта 2009 года по делу по иску Цымлякова Игоря Владимировича к Государственному унитарному предприятию Республики Карелия «Редакция газеты “Новая Кондопога”», Швецово Галине Евгеньевне о взыскании компенсации морального вреда.
10. Кассационное определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного суда РК от 14 апреля 2009 г., г. Петрозаводск.
11. Определение об отказе в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции 20 октября 2009 г., г. Петрозаводск.
12. Карпович В. Д. Комментарий к Конституции РФ [Электронный ресурс] // Электрон. дан. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3300115.htm#sub_para_N_1049 свободный. Яз. рус. (дата обращения 22.12.2009).
13. Потапенко С. В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ: Дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА ИЛЮХА

кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН
iljuha@krc.karelia.ru

Рец. на кн.: Калинина Е. А. Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 264 с.

Исследовательский интерес к изучению истории российского образования и его основы – общеобразовательной школы, оживившийся в последнем десятилетии XX века, до сих пор не угасает. В значительной мере он поддерживается теми острыми дискуссиями, которые вызывают в обществе бесконечные непродуманные попытки реформирования современной системы образования, в результате чего школа далеко не всегда улучшает свои позиции, а подчас и утрачивает прежние достижения. Историки пытаются непредвзято проанализировать развитие отечественной школы в ее ретроспективе, оценить политику государства в сфере образования, определить уровень развития образования в России на разных этапах в сравнении с другими странами.

Автор одной из недавно вышедших книг о школе Олонецкого края конца XIX – начала XX века – кандидат исторических наук, учительница Елена Александровна Калинина, знающая о проблемах современной сельской школы не понаслышке. Как она отмечает во введении к своей книге, обращение к прошлому позволяет «лучше понять сущность современных задач сельской школы», «осмыслить влияние позитивных и негативных политических, социально-экономических факторов на функционирование этих учебных заведений сегодня» (с. 6).

Е. А. Калинина многие годы живет и работает в п. Эссойла Пряжинского района, знает и любит Сямозерский край, старается привить своим многочисленным ученикам интерес к истории малой родины. Вполне понятно, что территориальные пределы предпринятого ею исследования охватывают главным образом Олонецкий и Петрозаводский уезды, значительная часть которых входит ныне в состав Пряжинского района Карелии. Так сложилось исторически, что именно на этой территории в начале XIX века появились первые в Олонецкой губернии сельские школы. Воссозданию страниц прошлого этих школ на фоне имперской школьной политики XIX – начала XX века и посвящена книга Е. А. Калининой. Исследуя развитие народных школ края, автор вместе с тем уделяет пристальное внимание прежде всего рассмотрению проблемы в масштабе страны, в меньшей степени – губернии, пытается показать, какова была проекция политических решений государственного уровня на локальной территории, как эти решения отражались на жизни конкретной школы.

Следует отметить большую работу, проделанную исследовательницей по созданию информационной базы исследования. В книге использованы данные Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Национального архива Республики

Карелия. Это фонды Министерства народного просвещения и Санкт-Петербургского учебного округа, Петербургского университета и попечителя округа, Министерства государственных имуществ, Св. Синода, Олонецкого губернского земства, губернской администрации, губернского статистического комитета и другие. Использование документов разных фондообразователей важно не только для информационного обеспечения исследования, но и для верификации данных. В число источников вошли документы личного происхождения, авторы которых – учителя, школьные инспекторы и выпускники школ.

Достоинством работы является внимание к теме связей Карелии, входившей в состав Санкт-Петербургского учебного округа, со столицей Российской империи, где готовились квалифицированные кадры, откуда исходили импульсы многих начинаний и реформ. Так, в главе, открывающей книгу и посвященной первой половине XIX века, автор обращается к сфере законодательной регламентации школьной жизни и показывает ход создания учебных заведений во время правления Николая I. Читатель книги получит представление о том, в каких сложных условиях начиналось создание массовых сельских училищ (понятия «школа» и «училище» в то время использовались как синонимы). Уже с первых шагов существования школ в карельской местности, как отмечает автор, обнаружилась их главная проблема: непонимание учениками русского языка, на котором велось обучение, и плохое знание учителями-священниками карельского языка. Остается только сожалеть, что эта тема в полной мере не раскрывается в книге.

Другая трудность развития системы образования состояла в отсутствии стабильного финансирования со стороны государства, в результате чего материальное положение школ было крайне неустойчивым. Е. А. Калинина убедительно показывает, что многими положительными изменениями в сфере образования край обязан подвижничеству сельских священников и местных чиновников, на плечи которых легла материальная и духовная забота о деревенских школах. Например, первый директор народных училищ Олонецкой губернии, воспитанник Александр-Невской духовной академии, Авраам Егорович Крылов лично объехал по бездорожью десятки сел, чтобы встретиться с крестьянами и убедить их в пользе открытия школ. При отсутствии надежного финансирования А. Е. Крылов в ущерб собственной семье покупал на личные средства книги и другие принадлежности для школы. Идея служения, исполнения профессионального долга, несомненно, была общей чертой лучших представителей учительства на протяжении всего изучаемого периода.

При всех трудностях в первой половине XIX века были заложены основы системы управления школьным делом и появились первые государственные учебные заведения для крестьян-

ских детей. Уделяя большое внимание организационной работе по созданию школ, автор книги, однако, обходит стороной деятельность духовных властей губернского уровня и роль Олонецкой духовной епархии, с созданием которой в 1828 году школьно-просветительская работа заметно активизировалась. Эту интереснейшую сторону развития просвещения Олонецкого края в последнее время довольно интенсивно изучают историки православия (см., в частности: [1], [2], [3]).

Исследовательница обоснованно уделяет внимание тем изменениям, которые произошли в школьно-правовой сфере в 1860–70-х годах. Эти перемены отразились на развитии школы всей России. На примере Сямозерья – одного из регионов «земской» губернии, в книге показана позитивная роль органов местного самоуправления в развитии начального образования, отмечены меры надзора и контроля за школами, охарактеризована деятельность министра народного просвещения Д. А. Толстого, сыгравшего, как известно, заметную роль в выработке принципов просвещения нерусских народов империи.

С середины 1890-х годов в крае начинается осуществление программы введения всеобщего обучения, быстро растет число школ, и все большее количество детей вовлекаются в санкционированный государством процесс социализации. Конкретные проявления этого процесса на локальном уровне представляют интерес в плане изучения социальной истории. В этом отношении мог бы быть продуктивным компаративистский подход, позволяющий на основе сравнения получить дополнительные результаты. Сопоставление Сямозерской волости, входившей в Петрозаводский уезд земской Олонецкой губернии, могло быть осуществлено, например, с одной из карельских волостей Кемского уезда Архангельской губернии, где земства не было. Такое сопоставление позволило бы высветить разницу в положении школы в земской и неземской губерниях, показать влияние локальной экономической и этнокультурной специфики региона на отношение карельских крестьян к русскоязычной школе.

Пристальное внимание Е. А. Калинина уделила персоналиям, ставя задачей раскрыть роль личности учителя – ключевой фигуры в системе взаимодействия школы с крестьянским миром. Любопытны рассуждения и выводы автора о роли школы в жизни деревни и сельской округи, информация о деятельности учителей по распространению ремесленных и сельскохозяйственных знаний, по организации народных чтений и библиотек. Цитируемые в книге документы красноречиво говорят о влиянии авторитета учителя на отношение крестьян к школе. В 1842 года, давая согласие на открытие школы в Пряже, местные крестьяне отмечали: «Мы ему, Защепину, верим, в чем и подписуемся» (с. 55).

Автор уделяет внимание вопросам заработной платы и социального обеспечения, проблеме

материального стимулирования учительского труда, отмечая при этом, что «школа никогда не была местом обогащения, куда бы педагоги стремились ради заработка» (с. 161). Оценка сельским учителем XIX века собственного положения, к сожалению, и сегодня звучит очень актуально: «Идти в деревню – самопожертвование, подвиг...» (с. 182).

Большую ценность для краеведения представляют приложения к книге, содержащие сведения в таблицу информацию о школах Сямозерской волости (указаны название и тип школы, дата открытия и преобразования, наличие общежития и библиотеки при школе) и краткие исторические очерки о развитии народных школ. Очерки содержат также некоторый материал о школьной повседневности, устройстве быта учителей и учеников, организации процесса обучения – все это, несомненно, будет востребовано исследователями, занимающимися исторической антропологией школы.

Хронологические рамки монографии охватывают широкий период – с начала XIX века до 1917 года – и позволяют проследить историю

сельской школы в полном временном диапазоне деятельности Министерства народного просвещения: от принятия «Устава учебных заведений, подведомственных университетам» (1804 год) и появления первых государственных школ в деревне вплоть до Октябрьской революции, изменившей саму парадигму народного образования в стране.

В 2007 году Е. А. Калинина успешно защитила кандидатскую диссертацию, на основе которой и подготовила к печати рецензируемую книгу. Она продолжает работать в школе, живет ее проблемами и заботами, ведет интересную проектную работу со школьниками и при этом успешно занимается собственными научными исследованиями: находит время для поездок в архивы, выступает с докладами на научных конференциях, публикует статьи в региональных и столичных изданиях. Ее активная жизненная позиция, энергия и целеустремленность ломают тот стереотип, который связан в современном мире с выражением «сельская учительница». А может быть, это лишь продолжение истории, начавшейся два века назад...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галкин А. К., Бовкало А. А. Опыт обучения «поселянских детей» Олонецкой губернии в николаевское время // Философский век. Альманах 6. Россия в николаевское время. СПб., 1998. С. 143–159.
2. Олонецкая Епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001.
3. Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003.

УДК 39(4/9)

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории дореволюционной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
pashkov@psu.karelia.ru

Рец. на кн.: Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.): Монография. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 2006. – 324 с.

В 2006 году Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН опубликовал монографию А. Е. Загребина «Финно-угорские этнографические исследования в России».

Среди специалистов имя А. Е. Загребина хорошо известно еще со времен выхода в свет в 1999 году его монографии «Финны об удмуртах» [2]. С тех пор автор проделал большой путь от регионоведа до ученого европейского уровня. Он является непрямым участником российских и международных конференций финно-угроведов, неоднократно бывал на стажировках в Финляндии, публиковал свои работы в различных российских и зарубежных изданиях.

Результатом мощного творческого взлета последних десяти лет (с момента защиты кандидатской диссертации в 1997 году) и стало появление новой монографии А. Е. Загребина. Если охарактеризовать эту работу одной фразой, то следует сказать, что это первая в своем роде монография по истории зарождения финно-угроведения в России, она написана российским ученым на европейском исследовательском уровне.

Методология работы А. Е. Загребина выражена в формуле «эпохи-идеи-герои» (с. 8). Методологические подходы основаны на трудах ведущих отечественных (М. М. Бахтин) и западных (М. Фуко, Р. Барт и др.) философов. Иссле-

дование А. Е. Загребина основано на материалах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и многочисленных опубликованных источниках. Обращает внимание использование автором редких научных изданий XVIII века (географические словари, «путешественные записки» российских и зарубежных ученых, издания научных трудов) и их переизданий рубежа XX–XXI веков. Кроме изданий на русском языке А. Е. Загребин привлек публикации источников XVIII–XX веков на французском, немецком, финском языках и на латыни.

А. Е. Загребин хорошо ориентируется в историографии отечественной истории вообще, и особенно в историографии финно-угорских исследований в России. Вызывает легкое восхищение тот факт, что автор осведомлен о множестве небольших публикаций в малоизвестных региональных журналах и сборниках. Характеризуя исследования на иностранных языках, следует отметить, что А. Е. Загребин использовал более 200 трудов на немецком, английском, французском, венгерском и финском языках.

В центре внимания А. Е. Загребина – история зарождения и развития финно-угроведения в России, данная сквозь призму двух эпох (Просвещения и романтизма) и шести крупнейших финно-угроведов (Ф. И. Страленберга-Табберга, Г. Ф. Миллера, И. Г. Георги, А. И. Шегрена, М. А. Кастрена

и А. Регули). Такой подход представляется вполне правомерным. Действительно, в XVIII веке финно-угроведение развивалось под влиянием идей Просвещения, когда изучение этносов было лишь составной (и отнюдь не главной) частью изучения территории, а первые этнографы были одновременно географами, геологами, ботаниками, историками и т. д. Но именно они создали первые исследования об этнических меньшинствах, живших на окраинах России, включая и финно-угорские народы. Ситуация изменилась в первой половине XIX века, когда под влиянием историософских идей И. Г. Гердера и других немецких философов изучение этнографии, фольклора и этнической истории стало почти главным направлением развития гуманитарного знания. Особенно удался А. Е. Загребину анализ влияния романтизма на развитие финно-угорских исследований через рассмотрение идей «ученого кружка», «судьбы дороги», прародин, этнографии и героя-одиночки (с. 157–196).

Несомненным представляется и вклад А. Е. Загребина в изучение персоналий финно-угроведов. Из всех героев монографии наиболее известна и изучена научная деятельность Г. Ф. Миллера (наиболее полное описание рукописного наследия Г. Ф. Миллера, библиографию его работ и литературы о нем см. в [5]). В связи с 300-летним юбилеем со дня рождения ученого, отмечавшимся в октябре 2005 года, библиография работ о Г. Ф. Миллере еще больше пополнилась. Заслугой А. Е. Загребина можно считать анализ деятельности Г. Ф. Миллера как финно-угроведа.

Деятельность И. Г. Георги в настоящее время полузабыта. Последние исследовательские работы о нем как об этнографе выходили несколько десятилетий назад [11], [3], хотя это был выдающийся химик, геолог, медик, ботаник и геолог. Неслучайно в его честь экзотическое растение, привезенное в Европу в 1804 году, было названо георгином (с. 132). А. Е. Загребин не только дал характеристику вклада И. Г. Георги в финно-угорскую этнографию, но и напомнил о значении этого выдающегося этнографа в изучении нерусских народов России. В изучении этнографической деятельности Ф. И. Страленберга-Табберта А. Е. Загребин мог опираться только на вышедшие около 40 лет назад обобщающие работы Г. Яроша [13] и М. Г. Новлянской [8]. Несмотря на то что в последние годы появилось несколько новых работ о разных аспектах биографии и деятельности Ф. И. Страленберга-Табберта, неизученных сюжетов еще достаточно много, и можно согласиться с А. Е. Загребиним, что «феномен Страленберга... как и феномен его научной работы, остается загадкой для исследователя».

В изучении этнографов – финно-угроведов первой половины XIX века А. И. Шегрена и А. Регули А. Е. Загребина также можно считать первопроходцем в новейшей историографии. Достаточно отметить, что лучшая биография А. И. Шегрена написана английским исследова-

телем М. Бранчем и до сих пор не переведена на русский язык [15]. На русском языке до выхода книги А. Е. Загребина мы имели только один сборник тезисов, специально посвященный А. И. Шегрену [12]. Что касается А. Регули, то раздел книги, посвященный этому венгерскому исследователю, почти полностью основан на работах венгерских ученых.

Сказанное выше вполне можно отнести и к оценке раздела о М. А. Кастрене. Последний сборник, посвященный этому выдающемуся финно-угроведу, вышел на русском языке около 80 лет назад [9]. Книгу В. Б. Муравьева «Вехи забытых путей» [7], посвященную М. А. Кастрену, нельзя считать даже научно-популярной работой, это по сути беллетризованная биография.

Однако неясен принцип выбора именно этих шести исследователей. Если для XVIII века Ф. И. Страленберг-Табберт, Г. Ф. Миллер и И. Г. Георги действительно являются ведущими исследователями финно-угорской этнографии, то в первой половине XIX века таковым являлся, безусловно, Э. Леннрот, создатель поэмы «Калевала». Можно возразить, что личность и деятельность Э. Леннрота достаточно хорошо изучены (см., например, [4]) и нет необходимости повторяться. Но в середине XIX века изучением финно-угорских народов России успешно занимался также финский ученый А. Альквист (о нем см. [1]), издавший по итогам своих поездок книгу путевых очерков «Воспоминания о поездках по России» («*Muistelmia matkoilta Wenäjällä*») (новейшее издание [14]). Интересно, что во время поездки по селениям вепсов Олонецкой губернии он встречал стариков, которые еще помнили А. И. Шегрена. В России деятельность А. Альквиста практически неизвестна. Следовало бы где-то во введении более четко обосновать принципы, по которым был произведен отбор персоналий героев книги.

К сожалению, в рецензируемой монографии не были использованы некоторые работы, полезные для изучения данной темы. Это книга Б. И. Кошечкина «Открытие Лапландии» [6], содержащая хороший обзор историографии изучения кольских саамов и русский перевод биографического словаря «Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий» [10], в котором имеются биография М. А. Кастрена, написанная Т. Салминеном, и биография А. И. Бранча, написанная М. Бранчем.

Несмотря на отдельные недостатки, рассматриваемая работа А. Е. Загребина не только подводит итог предшествующим исследованиям по истории финно-угроведения в России, но является во многом новаторской, выводящей данную проблему на новый исследовательский уровень. Ее отличительными чертами являются прежде всего современные методологические подходы и широкое использование публикаций источников и исследований на иностранных языках. Эта работа открывает хорошие перспективы для активизации исследований по истории финно-угроведения в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жербин А. С. Из истории знакомства с Карелией в Финляндии. Путешествия А. Альквиста (50-е годы XIX в.) // Европейский Север: история и современность: Тезисы докладов. Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР, 1990. С. 28–29.
2. Загребин А. Е. Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XIX в. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 1999. 193 с.
3. Зиннер Э. П. И. Г. Георги // Зиннер Э. Г. Путешествие длиною в три столетия. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1973. С. 90–97.
4. Карху Э. Г. Элиас Леннрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск: Карелия, 1996. 238 с.
5. Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1. М.: Археографическая комиссия РАН, 2001. С. 170–215.
6. Кошечкин Б. И. Открытие Лапландии. Мурманск: Книжное изд-во, 1983. 128 с.
7. Муравьев В. Б. Вехи забытых путей. Финский этнограф и лингвист М. А. Кастрен. М.: Мысль, 1975. 71 с.
8. Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг: его работы по исследованию Сибири. М.; Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1966. 95 с.
9. Памяти М. А. Кастрена. К 70-летию со дня смерти. Л.: АН СССР, 1927. 74 с.
10. Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. 814 с.
11. Токарев С. А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1958. № 4. С. 113–127.
12. Шегрен – академик Санкт-Петербургской императорской Академии наук. СПб.: Фонд им. М. В. Ломоносова, 1993. 48 с.
13. Ярош Г. Ф. И. Табберт-Страленберг – спутник исследователя Сибири Д. Г. Месершмидта // Известия Сибирского отделения АН СССР. № 136. Вып. 1. Новосибирск, 1968. С. 68–73.
14. Ahlquist A. Muistelmia matkoilta Wenäjällä. Hämeenlinna: Karisto, 1986. 311 s.
15. Branch M. A. J. Sjögren studies of the North. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1973. 292 p.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, Петрозаводский государственный университет
pivoev@karelia.ru

ОТКЛИК НА ПУБЛИКАЦИЮ

Проблемы духовной безопасности, которым посвящена статья И. В. Лесковой, опубликованная в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета» (2009. № 8), являются вполне актуальными для России по нескольким причинам: 1) господство идеологии материализма и атеизма, которые вместо идеалов духовного совершенствования предлагали человеку утопические идеалы роста материального потребительства и создавали фундамент духовно-пессимистического миропонимания; 2) разрушение основ духовно-культурной идентичности, испытывающей агрессивное давление новых религиозных объединений: свидетелей Иеговы, Церкви Христа, неоязычества; 3) наступление массовой культуры, насаждающей примитивно-потребительские стандарты жизни, аморализм и беспринципность; 4) стандартизация и снижение гуманитарного содержания образования в школе и вузе, что снижает уровень социально-духовной зрелости молодежи, чревато усилением рационализма, технократизма и сциентизма в сознании студентов инженерных факультетов; 5) активизация националистических движений, которые предлагают вместо общегуманистических духовных ценностей опираться на групповой эгоизм отдельной нации, противопоставляющей свои интересы остальному человечеству; 6) наступление через Ин-

тернет порнографии и разврата; 7) алкоголизм, курение и наркомания, которые стали для России ведущим источником духовной деградации и демографического тупика.

Вполне можно согласиться с автором статьи, что проблеме духовной безопасности до недавнего времени не уделялось достаточного внимания. В качестве инициатора постановки данного вопроса она ссылается на А. А. Возьмителя. Имеется в виду несправедливо игнорируемый аспект *национальной* или *государственной* безопасности. И хотя автор ограничивается только тем, что «обозначает» основные, по ее мнению, стороны, ее попытка заслуживает внимания и обсуждения. Правда, для автора характерна привычка отождествлять государство и общество, соответственно, речь идет только о государственной безопасности, а не об общественной. Но зададимся вопросом: что важнее – общественная или государственная безопасность? Как ни странно это может звучать – общественная! Но в силу традиций советских, и вообще восточных, мы привыкли интересы государства ставить выше общественных.

Вполне правомерным представляется вопрос об идентичности, и не только национальной. Особенно важно сегодня обсудить вопрос о том, каков творческий потенциал специалиста, выпускника вуза, собирающегося решать задачи инно-

вационного развития России, о которых регулярно говорят руководители нашей страны.

Автор обращает главное внимание на угрозу специализации образования. И действительно, в советское время сложилась разумная система соотношения общего фундаментального образования и профессионального, поскольку вуз осознанно решал две задачи: *образование* и *профессиональное обучение*. На первых двух курсах студенту давались общие фундаментальные знания в той сфере науки, где он собирался специализироваться, а затем в последующие годы происходила профессиональная специализация. В настоящее время в подражание западным программам и подходам идет сокращение часов на общеобразовательные дисциплины, что уменьшает потенциал базовых знаний и ведет к узкой специализации. Но есть еще одна, не менее существенная сторона: стандартизация и унификация образования без одновременной дифференциации – пагубно скажется на уровне и качестве обучения и воспитания.

Каждый вуз имеет своих уникальных, оригинальных и талантливых ученых и преподавателей. Если их «постричь под одну гребенку», как это стремится сделать Министерство образования с помощью онлайн-тестирования ФЕПО, то будут подавляться эти традиции, будет разрушаться образовательная уникальность каждого вуза. К тому же уровень квалификации составителей интернет-тестов, их мировоззренческие позиции и компетентность вызывают большие вопросы. Нечто подобное осуществляется в средней школе с помощью ЕГЭ.

Если министерские чиновники считают, что инициативные и творческие люди представляют опасность для российского государства, то их деятельность представляется вполне логичной и оправданной. Чрезмерное «бюрократическое усердие» министерских чиновников, пытающихся выслужиться перед инициаторами и спонсорами «болонского процесса», часто заходит за гра-

ницы «пограничной пользы» и наносит объективный вред общественной безопасности. Преувеличение значимости стандартизации и унификации образования вредно для российского высшего образования, ибо формирует стереотипы исполнительности. При этом можно вспомнить популярные тесты IQ, которые измеряют потенциал аналогового, шаблонного мышления, но никак не проверяют способности к творчеству и инновационности.

Об этих вопросах нужно говорить, необходимо попытаться повлиять на Министерство образования, чтобы уменьшить перекосы государственной политики в области образования и защитить общественную безопасность от государственными чиновников, являющихся объективным препятствием на пути инновационного развития. Таким образом, перед высшей школой стоит альтернатива: или *инновационность*, или *стандартизация*. Но если руководители страны пытаются повернуть Россию на путь инновационности, то возникает предположение, что министерские чиновники сознательно или бессознательно саботируют решение этой важной задачи, чтобы обеспечить собственную безопасность, а не общественную или государственную.

Еще одно замечание: пытаясь раскрыть существо духовности, автор говорит о ее «субъективно-объективной природе», с чем можно согласиться, но в то же время о «идеально-материальной выраженности». Последнее вызывает серьезные возражения: в каком смысле духовное материально? А в каком – идеально? Противопоставление материального и идеального представляется некорректным. Материальное следует противопоставлять духовному, а идеальное – реальному, иначе мы получаем противоречие, взятое в разных отношениях, которое разводит эти феномены в несопоставимые плоскости, несводимые к одному измерению, без конструктивного решения проблемы.

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
факультета политических и социальных наук, Петрозавод-
ский государственный университет
sociolog@psu.karelia.ru

КАК ВОЗМОЖНА ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ?**(Памяти профессора Ю. В. Перова)**

В канун 2009 года ушел из жизни выдающийся представитель отечественной философской науки, блестящий знаток и хранитель творческого наследия классиков мировой философской мысли, исследователь фундаментальных и сложных проблем социальной и историко-философской теории, мыслитель, о которых говорят «философ от бога», – Юрий Валерианович Перов.

Юрий Валерианович любил повторять знаменитое изречение К. Маркса о недостаточности того, чтобы философская мысль обратилась к действительности, о необходимости устремления самой этой действительности к мысли, справедливо отмечая при этом, что «целые эпохи в истории многих народов были оставлены без (философского) внимания на том основании, что они не несли в себе разумно-необходимого содержания и не стали существенными этапами всемирно-исторического процесса» [7: 91]. Соглашаясь с этим тезисом, вполне допуская вместе с Ю. В. Перовым даже такую возможность, что и «наша современная российская действительность нефилософична, недостойна стать предметом философской мысли и для философии истории просто неинтересна», справедливости ради следует признать, что если под современной российской действительностью подразумевать, хотя бы отчасти, и российское философское сообщество нескольких последних десятилетий, то к яркой, новой, глубокой и честной философской мысли, каковой всегда и была

мысль самого Юрия Валериановича, она все же стремилась, и одному из бесспорно самых даровитых философов наших дней не пришлось изведать горькой участи непонятого и непризнанного современниками гения. Профессорское звание, многолетнее, до последних дней жизни, заведование кафедрой истории философии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, а в непростые «перестроечные» годы еще и руководство (высокой требовательностью в сочетании с непоказной демократичностью и доброжелательной тактичностью, памятное многим до сих пор) в должности декана работой всего философского факультета тогда еще Ленинградского государственного университета в целом, многочисленные научные регалии – все это было официальной, безусловно, заслуженной, но по существу очень скромной оценкой вклада Ю. В. Перова в развитие отечественной (да и отечественной ли только!) философской науки. Куда более значимым свидетельством восприимчивости философской общественности к теоретическим раз-

работкам Ю. В. Перова было искреннее расположение коллег и то жадное внимание, с которым ловили каждое – и устное, и письменное – слово его многочисленные студенты, аспиранты и докторанты; внимание, порою смешанное с чувством почти мистического трепета перед потрясающей глубиной и силой подлинной, основательной и хорошо продуманной мысли Юрия Валериановича, содержание и аргументированность которой всегда находились на уровне лучших образцов мировой философской классики. Для любого сколько-нибудь знакомого с его произведениями читателя совершенно очевидно, что та действительность, которая в первую очередь привлекала теоретическое внимание самого Юрия Валериановича, была действительностью *общественно-исторической*. Отдельные ее стороны становятся предметом серьезного социально-философского осмысления уже в первой крупной монографии ленинградского философа – «*Художественная жизнь общества как объект социологии искусства*» (1980). Размышлениям об исторической реальности (действительности) классиков мировой философской мысли Юрий Валерианович будет уделять особое внимание в многочисленных статьях, содержащих анализ (не менее, пожалуй, интересный и глубокий, чем работы самих мэтров) их литературно-философского наследия (см., например, [12]). Наконец, кульминацией неугасающего интереса Ю. В. Перова к философско-исторической проблематике станет публикация в различных теоретических сборниках и журналах целого цикла статей (частично сведенных затем в единый сборник «*Историчность и историческая реальность*» (2000)), специально посвященных проблемам онтологического статуса и теоретико-методологических оснований философского осмысления исторической реальности.

Как для одного из ярчайших и, к сожалению, последних представителей уже уходящей из мировой и отечественной философии эпохи «большого стиля», Юрию Валериановичу всегда было принципиально важно выдержать именно философский, «метафизический», ракурс осмысления любого из обсуждаемых им теоретических вопросов. Исходя из традиционного категориального различения эмпирически очевидного, наблюдаемого и измеряемого, доступного для научного анализа «*сущего*» и «из общих принципов» умопостигаемого «*бытия*», профессор Ю. В. Перов видел ключевую задачу философии (метафизики) истории в том, чтобы теоретически строго и доказательно уяснить природу исторической реальности как таковой, обосновать как возможность, так и необходимость самого исторического способа существования человека и человечества вообще. «*Метафизическая проблематика философии истории*» проясняется на пути различения «*исторически сущего*» и «*исторического бытия*». Все, что существует и происходит в истории: исторические обстоятельства и процессы, факты и события, люди и

их поступки, объективации, культурные формы и социальные связи, все возникающее и исчезающее, конечное, преходящее, – это «*историческое сущее*». История же (если она не просто совокупность всего в ней сущего), – это то, в чем это «*историческое сущее*» *есть*, необходимое условие самой возможности всякого (любого) исторического сущего. История должна уже быть, чтобы в ней могло что-то случаться, происходить как «*место*» для всего и для того, чтобы нам жить и действовать», – писал Юрий Валерианович [3; 170], делая вывод об «*историчности*» социальной материи как о фундаментальной характеристике ее бытия.

Обращаясь к этапам становления философско-исторической мысли, Ю. В. Перов справедливо отмечает: «...как платоновско-аристотелевская метафизическая традиция абсолютного универсума с ее иерархией метафизических мест и сущностей, так и новоевропейская метафизика представленности субъектом субстанциального мира были «*неисторичными*» и не содержали имманентных предпосылок для конструирования философии истории, а потому и не могли стать ее метафизическими основаниями. Если исходить из традиционных трактовок «*первой философии*» и «*метафизики*» как наиболее фундаментальной части философской проблематики, имеющей предметом сущее, каково оно само по себе, и бытие такого сущего, то история, напротив, это такое «*сущее*», которое «*само по себе*» с очевидностью не существует» [3; 169].

Новоевропейская философия истории также не выросла органичным образом из общефилософских метафизических оснований эпохи, полагает Юрий Валерианович, и стала возможной при условии и в меру их существенной корректировки посредством перехода просветительской социальной философии XVIII века от прежней «*дихотомии*» «*разумное – неразумное*» к их более слабому противопоставлению по степеням разумности» и построению исторической «*лестницы общественного прогресса как приближения человечества к реализации его природы*», как последовательного процесса исторического самоосуществления его разумной и априорной человеческой сущности (см.: [3; 169–170], [9; 25–26]). Обрела же адекватные «*метафизические*» основания и «*классические*» свои формы философия истории впервые и только у Гегеля, настаивает Ю. В. Перов, уделяя особое внимание в собственных философско-исторических размышлениях теоретическим построениям именно этого выдающегося представителя немецкого классического идеализма (см., например, [10]).

«Современная философская мысль (в том числе и философствование об истории) в существенных отношениях пребывает уже «*вне классики*». Такая вневыходимость и позволяет ей выявить метафизические предпосылки чужого мышления и воспринять их как «*исторические*», т. е. как исторически возникшие и исторически преходящие, а не как сами собой разумеющиеся, самоочевидные

и (в этом смысле) “естественные”», — отмечает Ю. В. Перов, делая оговорку, однако, что погрузившемуся в состояние глубокого кризиса постклассическому типу философского дискурса воспользоваться раскрывшимися возможностями в полной мере не удалось [3; 170].

Главным «свидетельством кризиса метафизики и одновременно тоски по ней» становится для Ю. В. Перова нарастающая со второй трети XIX столетия «тенденция к плюрализации бытия (его модусов), а соответственно, и к неизбежному умножению разного рода “онтологий” и “метафизик”, в том числе и к поиску специфической “метафизики (онтологии) истории”» [3; 169], попадающей в общий ряд с «философией культуры», «философией техники», «философией языка», «философией права» и прочими, которые «выглядят ныне чуть ли не “классическими” в сравнении с такими новообразованиями, как “феноменология тела”, “метафизика ландшафта”, “онтология лжи”, число которых умножается на наших глазах» [6; 132].

Ныне же, когда в философских кругах, кажется, уже окончательно возобладало убеждение в невозможности конструирования философии истории как универсальной теории и методологии социального познания, когда «речь идет уже не столько о содержательной неудовлетворительности тех или иных ее вариантов, а о кризисе самой философии истории в целом», именно «прояснение наиболее фундаментальных метафизических предпосылок философии истории (при всей их проблематичности) могло бы содействовать его преодолению», — настаивает Ю. В. Перов [3; 170]. «Есть основания утверждать, — формулирует профессор Ю. В. Перов свое теоретическое кредо, — что в XX веке сформировались *три* идейные конструкции, способные претендовать на статус “метафизических” предпосылок философии истории: идея универсальной историчности, утверждение онтологической самостоятельности истории общества в форме “бытия-как-истории” и постижение истории как самоосмысляющейся, самоинтерпретирующейся реальности» [3; 170], см. также [4; 21].

Процесс утверждения идеи универсальной историчности первоначально осуществлялся усилиями представителей так называемой «философии жизни» (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Дильтей, Г. Зиммель, О. Шпенглер и некоторые другие), для которых «историчность» оказалась «понятием, аккумулирующим и кристаллизующим временные параметры процессуально понятой жизни» [3; 171], см. также [9; 27–30, 39]. В их работах «исторический процесс предстает как основание всего существующего и обретает статус всеобъемлющей реальности и, в этом смысле, Абсолюта, поскольку вне истории, за ней, в ее основе и над ней нет ничего другого, что не было бы историей, не включалось в нее и существовало бы независимо от нее. Если все “исторично”, то только сам исторический процесс в состоянии

играть роль основания, которое все соединяет и на котором и в котором “держится” все существующее. “Историчность” есть метафизическое измерение процессуальности исторической жизни», — заключает Юрий Валерианович [3; 171]. Впрочем, «идея универсальной историчности в ее предельно общей форме в силу размытости и неопределенности своего содержания, всего лишь фиксирующего всеобщность становления применительно ко всему сущему, сама по себе не в состоянии, — отмечает санкт-петербургский философ, — стать онтологическим основанием для конструирования содержательной философии истории общества как особого рода действительности, своеобразной реальности человеческого существования» [3; 171]. Перспектива постичь это своеобразие видится Ю. В. Перову на пути философского переосмысления такого специфического модуса бытия, как «искусственное». «Бытие-как-история» — специфический способ бытия всего искусственного. Процессуальным образом понятая история может быть истолкована как «необратимый временной процесс самовоспроизводства общественной жизни в ее вещных и личных компонентах, как способ существования и саморазвития общественных “объективаций”» [3; 171], см. также [11]. «Искусственная историческая реальность существует и преобразуется благодаря людям, осуществляющим этот процесс, но, обладая независимыми от сознания людей каузальными, структурными, функциональными связями и закономерностями, оказывается как бы существующей “сама по себе”, хотя и иным способом, нежели природа, — полагает Ю. В. Перов. — Вся история, объемлющая, несущая и поддерживающая в себе совокупность объективаций и действующих людей, — это “творение, не имеющее творца”, “квазиприрода” и “квазисубъект” в форме временного процесса и охватывающей реальности; то вместе, где все мы и все искусственное “имеют место”, существуют и преобразуются» [3; 171]. Наконец, завершая свои философско-исторические рассуждения, от «первого метафизического вопроса» относительно исторической реальности (что означает «быть историчным», обладать историческим способом существования, пребывать в истории?) Юрий Валерианович обращается к систематической разработке того вопроса, который для (социальной) метафизики всегда был «последним» и наиболее проблематичным и заключается который (пользуясь цитируемой самим Ю. В. Перовым формулировкой М. Вебера) в том, что «если мир как целое и, в частности, жизнь должны иметь “смысл”, то каковым должен быть этот смысл и как должен выглядеть мир, чтобы соответствовать ему?» [1; 122].

Констатируя изначальную осмысленность, пронизанность значениями и ценностями исторического мира и системы социальных действий человека, Юрий Валерианович замечает, что последний отнюдь «не только мыслью, но своей исторической жизнью в процессе и результатах

практической деятельности, самым своим существованием совместно с другими производит и воспроизводит значения и смыслы в общественно-историческом жизненном процессе» [3; 172], см. также [8]. С учетом того что «механизмы формирования общественных ценностей и норм по существу отличны от механизмов формирования индивидуальных целей» [5; 126], сам «универсальный исторический процесс, внутри которого возникают, пребывают и что-то “значат” ценности и обретаются смыслы, и устраняет, – настаивает автор, – представляющее мышление субъекта (индивидуума) в качестве единственного органа их конструирования и вместилища» [3; 172]. Таким образом, соединение начатой еще И. Кантом, продолженной неокантианцами XX века тенденции к «субъективизации смыслов истории» с идеей «универсальной историчности» и признанием бытийной самостоятельности истории («как бытия искусственного») создает, заключает Ю. В. Перов, необходимые теоретические предпосылки для постижения истории как самоистолковывающейся, самоинтерпретирующейся, пытающейся (посредством сознательно-целесообразной, субъективно-мотивированной человеческой деятельности) постичь свой смысл и реализовать свои объективные цели реальности (см.: [8; 72, 79], [3; 171] и др.).

Будучи, впрочем, как и все подлинно выдающиеся и по-настоящему глубокие исследова-

тели, человеком удивительно интеллигентным и скромным, а как профессиональный знаток мировой философской мысли еще и зная о бесславной исторической кончине многих, порою очень ярких, смелых и величаво прославленных некогда идей, Юрий Валерианович всегда проявлял осторожность в оценке исторических перспектив и собственных теоретических разработок, связанных с анализом основных идейных тенденций мировой философии вообще и философии истории в частности. «Даже если бы в перспективе удалось продумать и достаточно органично соединить названные тенденции, это никак не могло бы гарантировать успеха», – писал он [4; 21]. Соглашаясь с Ю. В. Перовым в этом тезисе, согласимся с ним, однако, и в том, что с еще «большей долей вероятности... игнорирование этих идейных тенденций и нежелание считаться с ними в философских размышлениях будет означать, в лучшем случае, лишь реанимацию давно прошедших и оставленных философских представлений об истории» [4; 21].

Содержательная глубина, основательность и отточенная аргументированность философских произведений Ю. В. Перова еще долгое время, полагаем, будут приковывать внимание и будить мысль благодарного читателя, так же как никогда не изгладится из памяти всех знавших и слышавших его удивительное обаяние самой личности выдающегося мыслителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Социология религии // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 123–128.
2. Перов Ю. В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 188 с.
3. Перов Ю. В. Современная «метафизическая ситуация» в философии истории // Человек – Философия – Гуманизм: Материалы Первого Российского философского конгресса. Т. 4. СПб., 1997. С. 169–172.
4. Перов Ю. В. Жизнь в истории и мысль об истории // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 5–21.
5. Перов Ю. В. К вопросу о «метафизических» предпосылках философии ценностей // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 117–131.
6. Перов Ю. В. Проблема философского статуса социальной философии // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 132–144.
7. Перов Ю. В. «Русская Идея» и «либеральный проект для всего мира» // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 91–116.
8. Перов Ю. В. Смысл Истории // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 60–79.
9. Перов Ю. В. Универсальная историчность // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 22–43.
10. Перов Ю. В., Сергеев К. А. «Философия истории» Гегеля: от субстанции к историчности // Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 5–61.
11. Перов Ю. В., Сергеев К. А. Бытие-как-история // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 44–59.
12. Перов Ю. В., Сергеев К. А., Слинин Я. А. Очерки истории классического немецкого идеализма. СПб.: Наука, 2000. 672 с.

16 апреля 2010 года исполнилось 70 лет заведующему сектором археологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, заведующему Археологическим музеем ИЯЛИ, доктору исторических наук, члену редакционной коллегии нашего журнала *Светлане Ивановне Кочкуркиной*.

СВЕТЛАНА ИВАНОВНА КОЧКУРКИНА К 70-летию со дня рождения

Светлана Ивановна родилась в г. Денау Сурхандаринской области Узбекской ССР.

В 1962 году с отличием закончила Петрозаводский госуниверситет по специальности «история» и была направлена в Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в качестве лаборанта. В 1967 году она завершила обучение в целевой аспирантуре при Институте археологии РАН (Москва). В 1969 году защитила кандидатскую, в 1985 году – докторскую диссертации. С марта 1984 года заведует сектором археологии ИЯЛИ.

С. И. Кочкуркина является ведущим специалистом в области археологии. Ее научная и научно-организационная деятельность на протяжении 47 лет связана с исследованием проблем этнической истории, социально-экономического развития и торгово-культурных контактов древних карелов, вепсов и русских. Светлана Ивановна опубликовала около 150 работ, среди которых 13 книг, к ее юбилею вышла монография «Древнекарельские городища эпохи Средневековья». Для поисков археологических памятников, их инвентаризации и раскопок С. И. Кочкуркина осуществила археологические экспедиции в Карелии, Ленинградской и Вологодской областях; она исследовала курганы, городища, Олонецкую крепость XVIII века, Машезерский, Климецкий, Палеостровский, Брусненский монастыри. В составе междисциплинарного отряда КарНЦ РАН по проекту ТАСИС провела обследование историко-культурного наследия на территории проектируемых национальных парков «Калевальский», «Койтайоки» и «Лапукка». Под руководством С. И. Кочкуркиной ведутся регулярные спасательные раскопки памятников и осуществляется экспертная деятельность. С. И. Кочкуркина ведет активную образовательную и просветительскую деятельность: чтение лекций для студентов ПетрГУ, участие в конференциях, конгрессах, симпозиумах как в России, так и за рубежом.

За свою работу С. И. Кочкуркина неоднократно награждалась республиканскими грамотами, грамотами Президиума КарНЦ РАН и Президиума РАН, ей присуждалась государственная научная стипендия, присвоены звания заслуженного работника науки РК и РФ.

Поздравляем Светлану Ивановну с юбилеем, желаем продолжения плодотворной научной работы и дальнейшего сотрудничества с нашим журналом!

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложении в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи как правило не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – до 5 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – до 3 страниц. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом 6–8 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на двух языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде конечных сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания

и страницы (от и до или количество)) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до))). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORY. PHILOLOGY

To the 65th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War

Verigin S. G.

MILITARY REORGANIZATION OF POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC LIFE IN KARELIA IN EARLY STATES OF GREAT PATRIOTIC WAR

Summary: The article analyses reorganization practices of political and socio-economic life in Karelia in the early stages of the Great Patriotic War. The article is written on the basis of the archival documents from the Central and Karelian ministerial and departmental archives. Most of the materials are studied for the first time.

Key words: Great Patriotic War, Karelia, political and socio-economic life8

Chumakov G. V.

TRAINING OF INTELLIGENCE OFFICERS BY NKVD-NKGB (PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR INTERNAL AFFAIRS – PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR STATE SECURITY) OF KFSSR (KARELO-FINNISH SOVIET SOCIALIST REPUBLIC)

Summary: The article deals with specifics of intelligence officers' training provided by the regional agencies of NKVD–NKGB during the Great Patriotic War. Achievements and failures of this complicated task are discussed. A vast number of documents from the FSB archives of Karelian Republic are introduced to the public for the first time.

Key words: Great Patriotic War, intelligence, subversive, NKVD–NKGB, KFSSR18

Tuunainen Pasi

ELIMINATION OF POCKETS IN WESTERN LEMETTI DURING JANUARY-FEBRUARY 1940: USE OF GERMAN EXPERIENCE WITH STORM TROOPS BY THE FINNISH IV ARMY CORPS

Summary: The article covers the military tactic used by the Finnish IV Corps during the Soviet-Finnish (Winter) War of 1939–1940 to eliminate Soviet units encircled in pockets. It concentrates on the adaptation of the German WWI experience with storm troops to specific conditions of the winter weather and wooded terrain, as well as on the role of special training and personality factor.

Key words: Finnish military tactics, pockets, motif, Soviet-Finnish (Winter) War26

Duzhiev D. I.

WAR THEME IN PROSE OF NATIONAL KARELIAN WRITER JAAKO REGOJEV

Summary: The article analyses social and artistic evolution of the Great Patriotic War theme in the prose of the national writer of Karelia Jaako Rugoev.

Key words: Great Karelian literature, war prose, author's personalia33

Spiridonova I. A.

“FEATURE ARTICLES ABOUT ACTS OF BRAVERY” BY RUD. BERSHADSKY: FAILED PUBLICATION IN JOURNAL “ZNAMYA” (1941)

Summary: The article is written based on the archival documents and is dedicated to “Feature Articles” (1941) written by R. Bershadsky. The central problem – a man and a war, posed in “Feature Articles” is studied in the historical and literary context.

Key words: Feature articles, literature about war, psychological logic, literary proofreading, Bershadsky's work47

Mihailuchenko O. S.

MOTIVES OF DEATH AND REBIRTH IN A. PLATONOV'S STORY “OBORONA SEMIDVORYA”

Summary: The article offers a review of the textological study of the story “Oborona Semidvorya”. The study is based on the manuscript and publications found in military journals. The use of these documents helped to refine the semantics of the death and rebirth theme in one of the central works of A. Platonov.

Key words: Textology, poetics, motif, works of Platonov, literature of the Great Patriotic War51

HISTORY

Nikulina T. V., Charebova L. S., Tere V. A.

ABOUT NOTES AND ENTRIES IN CYRILLIC BLACK-LETTER BOOKS OF XVII CENTURY

Summary: The article is a review of the information space, presented in the notes written by the book owners and book

readers on the pages of Cyrillic black-letter books published in the XVII century. The books are located in the book depositories of Karelian Republic. The article is based on the materials of the soon-to-be-published union catalogue of Cyrillic black-letter books of Karelian Republic.

Key words: Books, book printing, black-letter, books with Cyrillic font, Cyrillic publication, notes60

Pobezhimov A. I.

ON DEFINITION OF COLONIAL ROUTES IN POONEZHJE

Summary: The article defines ancient water-barge hauler routes to Poonezhje. Additional proofs of the existence and use of already known barges are presented. Water-barge hauler routes of local value, which previously drew no attention of researchers, are reconstructed.

Key words: Russian North, Historical Geography, Poonezhje63

PEDAGOGY

Pilipenko E. K., Burdugova N. A.

PERSONAL ARGUMENTATION STRENGTH AS ONE OF EVALUATION CRITERIA FOR ESSAY WRITING AT UNIFIED NATIONAL EXAM

Summary: The article examines graduates' argumentation strength and modeling as evaluation criteria for the exit essay writing exam held in the format of the Unified National Exam. Changes in the evaluation criteria based on the graduates' argumentation modeling were monitored through 2004–2009. Samples of typical mistakes in the fulfillment of the requirements for the exit essay writing in Karelian Republic are provided.

Key words: Methods of teaching Russian, the Unified National Exam, exit essay writing, evaluation criteria, argumentation modeling and reasoning, educational technologies, technologies for critical thinking development72

PHILOLOGY

Lvova I. V.

F. M. DOSTOEVSKY AND PH. ROTH: CRIME AND PUNISHMENT THEME IN THE NOVEL "PORTNOY'S COMPLAINT"

Summary: The article explores the influence of Dostoevsky's literary themes and artistic methods on the creative work of one of the most prominent American writers of the XX century – Ph. Roth. The study is based on his essays, interviews and the novel «Portnoy's Complaint». It shows how strongly Dostoevsky's works influenced Roth's interpretation of crime and punishment problem, his use of irony, mockery, the innate tension between the ridiculous and pathetic.

Key words: American literature, F.M Dostoevsky, act of immaturity, critical understanding, crime and punishment, mockery, influence, Russian-American literary relations.....77

Kunilsky D. A.

ABOUT LITERARY COLDNESS (A. Khomyakov and I. Kirievski's perception of A. Pushkin)

Summary: The main objective of the article is to analyse Khomyakov and Kirievski's evaluation of Pushkin's works. The article highlights questionable attitude of Khomyakov to Pushkin. Much attention is paid to the evolution of literary criticism and aesthetical views of Kirievski during the Slavophil period, which influenced his perception of Pushkin's work. The facts proving the lack of attention to Christian heritage in Pushkin's works are presented.

Key words: Slavophilism, Pushkin's works, aesthetics80

ECONOMICS

Kozyrev V. V., Saveliev Y. V.

ESSENCE OF MODERN COMPETITION AMONG TERRITORIES: MARKETING APPROACH

Summary: The article analyses special features of the modern business struggle among competing territories for bringing in new industries, labor resources and capital. The authors offer new methods of using «marketing cooperation» concept to enhance competitiveness of the territories. Competitive capacity of the territories will increase if they are included into the external process of creating value. A concentration of value-added chains in the region will also strengthen competitiveness of the territories.

Key words: Competition of territories, territorial marketing, marketing concepts, marketing cooperation, value-added chains86

Rugacheva A. V.

FINANCIAL MECHANISM AS PART OF THE COMPANY'S INSTITUTIONAL AND FUNCTIONING STRUCTURE

Summary: The article reviews special features of the institutional and financial mechanisms of the functioning company enabling transfer of its financial resources abroad. The main attention is paid to the characteristics of these financial mechanisms and economic consequences of such practices on national economy.

Key words: Company, institutional functions, financial mechanism91

LAW*Paltseva E. S.***ADMISSIBILITY OF PRESUMPTION OF INNOCENCE PRINCIPLE TO THE LIMITATIONS ON JOURNALISTS' FREEDOM OF SPEECH**

Summary: The article considers a question whether a journalist should be held liable for using trustworthy information about a verdict, that has not come into effect, as a source of his news report.

Key words: Presumption of innocence, limitations on freedom of speech, verdict, European Convention for Human Rights and Fundamental Freedoms97

REVIEWS*Ilucha O. P.*

The book review: *Public Schools of Olonetz Province in the XIX and at the Beginning of the XX Century* by Kalinina E. A.102

Pashkov A. M.

The book review: *Ugro-Finnish Ethnographic Research in Russia (XVIII Century – the First Half of the XIX Century)* by Zagrebin A. E.105

DISCUSSIONS*Pivoev V. M.*

Response to the Publication108

MEMORY*Sokolov A. S.*

How Could the Philosophy of History Be Possible? In Memory of Prof. Y. V. Perov110

JUBILATION

To the 70th Birthday Anniversary of S. I. Kochkurkina114

INFO FOR THE AUTHORS115